

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С. И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лавёров* (председатель), докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, академик *И.А. Глебов*,
докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*, академик *Б.П. Захарченя*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
канд. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*, докт. хим. наук *В.И. Кузнецов*,
академик *А.М. Кутепов* (зам. председателя), канд. техн. наук *Н.К. Ламан*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
член-корреспондент РАН *В.А. Медведев*, докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*,
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. техн. наук *А.В. Постников*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. ист. наук *Э.К. Соколовская* (ученый секретарь),
канд. техн. наук *В.Н. Сокольский*, докт. хим. наук *Ю.И. Соловьев*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьев*,
академик *И.А. Шевелев*, академик *А.Е. Шилов*

В. С. Корякин

**Фредерик
Альберт
КУК
1865 – 1940**

Ответственный редактор
доктор технических наук
А. В. ПОСТНИКОВ

МОСКВА
«НАУКА»
2002

УДК 910
ББК 26.89
К 66

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.Ф. Старков*,
кандидат географических наук *В.А. Маркин*

Корякин В.С.

Фредерик Альберт Кук, 1865–1940. – М.: Наука, 2002. – 248 с.:
ил. – (Науч.-биогр. лит.).

ISBN 5-02-022730-7

Герой этой книги на рубеже XIX–XX столетий первым зимовал в Антарктике. Первым достиг высочайшей вершины Северной Америки и также первым побывал у Северного полюса, а возможно, и на нем самом. Однако его заслуги не были признаны, сам он был оклеветан и несколько лет провел в тюрьме по ложному обвинению. Только после его смерти постепенно стало выясняться, что все, что раньше люди (включая некоторых ученых) принимали за заведомую ложь, действительно имеет место в высоких широтах.

Эта книга о месте исследователя в современном обществе и о признании обществом его заслуг.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки.

ТП-2002-I-314

ISBN 5-02-022730-7

© Российская академия наук
и издательство “Наука”,
серия “Научно-биографическая
литература” (разработка, оформление),
1959 (год основания), 2002

Предисловие.

Начало биографии

Впервые об американском полярнике Фредерике Альберте Куке автор узнал из книг, изданных в нашей стране в 30–40-е годы минувшего века. В ту пору роль Ф. Кука в событиях вокруг полюса в советской исторической и полярной литературе трактовалась однозначно негативно: он обвинялся в фальсификации собственного полюсного маршрута с целью утвердить свое первенство в достижении Северного полюса в споре с другим полярным исследователем – американцем Робертом Эдвином Пири. Такая оценка событий ничего, кроме неприятия, не вызывала, т.к. объективно разобраться в сути грандиозного скандала по скудным опубликованным деталям тогда было невозможно.

Однако со временем отношение к Куку стало меняться. Важно отметить, что эту ревизию взглядов начали не историки Арктики, а полярные исследователи, на основе сопоставления реалий природы Арктики с описаниями обоих претендентов. Парадокс заключался в том, что вся природная информация Кука, объявленного вралем и мошенником, в 50-х гг. XX века, к удивлению наших современников, стала логично вписываться в систему природных взаимосвязей, установленную относительно недавно советскими и американскими полярными исследователями. Впервые изменение отношения к Куку автор ощутил по характеру публикаций в журнале “Арктик” (органа Арктического института Северной Америки), посвященных обнаружению так называемых дрейфующих ледяных островов в Северном Ледовитом океане. Кук описал один из таких островов на 88° с.ш. – совсем близко от полюса. Тогда-то и возникли первые сомнения в справедливости его обвинений. А вскоре в своей книге “Северный полюс” (М., 1960) А.Ф. Лактионов процитировал высказывание начальника первой американской дрейфующей станции Т-3 Джозефа Флетчера о том, что описания Куком природных явлений невозможно придумать не увидев их [37]. Еще позднее в работе Д.М. Пинхенсона “Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма” [47] появились новые важные детали – и “лед тронулся”...

Когда понадобилась информация о природных процессах в Центральном Арктическом бассейне по состоянию на начало

XX столетия, сведения Кука оказались просто незаменимыми, тогда как наблюдения его соперника Пири – скудными и невразумительными, а еще чаще – противоречивыми. Таким образом, реабилитация Кука явилась не проявлением гуманизма, а была вызвана, прежде всего, научной необходимостью. Тем самым история все расставила по своим местам, и можно говорить о торжестве исторической справедливости. Историкам Арктики оставалось только продолжить исследования уже своими методами, главным образом на основе накопившихся данных.

Однако особого стремления поскорей разобраться в возникшей ситуации ни у меня, ни у моих коллег не возникало по совокупности причин. Во-первых, в ту пору мы были слишком заняты собственной работой в Арктике, требовавшей больших затрат сил и времени. Во-вторых, мы считали, что спор о достижении полюса – это американская проблема и американцам с ней разбираться. В-третьих, снабжать пропагандистским материалом собственных спекулянтов, зарабатывающих дивиденды на “холодной войне”, желания не было. Но самое главное: в нашем распоряжении не было материалов самого Кука, чтобы можно было обоснованно судить о том, в чем он прав, а где заблуждался или обманывал читателя, – у нас в стране его книги не издавались. Неоднократно публиковался “Северный полюс” Р. Пири [49] – но более нудной и малоинформативной с точки зрения природной обстановки книги об Арктике трудно припомнить. Была в нашем распоряжении еще одна книга Р. Пири – “По большому льду к северу” [48], изданная в 1906 году, – и это все!

Однако проблема “Кук или Пири?” не могла оставить равнодушными тех, для кого Арктика стала полем профессиональной деятельности, тем более что общественная значимость ее была очевидной. На наших глазах выдыхалась “лысенковщина”, со всем тем омерзительным, что она принесла науке. В свое время борьба с космополитизмом обогатила наше общество откровением “Россия – родина слонов”, и, судя по весьма неполной и отрывочной информации, нечто подобное имело место в иных странах в иные времена. Уже поэтому чужой опыт весьма поучителен, и не стоило им пренебрегать. Недаром мудрый поэт оставил нам совет:

Жми руки дуракам обеими руками.
Как многим, в сущности, обязаны мы им –
Когда бы не были другие дураками,
То дураками быть пришлось бы нам самим!*

* *Патмор К.* Английская классическая эпиграмма. М., 1987. С. 220.

В любом случае нам предстояло составить собственное мнение по этой проблеме. К 70-м годам наши полярники к усвоению чужого опыта уже созрели, и нужен был только повод, чтобы вплотную заняться ею. У меня это произошло следующим образом.

Вернувшись в Москву в 1970 году после зимовки в Антарктиде, я с удовольствием бросился в походы по любимым мною букинистическим магазинам – “в поисках новенького”. Один из таких маршрутов завершился у книжных развалов в Столешниковом переулке. Первый беглый осмотр показался безрезультатным. Вдруг кто-то из покупателей произнес: “Покажите вот эту...”

...Дешевое дореволюционное издание в бумажном переплете, обычный читательский ширпотреб начала века – если бы не заголовок: “Ф.А. Кук и Р.Э. Пири. Открытие таинственного полюса” [34]. Он-то и заставил меня совершить “неприличный” поступок – заглянуть через плечо соседа в страницы, которые тот неторопливо листал. И тут меня словно током ударило – текст от первого лица принадлежал не Пири (его книги я знал достаточно хорошо), следовательно, автором его мог быть только Кук!

Я боялся выдать свои мысли, которые в тот момент сводились к одному: если мой “соперник” знает, *что* он держит в руках, то купит книжку немедленно. Тот же листал её минут двадцать, и с каждой минутой во мне крепла уверенность, что добыча достанется мне. Так и случилось.

Самый беглый просмотр еще по дороге домой подтвердил мой первоначальный вывод о том, что текст действительно принадлежит Куку, хотя даже в переводе чувствовалось, что он написан в спешке, явно вскоре после событий в Арктике. Разумеется, уровень информации начала XX века... Тем не менее какой-либо нестыковки с реальной ситуацией в книге не было. Это даже вызывало какое-то раздражение, так как при всем стремлении к объективности и самостоятельности в оценках событий и поступков заштампованное десятилетиями обвинение Кука в подлоге и фальсификации, очевидно, уже оставило след в моем подсознании, и я невольно искал ему подтверждения в первоисточнике, который наконец-то оказался у меня в руках. И не находил, – это уже становилось интересным: к тому времени я обладал пятнадцатилетним опытом в полярных делах и каких-либо затруднений в трактовке описанных Куком событий у меня не возникало.

Даже когда в домашних условиях я приступил к детальному и углубленному изучению текста, ничего “подозрительного” также не обнаружилось. Были определенные наивности, реже – банальности, но такого, что могло бы навести на мысль о подделке или

фальсификации, – определенно не было! Но если Кук все-таки не лжет, то откуда возникло само обвинение? С этим следовало разобраться.

Так в моей деятельности обозначилось новое направление – анализ исторических событий с привлечением природной информации. Как полевик, имеющий маршрутный опыт, я вскоре понял, что каких-либо серьезных претензий к человеку, который завладел моими мыслями, я предъявить не могу. Во всяком случае, чего-то необъяснимого в маршруте Кука я не отыскал. Другое дело – природная обстановка, она требовала более вдумчивого отношения.

Необходимо было тщательно “просеять” всю природную информацию через частое сито анализа в попытке отделить зерно истины от плевел напраслины, а это было непростым делом. Но тем поразительней оказались выводы, ибо Кук в своих визуальных наблюдениях описывал то, что вошло в научную литературу о природных процессах в самых высоких широтах Арктики много десятилетий спустя, уже по результатам инструментальных наблюдений. Это было одновременно неожиданно и поразительно.

Остановлюсь только на самом главном. К тому времени в науке прочно укрепилась точка зрения на существование в пределах географической оболочки природных систем разного уровня, определяющих взаимосвязи основных компонентов природной среды. Для Северного Ледовитого океана это означало, что определенным течениям соответствуют свои особенности морских льдов по морфологии, возрасту и генезису. В свою очередь, особенности дрейфа льдов определяются ветрами, связанными с атмосферной циркуляцией, и т.д. По мере анализа выяснялось, что природные особенности Центрального Арктического бассейна, где проходили маршруты Кука, определили многие события его похода.

Действительно, неверно рассчитав влияние дрейфа при возвращении с полюса (точнее, приняв на веру оценки своего предшественника Пири), Кук со своими спутниками оказался значительно западнее своего продовольственного склада (оставленного на суше), что поставило его на грань гибели. О том, как он выходил из создавшегося положения, будет рассказано ниже; важно, что его ошибка была вызвана известными нам теперь причинами, о существовании которых сам Кук не подозревал. В соответствии с природными реалиями события не могли развиваться иначе, и уже поэтому любые сомнения в достоверности его полюсного отчета становились недостойными. Примеров подобного рода у Кука можно найти множество. Так, подвижки дрейфующих льдов по его маршруту приходятся на участки с наиболее

интенсивными течениями; дрейфующие ледяные острова оказались именно в полосе таких течений; участки шельфовых ледников с характерной волнистой поверхностью находятся именно там, где указывал Кук, и т.д.

То, что новая информация не всегда вовремя получает признание, – не новость, но инициированные обвинения в фальсификации и подлоге чреваты самыми тяжкими потерями для науки. Именно так и произошло с наблюдениями Кука во время его похода к Северному полюсу весной 1908 года.

Спустя год аналогичное достижение было повторено Р. Пири, который при возвращении, обнаружив утрату первенства, обрушился на своего соперника с обвинениями в фальсификации самого полюсного маршрута и результатов наблюдений. Такое обвинение вызвало грандиозный общественный скандал, поставив на повестку дня вечные вопросы. Какими критериями руководствуется общество для оценки достижений своих разведчиков – там, где неизвестное становится известным? Всегда ли общество в состоянии оценить достижения исследователя? Всегда ли исследователь предпочитает известность и славу научной истине?

Как было уже сказано, исследователи Лактионов и Пинхенсон в своих выводах ссылались на результаты зарубежных исследователей, что вызывало определенное недоумение: ведь наши ученые-полярники, несомненно, обладали собственным материалом, чтобы самим делать выводы о соответствии результатов наблюдений Кука современным представлениям. Но почему-то не делали – ответ на этот вопрос дало будущее.

Другая книга Ф. Кука о походе на полюс – “*My attainment of the Pole*” – оказалась библиографической редкостью, но когда я все-таки нашел ее, содержание моей предшествующей букинистической находки полностью подтвердилось. Оставалось только поделиться собственным открытием с читателями, в первую очередь с коллегами-полярниками.

Однако уже с самого начала обозначились трудности. Когда я принес статью с результатами своего исследования в редакцию известного ежегодника, там удивились: дескать, в учебнике сказано, что Северный полюс открыл Р. Пири. Поэтому вместо обычных трех мою статью рецензировали пять специалистов. Один из них дал разгромный отзыв, заканчивающийся ссылкой на крыловскую басню о слоне и москье. Пережив кратковременный шок и еще раз внимательней прочитав рецензию, я понял, что ее автор не высказал ни единой претензии по самой сути, – Бог ему судья... Тогда я отнес свой труд по со-

вету старого полярника Б.А. Кремера, заинтересовавшегося этой проблемой, в академический журнал “Природа”, где он и вышел в свет с заключением академика К.К. Маркова: “Печатать как дискуссионный”.

Несмотря на этот успех, я ощущал вокруг себя определенный тематический вакуум: все же эта проблема оставалась сугубо американской. Вскоре, однако, в международном издании “Inter-Nord” я обнаружил статью Рассела Гиббонса [83], также отдававшего Куку пальму первенства в достижении полюса. Это означало, что сами американцы далеко не едины в оценках событий на Северном полюсе 1908–1909 гг.

Биография Ф. Кука интересна не только с точки зрения его противоборства с главным оппонентом – Пири, но также сотрудничеством с такими полярными деятелями, как норвежец Амундсен, бельгийцы Адриен де Жерлаш и Жорж Лекуант, американцы Адольфус Грили, Энтони Фиала, поляки Антонин Добровольский и Генрик Арктовский и многими другими. Со стороны других именитых исследователей Арктики – Вильялмура Стефансона, Петера Фрейхена и Роберта Бартлетта Кук подвергался ожесточенным нападкам.

В наше время о Куке писали: Джозеф Флетчер, Уолли Херберт, Фарли Моуэт, Жан Маллори и др. Не обошли его своим вниманием и российские ученые. Достаточно отметить, что выводы А.В. Колчака, участника экспедиции Эдуарда Толля в 1900–1903 гг. и будущего верховного правителя России в годы гражданской войны, сделанные по результатам его наблюдений [26], могли иметь решающее значение в споре Кук–Пири, о чем подробнее будет рассказано ниже.

Удивительным было то, что, признавая наблюдения Ф. Кука в части дрейфующих ледяных островов соответствующими действительности (на 88° с.ш.!), многие исследователи (Мойра Данбэр [79], Джеймс Дайсон [16] и др.) не допускали возможности достижения им полюса. На этом фоне отзыв о Куке далеко от сантиментов Руала Амундсена, проникнутый теплыми воспоминаниями и тревогой за судьбу товарища, с которым он провел вместе антарктическую зимовку, выглядит поразительно человечным.

В 1973 году на русском языке была издана книга американского журналиста Теона Райта [50], также выступившего в защиту Кука. Наконец, впервые маршрут Кука был отражен в историческом разделе “Атласа Арктики”, вышедшего в свет в 1985 году. Определенно, отношение к Куку начало меняться, хотя и медленно.

Публикация в “Природе” не прошла незамеченной на родине

Ф. Кука, откуда я получил отзыв на свою публикацию. Я узнал, что в Соединенных Штатах существует Общество Фредерика А. Кука, выступающее за признание приоритета Кука в достижении Северного полюса. Но даже в наше время в США до сих пор сохраняется определенная двойственность в оценке Кука. Хотя в последние десятилетия результаты его наблюдений во льдах Центрального Арктического бассейна как будто получили признание, обвинение в фальсификации самого похода на Северный полюс (как и первовосхождения на самую высокую вершину Северной Америки – гору Мак-Кинли) до сих пор с Кука не снято. Общество Фредерика А. Кука проводит большую работу по восстановлению доброго имени американского полярника. Основным изданием Общества в последние десятилетия стал ежегодник “Полярные приоритеты” (“Polar Priorities”), публикующий материалы, касающиеся жизни и деятельности Кука, а также новых обстоятельств в связи с событиями вокруг полюса в 1908–1909 гг. Общество Фредерика А. Кука старательно исследует и другие стороны его деятельности, включая участие в бельгийской антарктической экспедиции 1897–1899 гг., восхождение на Мак-Кинли в 1903 и 1906 гг. и т.д. Наиболее активные деятели Общества провели полевое обследование посещенных Куком местностей с целью оценки достоверности его природной информации. Особо следует отметить результаты экспедиций Тэда Хекаторна в район горы Мак-Кинли в 1994 году и на острова Канадского Арктического архипелага в 1998 году. Юрист Общества Шэлдон Кук-Доро сосредоточился на подборке и оценке документов, связанных с деятельностью Кука. Общество способствовало изданию книг Кука, ставших даже в Америке библиографической редкостью, – “К вершине континента” [68] и “Впервые сквозь антарктическую ночь” [67], а также редких, не публиковавшихся ранее документов, например о встрече Кука и Амундсена в Ливенвортской тюрьме в 1926 году. В октябре 1993 года Общество Фредерика А. Кука провело научный симпозиум, посвященный деятельности Кука, в Центре полярных исследований им. Р. Бэрда при Университете штата Огайо.

Далеко не все в биографии американского полярника просто и однозначно. Так, в 1988 году Уолли Херберт обнаружил некадрированные и лишённые ретуши снимки дрейфующего ледяного острова в Центральной Арктике, сделанные Куком, и заявил, что они относятся к побережью [77]. Чего проще, казалось бы, в подобном случае – выполни конкретную привязку к береговой линии, тем более что Шэлдон Кук-Доро дал свое достаточно убедительное объяснение возникшей ситуации [70]. Характерно другое – при всем своем огромном полярном опыте Херберт не смог

нарушить систему природных взаимосвязей на основе данных Кука. Аналогичным образом проявил себя и другой противник Кука – Роберт Брайс в своем детальнейшем обзоре всех промахов и просчетов Общества Фредерика А. Кука [64].

Автор выражает свою благодарность Обществу Фредерика А. Кука за предоставленные материалы, включая иллюстративный, и редкие источники и особо – Шелдону Кук-Доро и Расселу Гиббонсу.

История с достижением полюса доказывает, что, хотя научный поиск в разных странах осуществляется разными путями, объединяющим началом для ученых всех стран является служение истине.

Для установления истины решающее значение приобретает наличие в отчетах претендентов информации о положении основных объектов местности, посещенных участниками событий, и характеристики природных процессов, наблюдавшихся ими. Разумеется, точность определения местоположения при этом также имеет значение, но в отличие от чисто спортивного достижения, где точность выполнения упражнения регистрируется судейской бригадой в момент установления рекорда, в науке дело обстоит иначе, поскольку значимость научного достижения нередко осознается специалистами только со временем. Важнее для нас другое – взаимосвязи отдельных компонентов природного процесса, отмеченные претендентами, и их подтверждение последующими поколениями исследователей. Именно такой подход и был положен автором в основу настоящей книги.

Принятая автором форма биографического очерка позволяет проследить развитие личности Ф. Кука, его исследовательского опыта по совокупности многих экспедиций. В значительной мере книга написана на основе источников, отсутствующих в наших библиотеках.

Отчет Кука о его походе на полюс был опубликован на русском языке в 1987 году (*Кук Ф. Мое обретение полюса. М.: Мысль, 1987*), с комментариями и обширным предисловием автора настоящей книги; тем самым читатель имеет возможность познакомиться с первоисточником.

Фредерик Альберт Кук родился 10 июня 1865 года в деревушке Хортонвилль графства Салливен, в самой глубинке штата Нью-Йорк, у подножия лесистых гор Кэтскилл на левобережье реки Делавар, там, где горы переходят в Аппалачское плато. Его отец Теодор А. Кук, врач по профессии, эмигрировал за океан после революции 1848 года из Ганновера. Когда спустя полтора десятка лет в Соединенных Штатах разразилась гражданская война, он вступил в федеральную армию.

Мать будущего полярного исследователя, урожденная Маргарита Ланге, переехала в Америку вместе со своими родителями из Франкфурта-на-Майне. Первоначально Ланге осели в Нью-Йорке, где глава семьи занялся сигарным бизнесом.

Здесь-то и повстречал недавний военный ветеран молодую немку. После свадьбы супруги поселились в деревушке Джефферсонвилль, в милях сорока на запад от среднего течения реки Гудзон, в устье которой расположился шумный Нью-Йорк. Разумеется, за прошедшие полтора века эта часть Соединенных Штатов испытала немало изменений, но даже в наши дни современная карта свидетельствует, что вся деловая жизнь обходит эту достаточно типичную американскую глубинку стороной – здесь меньше дорог и крупных городов.

Молодые скоро поняли, что их немецкое прошлое осталось в старой Европе, и в знак этого слегка изменили свою фамилию: немецкие Кохи превратились в американских Куков. В 1870 году Теодор Кук умер, оставив вдову с четырьмя детьми (еще один ребенок в семействе Куков умер при жизни отца). Во владении семьи осталась небольшая ферма с пятнадцатью гектарами пахотной земли. Спустя восемь лет Маргарет Кук, кое-как сводившей концы с концами, пришлось перебраться в Порт-Джервис, ниже по Делавару на границе с Пенсильванией, где легче было устроиться на работу подрастающей молодежи. Однако тех привлекал больше шумный и деятельный Нью-Йорк, и спустя год семейство Куков переезжает туда.

Нью-Йорк, получивший название Empire city (Имперский город), был “обязан своим господством в культурной и экономической жизни Америки самым очевидным образом своему чрезвычайно благоприятному положению, облегчившему сношения как с вне-американскими землями, так и с обширной территорией, раскидывающейся за ним. Удаленный от европейских берегов лишь на полдня пути сравнительно с гаванями Новой Англии, но зато более близкий к берегам Южной и Средней Америки, Нью-Йорк к тому же располагал в своей широкой, глубокой и хорошо защищенной с моря бухте лучшей естественной гаванью на всем востоке Соединенных Штатов” [17, с. 229]. С этим городом связаны имена таких полярных исследователей, как Джордж Де-Лонг и Роберт Пири, служивших на здешней военно-морской базе; отсюда уходили в ледяные просторы экспедиции Е. Кэна, Ч. Холла, А. Грили и многих других известных американских полярников. Нью-Йорк исторически оказался базой американских полярных исследований, что позднее отразилось и на судьбе Кука.

Нью-Йорк был крупным городом, с численностью населения около 3 млн человек, в чем он уступал только Лондону. К тому времени город уже завоевал первое место среди промышленных центров страны, оставаясь ее важнейшим транспортным узлом, что сказалось на его внешнем облике. В нем располагались многочисленные причалы, склады, железнодорожные вокзалы, промышленные предприятия, фабрики и заводы самого разного профиля. Кроме того, в городе обосновались множество торговых и деловых контор и более полутораста банков, определявших финансовую мощь страны. Э. Декерт примерно в те годы, когда семейство Куков перебралось на берега Ист-Ривер, отмечал, что в “Нью-Йорке замечается явная тенденция к построению громадных зданий, так что 20–30-этажные дома являются еще более характерной чертой его, чем в других американских городах. Из просветительских учреждений нужно назвать прежде всего два университета, Публичную библиотеку и Естественно-исторический музей; кроме того, культурное значение и богатство города выражается особенно ясно в великолепном римско-католическом соборе, в картинной галерее (Metropolitan museum), в многочисленных дворцах гостиниц и в громадных общественных парках” [Там же, с. 232]. Определенно, не хлебом единым жил этот город, но именно о хлебе насущном были первые заботы семейства Куков, обосновавшегося в самом сердце Большого Нью-Йорка – в Бруклине, который “был тогда только исполинским гаванским, фабричным и обывательским кварталом Нью-Йорка” [Там же] с населением, превышавшим 1 млн человек.

Первое время мать семейства Маргарет Кук зарабатывала на жизнь в качестве швеи, а ее дети – любой работой, за которую платили. Фрэд работал на стекольной фабрике, в местной администрации рабочим по освещению улиц, торговал овощами и зеленью на Фултоновском рынке. Молодой парень уже тогда демонстрировал способность принимать неординарные решения. Так, когда зимой 1888 года на Нью-Йорк обрушилась сильная пурга, парализовавшая городской транспорт, Фрэд взялся за доставку угля, в котором отчаянно нуждались горожане. Он загружал углем лодку, которую лошадь бечевой тащила вдоль берега, и таким образом стаскивавшиеся по теплу бруклинцы обеспечивались топливом, за что и щедро платили.

Вскоре три брата – Уил, Теодор и Фрэд – основали предприятие с громким названием “Молочная компания братьев Кук”. Молодым людям важно было не только обзавестись клиентурой, но и удовлетворить ее запросы. Заработанных денег Фрэду хва-

тало, чтобы оплатить свою учебу в 1885–1886 гг. во Врачебно-хирургическом колледже, куда он поступил по окончании вечерней школы. (Он решил пойти по стопам отца, благо в Соединенных Штатах профессия врача была не только уважаемая, но и хорошо оплачиваемая.)

Позднее он поступил в Медицинский колледж Колумбийского университета и женился на молоденькой Либби Форбс, которая спустя год умерла при родах вместе с младенцем, – это было первое жестокое жизненное испытание для Кука.

Жизнь в студенческие годы не баловала его – с часу ночи и до семи утра студент развозил молоко своей клиентуре, а к девяти спешил на занятия в колледж. Оставшееся время уходило на дорогу и сон. В субботу и воскресенье занятий в колледже не было, в эти дни небогатые студенты, вроде Кука, могли отоспаться. И так – до 1890 года (по другим источникам – до 1891 года), когда он получил заветный диплом и стал именоваться в обществе доктором.

А вскоре Кук обзавелся и собственной практикой в ставшем родным Бруклине. Так в преодолении жизненных трудностей сформировался характер известного американского полярного исследователя. В полном смысле Кук стал “self-made man” – человеком, который сделал себя сам.

Следует отметить, что медики различных стран играли важную роль в изучении Арктики. Так, первая американская экспедиция, заявившая о своих планах достигнуть полюса, возглавлялась врачом Е. Кэном. Среди российских полярных исследователей заслуженную известность получили дипломированные медики А.Ф. Миддендорф, Л.Ф. Гриневецкий, А.А. Бунге, Л.М. Старокадомский и др. В том, что однажды преуспевающий бруклинский врач вдруг почувствовал зов высоких широт, ничего удивительного нет – то же случилось и со многими другими его коллегами.

У каждого полярника приобщение к Арктике происходит по-своему, порой достаточно буднично, и значимость самого события выясняется много позже. Примерно так же случилось и с Куком: однажды на глаза ему попался затертый томик под названием “Путешествия и открытия второй Гриннельской экспедиции в северные полярные страны для отыскания сэра Джона Франклина, совершенная в 1853, 1854 и 1855 годах под начальством доктора Кэна” [35], который самым решительным образом изменил размеренное течение его жизни.

На рубеже XIX и XX веков сложилась своеобразная мода на Арктику, которая по объективным причинам, то затухая, то разгораясь, сохраняется и поныне. Совершенно заслуженно Аркти-

ка считается местом, где человек может испытать себя, проявив свои лучшие качества. Для исследователей это регион, где можно собрать материал, чтобы обрести самостоятельность в науке, для рядового смертного – место, где можно неплохо заработать; такова современная ситуация. А почти столетие назад среди полярников было немало представителей самых известных фамилий европейской аристократии. На просторах Арктики можно было встретить лорда Дюфферина (в 1858 году на Ян-Майене и Шпицбергене), отпрысков Орлеанского дома (в 1907 году на Новой Земле), представителей королевских династий Бурбонов и Брагансы (в 1891–1892 гг. на Шпицбергене и Новой Земле), и даже Савойской династии (на Земле Франца-Иосифа в 1899–1900 гг.). Среди молодых американцев, особенно со средствами, считалось признаком хорошего тона поохотиться на морского зверя или мускусных быков за полярным кругом, а то и провести полярную ночь в обществе эскимосов, вдали от привычного городского комфорта. Трагическая судьба экспедиции Джона Франклина, погибшей в 50-е годы XIX в. где-то на севере Канады, как и участь зимовочной экспедиции Грили, от которой уцелела только треть, лишь будоражили воображение любителей приключений. Редьярд Киплинг так охарактеризовал устремления людей своей эпохи:

...Нам хотелось не клубных обедов,
А пойти, и открыть, и пропасть...*

Разумеется, Киплинга трудно заподозрить к призыву к жертвенности как разновидности пассионарности, – это нечто иное, с чем читателю предстоит встретиться на страницах книги не однажды и что требует своего объяснения. Просто проходившее завершение открытия нашей планеты в самых высоких ее широтах потребовало привлечения наиболее активных и деятельных членов общества, что и объясняет появление созвездия ярких индивидуальностей среди полярников на рубеже XIX и XX веков.

* Киплинг Р. Избранные стихи. Л., 1936. С. 107.

Глава 1

Крещение Арктикой. Встреча героев

Событием, определившим “полярную” направленность всей жизни Ф. Кука, стало объявление, помещенное в 1891 году газетой “Бруклин стандарт юнион”: вольнонаемный инженер флота США Р. Пири, недавно вернувшийся из джунглей Никарагуа с изысканий канала через Центральноамериканский перешеек, искал врача для своей зимовочной Северогренландской экспедиции.

Кук скорее из “любопытства, чем из честолюбия, отозвался на это предложение” [50, с. 61]. Сам Пири в ту пору был начинающим полярником, поскольку имел за плечами единственную экспедицию в Гренландию в 1886 году, когда он проник в глубь ледникового покрова на 180 км, незначительно улучшив достижение своего предшественника Адольфа Эрика Норденшельда. Однако если Пири установил рекорд по части проникновения в глубь “белого пятна”, то Норденшельд решил крупную географическую проблему, поскольку до него многие полагали, что ледниками занята лишь периферийная часть крупнейшего острова планеты, а в центральной части на сотни километров тянется тайга. И хотя Пири объявил свой поход 1886 года лишь рекогносцировкой, первоначальный план той его первой экспедиции предусматривал пересечение острова от берегов моря Баффина на западе до нунатака* Петермана на востоке. Уже тогда в полной мере проявился амбициозный характер Пири, видящего в каждом полярном исследователе злонамеренного соперника: “В 1888 г. Нансен пересек южную Гренландию, отправившись по кратчайшему из указанных мною путей. ...Это исполнение задуманного мною предприятия нанесло серьезный удар мне” [48, с. 8]. В ту пору Пири как исследователь уступал своим соперникам, мнимым и настоящим, поэтому его жалобы и заявления не воспринимались всерьез.

Считая, что Нансен обошел его, Пири в экспедиции 1891–1892 гг. вернулся к намеченному им ранее северному варианту, который “имеет своим началом Китовый пролив (пролив

* Нунатак – изолированная скала или горный останец, выступающий над поверхностью ледника.

Р.Э. Пири. Начальник Северогренландской экспедиции, в которой Ф.А. Кук прошел свое полярное крещение

Вальсунн – на современных картах. – В.К.), а концом какое-нибудь место на неизвестном восточном берегу вблизи 80-й параллели” [Там же, с. 7].

Об очередном полярном “новобранце” в экспедиционном отчете сказано следующее: “Фредерик Кук, врач и этнолог экспедиции, родом из Нью-Йорка, получивший степень в колледже врачей и медиков в Нью-Йоркском университете. Он практиковал в Нью-Йорке в течение нескольких лет. Ему было 26 лет” [Там же, с. 81]. Характеристика предельно скупая, но ближайшее будущее показало, что духовные и физические качества новичка соответствовали тем требованиям, которые Арктика предъявляет к полярнику. Чтобы они раскрылись в полной мере, понадобилось только время.

Экспедиция Пири 1891–1892 гг. интересна для нас двумя обстоятельствами. Первое – как Кук выдержал крещение Арктикой и второе (особенно в свете дальнейших событий) – как складывались тогда отношения будущих претендентов на достижение полюса. Поскольку сам Кук каких-либо описаний своей роли в экспедиции 1891–1892 гг. не оставил, мы можем полагаться только на характеристики Пири, которые разбросаны по страницам

**Научный состав Северогренландской экспедиции
(Ф.А. Кук в центре)**

его книги-отчета “По большому льду на север” и, несмотря на краткость, достаточно любопытны. Судя по книге, события в экспедиции развивались следующим образом.

6 июня 1891 года паровая баркентина “Кайт” (капитан Ричард Пайк) отошла от причалов Бруклина с участниками экспедиции и, спустившись по Ист-Ривер, вышла в открытое море. В зимовочной Северо-гренландской экспедиции под руководством Пири было всего семь человек, включая супругу начальника Жозефину Пири (урожденную Дибич). Помимо них на борту находились еще девять участников Западно-гренландской экспедиции Филадельфийской академии естественных наук во главе с геологом Эйнджелом Гейлприном. Эта экспедиция должна была работать только летом, поэтому в ее составе преобладали зоологи и ботаники. В Сиднее (Новая Шотландия, Канада) погрузили запас угля, и уже 15 июня судно было в проливе Белл-Айл, где паковый лед* задержал баркентину на несколько суток. 23 июня прямо по курсу показались горы и ледники юга Гренландии, а спустя еще четверо суток участники экспедиции, выполнив необходимые формальности в резиденции губернатора в Годхавне, продолжили плавание. 11 июля льды остановили судно в заливе Мелвилл. При форсировании полосы паковых льдов с Пири произошло несчастье: “Тромадный кусок льда, ударив руль, сильно толкнул его вверх и вырвал штурвал из рук двух матросов. В следующее мгновение железный румпель захватил мою ногу и переломил обе кости над лодыжкой. Я крикнул рулевым, прося их послать ко мне докторов Шарпа и Кука; в следующее мгновение они и Гибсон перенесли меня в каюту. ...Моя нога была забинтована, и я был уложен на длинной постели в каюте, где принужден был оставаться до тех пор, пока не был взят на берег в наш зимний лагерь. Благодаря профессиональному искусству моего врача Кука и неусыпной и внимательной заботе миссис Пири мое полное выздоровление было быстро достигнуто” [48, с. 100–101].

Пребывание в паковых льдах, затянувшееся на три недели, было использовано для охоты на морского зверя, подгонки деталей разборного дома, предназначенного для зимовки, и других хозяйственных забот. Высадка на берег состоялась только 26 июля в бухте Мак-Кормик (Земля Прадхо) в координатах 77°40' с.ш. и 40°40' з.д., где и приступили к сборке жилого дома площадью почти 30 м² у подножия утеса Редклиф. (Соответственно, зимовочная база стала именоваться Редклиф-Хауз.) Крыша дома была еще не окончена, когда 30 июля “Кайт”, распрощавшись с зимовщиками, отправился на юг, а Пири на экспедиционном вель-

* Пак – мощный многолетний лед (до 3–5 м толщиной).

Баркентина “Кайт” во льдах залива Мелвилл

База экспедиции Редклиф-Хауз

боте был доставлен на берег под веселый перестук молотков будущих зимовщиков, на время превратившихся в плотников. Только в середине августа глава экспедиции начал самостоятельно передвигаться с помощью костылей, осторожно ступая по прибрежной гальке. Характерно, что в создавшейся ситуации Пири не стал менять экспедиционных планов.

С окончанием строительства будущие зимовщики принялись за изучение окрестностей, кое-как нанесенных на карты предшественниками. Одна из таких экскурсий продолжалась с 12 по 18 августа, причем Кук в этих маршрутах принимал самое активное участие, хотя возглавлял их не он, а более опытный в полевых условиях охотник и орнитолог Лэнгдон Гибсон, ровесник Кука. Помимо исследований ближайших островов участникам экскурсий поручалось найти эскимосов и нанять их для работы в экспедиции, желательно целым семейством. Обязанности Кука в этих рекогносцировках Пири определил следующим образом: “Вы будете помощником командира лодочной экспедиции на острова Герберт, Нортумберленд и Гаклюйта и в случае серьезного несчастья с мистером Гибсоном примите команду... Вы будете заботливо отмечать места всех эскимосских поселений... все данные относительно способа их построек, величины, материала и прочее. Если вы найдете туземцев, то попытайтесь получить от них шкуры северного оленя, медведя, голубого песка и в особенности комаги (вид обуви. – В.К.). Если возможно, убедите мужчину и женщину вернуться с вами и поселиться на зиму вблизи нашего дома” [48, с. 130].

Эта инструкция показательна по двум моментам. Первый – доверие, оказанное Куку, новичку в Арктике, со стороны руководства, второй – строгое ограничение его исследовательских интересов сугубо этнографическими и прикладными проблемами, без каких-либо поисков в части природных явлений. Несомненно, ему поручалась наиболее важная и ответственная часть такой рекогносцировки – установление отношений с аборигенами, от которых, по опыту предшественников, зависело многое.

Отчет Кука объемом почти пять страниц машинописного текста, частично приведенный ниже, дает представление о том, как он справился с заданием: “Представляю вам следующий рапорт относительно порученной мне работы. ...Остров Гаклюйта имел немного признаков пребывания эскимосов. Мы находили песцовые ловушки вдоль юго-западного берега, но только одна была с приманкой. Вблизи южной оконечности, пониже базара маленьких люриков*,

* Люрик – морская арктическая птица из семейства чистиковых, гнездящаяся на птичьих базарах.

я нашел место, где два жилища были поставлены среди большой поляны... В некоторых местах камни употреблялись вместо очага; это следовало из того, что они были закопчены. Единственной пищей этого народа во время пребывания здесь были птица и зайцы. Я не нашел больших костей, как, например, тюленя или моржа... Я нашел только один небольшой склад люриков, очевидно совсем старый. Птицы были значительно разложившиеся.

Мы видели только песцовые капканы и заячьи ловушки на юго-западном берегу о-ва Нортумберленд. Немногие из песцовых капканов были снабжены приманкою, и ни одна из заячьих ловушек не имела петель. Первое указание на жилище эскимосов на о-ве Нортумберленд было в бухте, находящейся на западе от большого ледника...

Пустое поселение состояло из двух каменных жилищ, двух помещений для собак и восьми складов птиц и ворвани*. Все входы, как в жилища, так и в собачьи помещения, открывались прямо на юг, кровли сняты или упали внутрь. Общий способ постройки был тот же самый, как и других, которые мы раньше исследовали; большие кости китов, моржей и нарвалов, черепа, лопатки и позвонки образовали большую часть их стен” [48, с. 139–142].

На этом острове произошла первая встреча с аборигенами-эскимосами, оказавшими впоследствии большие услуги экспедиции. Поручение руководителя экспедиции Кук, таким образом, успешно выполнил, включая организацию переселения одного из эскимосов – Иквы, с супругой и двумя детьми, к экспедиционной базе.

Сама база располагалась в нескольких милях от крайней западной оконечности п-ова Редклиф-Хауз – мыса Кливленд, разграничивающего две акватории. Бухта Мак-Кормик вторглась в сушу на 10 миль в северо-восточном направлении. Гораздо более обширный залив Инглфилд простирался от указанного мыса к востоку и юго-востоку на 60 миль при ширине в 10 миль с многочисленными бухтами-ответвлениями (Олерика, Академическая, Боудин и др.). В их куты** спускались выводные языки ледникового покрова Гренландии. Отмеченные выше острова Герберт, Нортумберленд и Гаклюйта находились на юго-западе от зимовочной базы в пределах от 10 до 50 миль и были доступны для экспедиционных вельботов. Между бухтой Мак-Кормик и заливом Инглфилд на плато располагался небольшой изолированный ледниковый покров, тогда как в бухту Мак-Кормик с ледникового покрова Гренландии спускался выводной язык Санни (Солнеч-

* Ворвань – вытопленный жир морского зверя (чаще кита).

** Кут – часть залива, наиболее глубоко вторгающаяся в сушу.

ный), сильно разбитый трещинами. Расположенный поблизости другой выводной язык Тукту заканчивался на суше и был практически лишен трещин, позднее Пири использовал его для выхода на ледниковый покров Гренландии. В целом описанные особенности оказались весьма благоприятными для выполнения программы экспедиции. Пири в своей книге не пишет, знал ли он о такой ситуации заранее или же выбор местоположения зимовки произошел непосредственно с борта судна.

Рекогносцировка местности продолжалась и с наступлением осени. В куту бухты Мак-Кормик можно было ожидать благоприятных условий для выхода на ледниковый покров Гренландии. Несмотря на несчастье с ногой, Пири не оставлял мысли о предстоящем походе, к которому следовало основательно подготовиться, в частности создав склады продовольствия и необходимого снаряжения. Эта работа была поручена молодому норвежцу, превосходному лыжнику Эйвину Аструпу и Гибсону. Первоначально намеченный на 2 сентября, выход был, однако, задержан из-за сильного стокового ветра, столь обычного для ледниковых районов Арктики. В кут бухты Мак-Кормик участники похода были доставлены экспедиционными вельботами только 4 сентября. К заброске грузов привлекался также и Кук, и геолог Джон Варгоев, причем на каждого приходился солидный вес, в пределах от 20 до 30 кг, главным образом продовольствия (галеты, консервы, пеммикан* и т.д.). Отряд Аструпа, сопровождаемый Пири, отправился наверх, остальные вернулись к экспедиционной базе, угодив при этом в своеобразную ловушку, когда местный стоковый ветер от ледника Санни не “состыковался” с ветром, вызванным общей синоптической обстановкой. Финал возвращения Пири описал так: “Медленно ковыляя с помощью доктора по снегу от вельбота к дому, я обещал себе никогда не оставлять его, пока не приобрету прежней своей физической силы. Однако бездеятельность дома была хуже, и два дня спустя я снова был в боте” [48, с. 163].

Аструпу удалось забросить груз лишь до высоты 700 м из-за глубокого снега. Пири умел не жалеть ни себя, ни других. “22 сентября я снова послал Аструпа и Гибсона к вершине бухты, чтобы взойти на внутренний лед и изучить условия путешествия насколько возможно дальше к северо-востоку. Протащив свои сани пять дней и достигнув высоты 4 000 футов (менее 1 500 м. – В.К.), они решили вернуться вследствие сильных снежных бурь, сильных ветров и тяжелой работы...”

* Пеммикан – смесь сушеного измельченного мяса с жиром и другими пищевыми добавками.

...Аstrup высчитал, что они сделали около 30 миль внутрь страны. Они повернули назад в тот день, когда потеряли из виду землю (точнее, выходы коренных пород на западе по периферии ледникового покрова. – В.К.). В дороге им было тепло, и Аструп думает, что температура не падала ниже 10° по Фаренгейту (до –25 °С. – В.К.). ...Результатом этой предварительной разведки было то, что следующей весной моя санная партия прошла до северо-восточного берега и назад более 1 200 миль совершенно не устав, хотя мы везли с собой все свои припасы” [48, с. 165].

Пока продолжалась заброска необходимых грузов на ледниковый покров, неутомимый начальник экспедиции отправился на вельботе вместе с оставшимися сотрудниками в залив Ингфилд, несмотря на угрозу ледообразования. Начало ледостава все же существенно ограничило его первоначальные намерения, но неудача с рекогносцировкой местности была компенсирована обильной охотой. При наличии свежего мяса цинга практически не угрожала зимовщикам. Пири обогатил описание охоты на морского зверя следующей примечательной деталью: “Миссис Пири оставалась хладнокровной и ...где могла закрывала своим телом мою увязанную в лубки ногу от возбужденных движений других, наполняя магазины наших винчестеров по мере того, как они опорожнялись” [Там же, с. 167]. В ту пору Пири умел находить сочные бытовые детали при описании событий – качество, которое он утратил в своей главной книге о походе на полюс.

Как и в любой зимовочной экспедиции, наступлению полярной ночи предшествует множество не самых значительных, но необходимых дел и событий. К таковым, в частности, относилось введение суточных вахт на экспедиционной базе, всеми участниками поочередно. Пири, разумеется, не забыл отметить, что “3 октября в первый раз я прошел почти полмили без костыля и палки” [Там же, с. 171]. До установления снегового покрова предстояло собрать вещи и экспедиционное снаряжение, оставленные в окрестностях базы. В этих поездках участвовали супруги Пири, и начальник экспедиции обнаружил, что “еще не в состоянии подвергаться тяжелым физическим усилиям. Трехмесячное заключение с моей ногою подействовало на мою выносливость, кроме того, нога начинала беспокоить меня, если я ее утруждал” [Там же, с. 172]. В середине октября последовала очередная охота на оленей, в которой “доктор покрыл себя славой. До того ему не удавалось застрелить ни одного оленя. Теперь он побил рекорд всей экспедиции, уложив пятерых” [Там же, с. 173].

Летние контакты с эскимосами не остались без последствий. 13 октября по свежему льду бухты Мак-Кормик с северного бе-

рега к Редклиф-Хаузу пришел со своей упряжкой эскимос Наудинга. От него другие аборигены узнали о зимовке американцев, и вскоре эскимосы целыми семействами потянулись к Редклиф-Хаузу в надежде на заработки. Соответственно, возникла проблема размещения. “7 ноября, – пишет Пири, – в лагере было семнадцать мужчин, женщин и детей, кроме нашей партии, и вой двадцати одной собаки делал ночь оживленной... 11 ноября была построена снежная хижина в 60 квадратных футов для остановки посещающих меня друзей” [Там же, с. 178]. Как будет показано ниже, это доставило работы Куку и обеспечило ему материал по теме исследований.

“С наступлением темноты, – продолжает Пири, – охотничий сезон закончился... Однако мы не находили темноту угнетающей, так как наш самый темный день будет еще только через месяц... У нас было много поводов быть благодарными за сопровождавшее нас до сих пор счастье, и я подумал, что мы могли бы с особенной правильностью соблюдать день, который дома выделяется в знак признательности за наше национальное и домашнее благополучие” [Там же, с. 181–183].

День благодарения был отмечен гражданами Соединенных Штатов на севере Гренландии в некоем полярном варианте. В специальном приказе по такому поводу отмечалось “сохранение нашей одинокой маленькой партии до сих пор в добром здравии”, что в контексте событий, очевидно, относилось к заслугам Кука. В тот день температура в окрестностях Редклиф-Хауза опустилась до -27°C .

26 ноября участники экспедиции собрались за праздничным столом. “Вся партия была одета в цивилизованную одежду... В гардеробе Аструпа не нашлось рубашек, и он импровизировал грудь сорочки из полотенца. Шелковый флаг был прикреплен над столом. Позже наши друзья-эскимосы приняли участие в нашем веселье, и вся партия вместе с туземцами забавлялась играми и состязаниями в силу до позднего вечера” [Там же, с. 184].

Конец года, однако, принес и неприятности – болезни у собак, включая случаи бешенства. Тем не менее работа на экспедиционной базе шла своим путем. Кук изучал таяние снега в пламени тюленьего жира, проводил антропологические исследования. Варгоев, Гобсон и Пири налаживали измеритель приливов, который начал работать 30 ноября. 3 декабря Пири выкроил первый спальный мешок. 9 декабря его швея приступила к пошиву куртки из оленьего меха. Эскимосские женщины “разжевали” наконец шкуры для пошива меховой одежды. 17 декабря Пири закончил изготовление саней. Вместе с Аструпом он изготовил также три одометра для измерения пройденного расстояния.

Пири уделял большое внимание подготовке к будущим маршрутам. “В течение зимы члены моей партии соперничали друг с другом в усилиях сделать лучшие сани. Копируя свои сани по модели Мак-Клинтока, я нашел, что мы можем уменьшить их вес на две трети и более... Мы много читали. Я имел очень полную полярную библиотеку, и она главным образом и требовалась для чтения. Тот факт, что мы жили в полярных условиях, возбуждал охоту к чтению полярных исследований. Все эти книги ревностно поглощались из-за историй и приключений, которые в них описывались, и полезных сведений, которые мы могли извлечь из них. Однако наши понятия о стране, туземцах, зимней ночи, холоде, бурях или трудностях не согласовывались во всем с описаниями наших предшественников, проводивших зиму недалеко от бухты Мак-Кормик” [48, с. 193]. Иными словами, решающее значение приобретал все-таки свой, личный опыт.

Особо Пири отметил работу эскимосских женщин, которые обеспечивали экспедицию меховыми изделиями и “которые никогда не слышали о восьмичасовом рабочем дне и охотно соглашались, когда было необходимо, шить от 10 до 12 часов в день и даже больше” [Там же, с. 194].

Разнообразие в будни внесла встреча нового, 1892 года: “За день до Рождества Аструп и доктор Кук очистили большую комнату, прибили два национальных флага и один из санных, убрали потолок кисеей, сделали проволочные подсвечники и разместили свечи по всей комнате. В 9 часов вечера накануне Рождества я сварил молочный пунш, который вместе с пирожными, орехами, леденцами и изюмом составил очень приятную вечернюю закуску” [Там же, с. 199]. Сам Пири не употреблял спиртного и не курил, но признавал, что “ничто не придает столько веселья празднику и не помогает вывести день из повседневной монотонности жизни, как стакан пунша или легкого вина” [Там же, с. 206]. На Рождество разбушевалась метель, однако к Новому году погода исправилась, и зимовщики после застолья, уже на открытом воздухе, во тьме полярной ночи развлекались спортивными играми. “Эти состязания, – пишет Пири, – состояли в беге на расстояние до ста ярдов. Бежали сначала лицом вперед, затем задом, а потом на четвереньках... Я сильно затруднялся узнавать во тьме конкурентов, действительное время пробегов осталось тайной” [Там же, с. 206–207]. Так или иначе, но полярная ночь не отразилась на состоянии обитателей Редклиф-Хауза. “Постоянные занятия: сначала приспособление дома, а затем постройка саней, ежедневные упражнения на открытом воздухе, посещения туземцев, приятные перерывы в виде

праздников, симпатичное общество и прекрасная пища – все это помогло нам прожить незаметно мрачное время темной полярной зимы” [Там же, с. 212–213].

Много лет спустя Кук описал свои споры с Пири (противником введения в рацион полярников свежего мяса) о способах борьбы с цингой, которая в то время оставалась бичом полярных экспедиций:

– Белые люди страдают цингой, а эскимосы нет. Не должны ли мы поучиться у аборигенов?

– Возможно, но не в пище. Они питаются только мясной пищей, большей частью свежей, а это нам не подходит. Мы должны питаться цивилизованной пищей.

– Но цинга – это результат разницы между свежим и консервированным мясом. В процессе приготовления теряется что-то жизненно важное. Наши обрюзгшие и ослабевшие организмы продолжают слабеть дальше. Я следил за вашим здоровьем, также как и за своим, – все эти признаки налицо, тогда как эскимосы полны энергии. Если нет фруктов и овощей, надо есть свежее мясо ежедневно.

– Если нужно есть сырое мясо, мне останется только покинуть эту страну [71, с. 7].

(Пройдет всего несколько лет, и Кук, действуя на основе собственных выводов, спасет от гибели антарктическую экспедицию.)

С середины февраля 1892 года начались первые маршрутные вылазки, в которых Кук принимал самое активное участие. Таких полевых рекогносцировок до выхода в основной маршрут было предпринято несколько, и они дали ценный маршрутный опыт. В одной из них Гибсон и Варгоев посетили местный ледниковый покров на участке плато между заливом Инглфилд и бухтой Мак-Кормик, откуда можно было наблюдать появление солнца раньше, чем у Редклиф-Хауза. В процессе этой вылазки выяснилось, что американцы не освоили строительство эскимосских куполовидных хижин из снежных кирпичей – иглу, особенно на конечной стадии. Эту работу пришлось завершать уже самому Пири при участии Кука и Аструпы, причем их предводитель в качестве важного достижения вылазки отметил, что его сломанная нога работала очень хорошо и не болела, хотя и затрудняла движения при прыжках. Американцы и на этот раз не справились с завершением сооружения иглу: вместо купола из снежных кирпичей они соорудили плоскую крышу, используя в качестве поперечных балок собственные лыжи. Прошло совсем немного времени, и они убедились, что подобного легкомыслия Арктика не прощает.

Поднявшийся ночью ветер, разумеется, легко разметал часть нелепой постройки, и в результате утром Пири проснулся от того, что ветер бросал ему в лицо потоки мелкого снега. Кук, кое-как освободившись из спального мешка, попытался заделать образовавшуюся дыру. Однако вскоре усилившийся ветер снес угол постройки (чего никогда не происходит с иглу, выстроенными эскимосами), и дело приняло весьма опасный оборот. “Я с трудом освободился из засыпавшего нас сугроба, завязал свой мешок и разбудил доктора Кука, – описывал позднее Пири приключения незадачливой троицы. – Доктор также успел освободиться, но Аструп, лежавший с другой стороны, никак не мог выбраться из сугроба” [48, с. 218–219]. Теперь спасение легкомысленных полярников, спавших в одном нижнем белье, зависело от того, насколько быстро они разыщут в снегу, при абсолютной темноте, свою верхнюю меховую одежду. В конце концов это им удалось, но они получили предметный, сугубо полярный урок: в Арктике мелочей не бывает. А вскоре метель сменилась дождем, и спальники стали намокать и постепенно смерзлись со снегом в единую массу. Таковы были последствия известного гренландского фёна*, натворившего достаточно бед и на побережье. Участники похода все же увидели восход солнца, занимаясь раскопками в собственном логове.

По возвращении выяснилось, что дом “был лишен своего снежного покрова. На полпути нас встретила миссис Пири и рассказала о страшной буре и потопе. В понедельник почти весь день ручьями лил дождь, смывший снег с крыши, разрушивший снежный вход (в виде тамбура. – В.К.) и проникший через парусиновую крышу галереи коридора в дом. Двери и окна тряслись под напором ветра, но сам дом... выстоял” [48, с. 228]. Необычность шторма подчеркивалась еще и разрушением протаявших эскимосских хижин в окрестностях Редклиф-Хауза при температуре +5 °С. Все это усложняло представление участников экспедиции об атмосферных процессах в условиях высоких широт. Пири считал, что для его “спутников это было серьезным и суровым введением в работу на ледниковом покрове и примером того, что они могут ожидать во время долгого путешествия” [48, с. 230]. Однако многое из описанного оказалось полной неожиданностью и для него самого.

Путешественники вернулись на зимовочную базу, воспользовавшись кратковременным перерывом в непогоде. “Это была бурная неделя. Дикая порыв фёна с его замечательно высокой

* Фён – сухой теплый ветер в ледниковых областях.

для этой местности температурой превратил атмосферу в шумную толчею свирепых ветров, которых не успокоил даже наступивший холод” [Там же, с. 239].

21 марта, накануне весеннего равноденствия, Пири решил испытать пошитую для дальнего маршрута меховую одежду, совершив одиночный выход на ледниковый покров Гренландии, откуда он собирался отправиться к восточному побережью. “На высоте 3 825 футов, – писал он впоследствии, – я поднялся на второе возвышение и увидел перед собою обширную равнину, если только меня не обманывало зрение. Здесь я позавтракал, сидя на снегу спиной к ветру; была сильная метель, термометр показывал -32°F (-36°C . – *В.К.*), а я завтракал спокойно и без неудобств” [Там же, с. 245]. Разумеется, на этот раз Пири имел дело не с метелью, а с поземкой.

Дальнейшая подготовка к предстоящему маршруту началась с закупки собак у эскимосов. Середина апреля ознаменовалась еще одним событием, показательным для того времени с точки зрения связи с внешним миром. С одним из эскимосов, отправившимся к мысу Йорк (200 миль южнее Редклиф-Хауза), куда летом заходили китобойные суда, Пири передал письмо для отправки его в Филадельфийскую академию естественных наук. В нем он, в частности, писал:

“Моя партия благополучно провела длинную зимнюю ночь, и все теперь совершенно здоровы. Я имею полное снаряжение для путешествия по ледниковому покрову. ...Установлены и поддерживаются самые дружеские отношения с туземцами и собран ценный этнографический материал. Выполнен ряд наблюдений – приливов и метеорологических” [48, с. 253]. Пири также сообщал, что маршрут к востоку он собирается начать 1 мая. В конце концов это письмо, адресованное Гейлприну, достигло своего адресата, но через Лондон, где оно было протемпелено 7 декабря 1892 года. (Экспедиция вернулась в Штаты в августе...)

Прежде чем отправиться в дальний маршрут, Пири решил совместить “приятное с полезным”: одновременно с закупкой собак у эскимосов обследовать побережье залива Инглфилд, куда он и направился на собачьей упряжке в сопровождении супруги и эскимоса-каюра* 18 апреля. В этом маршруте, помимо съемок побережья, Пири описал подвижку ледника Герлбет, которая привела к нарушению зимнего снегового покрова и образованию характерных прямоугольных глыб – “столов” в прифронтальной части. Кроме того, напор ледника с незначительным разрушени-

* Каюр – погонщик собак, запряженных в нарты.

ем припая привел к небольшому наводнению в лагере путешественников, впрочем, не имевшему особых последствий. От указанного ледника участники маршрута напрямую выходили к восточной оконечности о-ва Герберт. Погода благоприятствовала им настолько, что они отдыхали в спальнях мешках прямо на морском льду, не ставя палаток. 22 апреля Пири и его спутники вернулись в Редклиф-Хауз, покрыв за неделю 250 миль (почти 400 км).

Теперь, с установлением спокойной весенней погоды, всё было готово для длинного путешествия в неизвестное, ради которого все эти месяцы были наполнены работой. “В последний день апреля в прекрасную погоду... доктор Кук, Гибсон, Кайю, Тавана, Кулу (трое последних – эскимосы-каюры. – *В.К.*) отправились... с двумя санями и двенадцатью собаками перенести последние припасы на внутренний лед... Три дня спустя, приведя в порядок дом и окончив тысячи мелких дел, всегда всплывающих в последние мгновения приготовлений к долгому путешествию, я отправился с Мэттом, остальными восемью собаками и большими 18-футовыми санями”, – писал позднее Пири [Там же, с. 288]. Однако вскоре Хэнсон отморозил пятку и был отправлен в Редклиф-Хауз. Затем последовали другие неприятные задержки из-за пурги – вплоть до 15 мая. Правда, настроение у Пири было хорошее, поскольку он убедился, что последствия перелома не мешают ему. “Тот факт, что менее чем через десять месяцев... я был способен предпринять и выполнить путешествие на лыжах в 1200 миль без... серьезных последствий, служил сильным доказательством профессионального искусства доктора Кука” [48, с. 293–294].

В своей книге-отчете об экспедиции 1891–1892 гг. Пири делает много признаний, демонстрирующих его одержимость идеей первенства во всем – большом и малом. Так, он настаивает, что “открыл новый способ полярных путешествий”, на том основании, что использовал “внутренний лед вместо дороги, собак – как упряжь саней” [Там же, с. 20], однако ни то, ни другое не верно, поскольку первые маршруты по ледниковому покрову Гренландии, хотя и незначительной протяженности, были предприняты задолго до него датчанами Оцеаном и Ландорфом в 1728 году и их соотечественником Л. Деллагером в 1751 году, а в 1867 году их попытку повторил англичанин Э. Уимпер. Наконец, сам Пири не мог не знать о проникновении в глубь ледникового покрова Гренландии Норденшельда в 1870 году на 50 км, а в 1883 году – на 117 км. Именно эти походы и доказали принципиальную возможность передвижения по гигантскому ледниковому покрову самого большого острова

планеты. Другое дело, что Пири впервые использовал здесь собачью упряжку с нартами, это действительно так, но значимость такого открытия все же меньше, чем трактует сам Пири, поскольку ее издавна использовали эскимосы на морском льду. Смешными выглядят его потуги вступить в дискуссию с Нансеном, объявив себя инициатором идеи использования самих собак в пищу собакам. Здесь Пири приписывал себе “заслуги” Нансена по этой части, который вынужден был поступать так со своей “тягловой силой”, но никогда не гордившимся этим.

“Я ввел первый раз и показал годность различных новых черт выдающейся ценности для полярных путешествий: выбор зимних квартир, употребление путемера, барометра и термографа. (...) Приобретенное мною подробное знание Смитова пролива позволило мне показать различным ученым местности, наиболее годные для специальных занятий” [Там же, с. 20–21]. Не изучение полярной природы занимало Пири, а совершенствование техники и организация маршрутов в экстремальных условиях Арктики. Природа, наука – это не для него, это “на потом”! Неудивительно, что подобным отношением он создал себе оппозицию в научной среде, хотя до поры до времени ученые были вынуждены мириться с подобными заявками.

В несколько переходов Пири привел свой отряд, поднимаясь по пологому ледниковому склону, на высоту в 1700 м, где прибрежные вершины гор исчезли из виду. Отряд оказался в бассейне громадного выводного ледника Гумбольдта, удалившись от базы в бухте Мак-Кормик на 130 миль (210 км). Дальше Пири намеревался продолжить путь один с кем-нибудь из членов экспедиции и обратился к спутникам с предложением выделить добровольца. “Доктор первым вызвался идти, за ним Гибсон и Аструп. Затем я порешил так: Аструп пойдет со мною, Гибсон останется командиром вспомогательной партии (т.е. возвращающихся. – В.К.), доктор Кук по прибытии к Красной скале примет на себя обязанности начальника до моего возвращения” [Там же, с. 297–298]. Несомненно, последнее назначение не случайно – Пири был полностью уверен в Куке.

При походе по местности, практически лишенной отчетливых ориентиров, из всех методов навигации Пири использовал лишь прокладку курсов и расстояний, полагая, что “компас и путемер дают возможность получить необходимые данные и показывают путешественнику во всякое время его положение и быстроту, с какой он идет” [Там же, с. 27]. Однако он все же пытался контролировать свое местоположение по береговым

ориентирам, избегая терять их из виду надолго, и поэтому волей-неволей был вынужден прижиматься к северному побережью: “Мы уже прошли через водораздел между Китовым проливом и бассейном Кэна и начали спускаться в бассейн ледников Гумбольдта. (...) Мы были теперь, очевидно, на вершине подъема и, верно, скоро начнем спускаться по северному склону водораздела к бассейну фиорда Петерманна” [Там же, с. 303], что по-своему показательно: Пири в этом походе показал себя посредственным навигатором.

26 июня участники перехода увидели северо-восточное побережье, к которому так стремились: “Повсюду, на северо-западе, севере и востоке – черные и темно-красные пропасти, глубокие долины, увенчанные ледяным покрывалом горы тянулись дикой панорамой, на которую не смотрел ни один человеческий глаз” [Там же, с. 314]. Вскоре путешественники вышли на скальную сушу – тем самым северные пределы ледникового покрова самого большого острова Земли были установлены одновременно, как полагал Пири, с северными пределами самой Гренландии. Однако в последнем случае он ошибался. Когда он все же добрался до кута Индепенденс-фиорда, выяснилось, что в западном направлении от него уходит глубокая долина с многочисленными озерами, которую Пири принял за пролив, покрытый льдом. Сушу за мнимым проливом он назвал Землей Гейлприна (Земля Пири – на современных картах). Тридцать лет спустя Кнуд Расмуссен и Петер Фрейхен доказали ошибочность его представлений.

В 1900 году Пири прошел до северных пределов своей Земли Гейлприна, тем самым определив положение и крайнего северного побережья самой Гренландии. В эпоху ликвидации последних “белых пятен” на Земле это явилось его реальной заслугой, самым ценным из его достижений.

В наиболее отдаленном пункте своего маршрута, на утесе Нэйви-Клиф, в гурии, сложенном из камней, он оставил записку следующего содержания:

Северогренландская экспедиция 1891–1892 гг. под командованием
Роберта Пири, вольнонаемного инженера флота США,
4 июля 1892 г., 81° 37,5' с.ш.

Достиг сегодня с Эйвином Аструпом и восемью собаками этого места через внутренний лед от бухты Мак-Кормик в Китовом проливе. Мы прошли более пятисот миль и находимся в прекрасном состоянии. Я назвал этот фиорд бухтой Независимости (Индепенденс-фиорд – на современных картах. – *В.К.*) в честь дорогого всем американцам дня 4 июля, в который увидели его. Убили пять мускусных быков в долине над этой бухтой и видели несколько других. Завтра я направляюсь назад к Китовому проливу

Р. Пири [48, с. 340–341]

Удачная охота на мускусных быков решила проблему провианта для людей и корма для собак. Дальнейшие события маршрута описаны Пири так: “7-го июля при ярком солнечном свете мы повернулись спиной к земле и начали подниматься на ледяную высоту. Чтобы избежать трещин и ледниковых бассейнов, так затруднявших нас во время путешествия сюда, я намеревался на обратном пути держать его более к востоку и югу” [Там же, с. 349].

При возвращении наибольшие трудности были связаны с глубоким снегом, позднее на высоте сменившимся плотным настом, что благоприятствовало движению. Уже 2 августа показали выходы коренных пород в окрестностях бухты Мак-Кормик, а на следующий день участники похода встретили на берегу людей, которых оказалось слишком много, – в бухту пришло судно с экспедицией Гейлприна. Вернувшись в Редклиф-Хауз, Пири не отметил каких-либо недостатков в работе экспедиционной базы, которую во время его отсутствия возглавлял Кук.

Однако эта благополучная картина спустя всего несколько дней была омрачена трагедией. 9 августа Пири с женой и эскимосами-гребцами отправился завершать съемки в заливе Инглфилд. Спустя неделю он вернулся в Редклиф-Хауз, где узнал об исчезновении геолога Вергоева, присоединившегося к экспедиции Гейлприна. Поиски привели к его следам на краю одного из ледников между бухтой Мак-Кормик и заливом Инглфилд: очевидно, молодой полярник погиб в одной из ледниковых трещин.

Оценивая значение Северогренландской экспедиции для главных её участников, необходимо отметить следующее. Кук, несомненно, успешно прошел крещение Арктикой. Высокие оценки его профессиональной подготовки со стороны руководства ставят его особняком среди других участников экспедиции. Не раз Пири отмечал успешное выполнение им всех его поручений и приказов. Более того, в последних публикациях [85] утверждается, что по возвращении в Штаты Пири пригласил Кука в свою очередную экспедицию.

Несомненно, полученный первый полярный опыт как в условиях зимовочной базы, так и в маршрутах составил для Кука важнейший “первоначальный капитал” на будущее. Однако собственных исследовательских качеств в этой экспедиции Кук не проявил, или, скорее, не мог проявить.

В экспедиции 1891–1892 гг. в полной мере проявились качества Пири как исследователя и полярника. Он смог оценить и использовать собачьи упряжки, с одной стороны, а с другой – продемонстри-

ровал все недостатки в качестве штурмана-навигатора. С точки зрения научной результативности экспедиции именно в 1892 году Пири достиг наибольшего успеха, определив положение северного предела ледникового покрова Гренландии и подготовив почву для установления северных пределов самой Гренландии, что ему и удалось в 1900 году. Важно отметить, что трений или недоразумений между главными участниками будущей полярной драмы во время зимовки 1891–1892 гг. не было, как и не было какой-либо дружбы или духовной близости между ними. Все это читатель должен иметь в виду при знакомстве с дальнейшими событиями.

Глава 2

Впервые через антарктическую ночь

После возвращения с гренландской зимовки Кук прочитал несколько лекций об эскимосах и особенностях полярной медицины, но по настоянию Пири прекратил эту деятельность, не пытаясь даже опубликовать свои медицинские и этнографические материалы. Трудно сказать, какая часть наблюдений Кука вошла в книгу-отчет Пири об экспедиции 1891–1892 гг., тем более что главным ее событием, несомненно, был поход Пири и Аструпа.

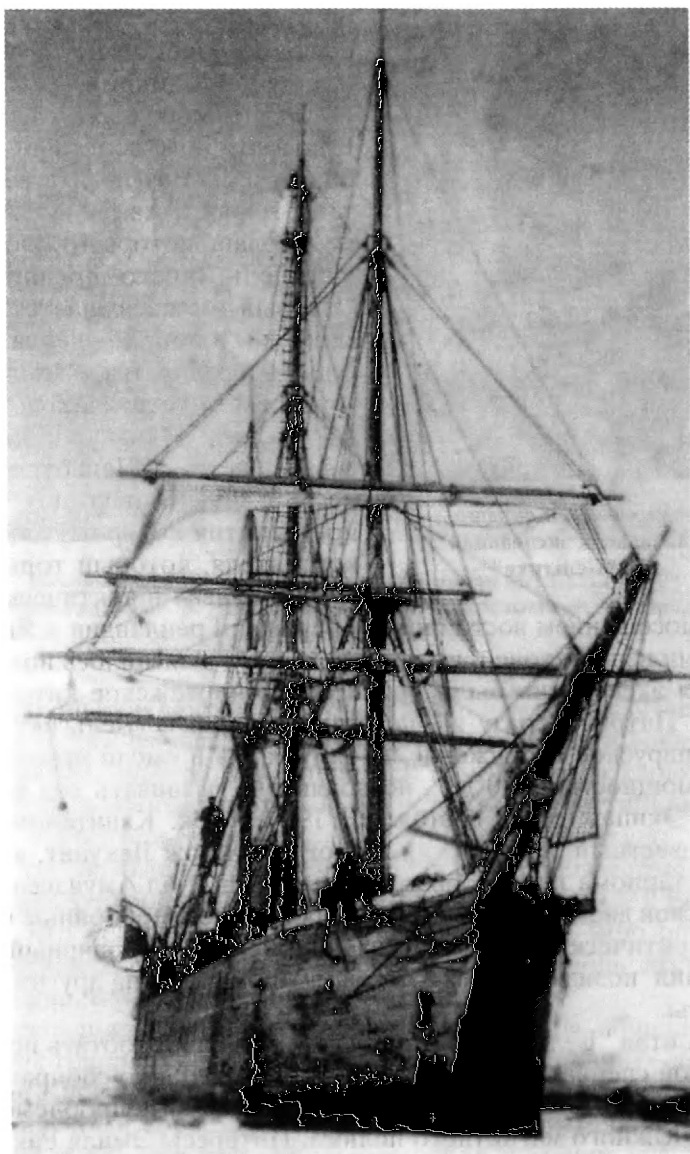
Первые годы Кук пытался заняться самостоятельной полярной деятельностью. В 1893 году при финансовой поддержке Бенджамина Хоппина из Йелского университета он совершил трехмесячное плавание на яхте “Зета” вдоль западного побережья Гренландии вплоть до Упернавика. На следующий год Кук начал сбор денег для экспедиции в Антарктику, в чем его энергично поддержал Герберт Бриджмен, владелец газеты “Бруклин стандарт юнион”, некогда поместившей объявление Пири. Так как денег на такую сложную и дорогую экспедицию было недостаточно, Кук решил летом 1894 года зафрахтовать судно “Миранда” для повторения рейса к берегам Гренландии. Это плавание проходило на редкость неудачно. Сначала у побережья Лабрадора судно, принявшее на борт 60 пассажиров, преимущественно студентов колледжей восточных штатов, столкнулось с айсбергом, и для ремонта его потребовалось отбуксировать в Сент-Джонс. Позднее, уже после посещения Суккертоппена, “Миранда” налетела на подводную скалу. В сложившейся ситуации Куку пришлось оставить аварийное судно и в маленькой открытой шлюпке совершить почти стомильное плавание до Хольстейнборга, с тем чтобы вызвать спасательное судно. Подобные приключения, хотя и не имели общего с исследовательской деятельностью, все же обогатили Кука полярным опытом, который спустя несколько лет очень пригодился ему.

В эти годы произошло еще одно событие – встреча с сестрой покойной жены Анной Форбс, завершившаяся помолвкой. Анна, возражая с самого начала против предстоящей разлуки с женихом, так и не смогла перенести ее и умерла, когда Кук зимовал на дрейфующем судне во льдах Южного океана.

Ф.А. Кук в 1897 году

Кук оказался в составе своей очередной экспедиции почти случайно – еще раз он не упустил свой шанс, откликнувшись на объявление в прессе о вакантном месте врача экспедиции. Это была первая в истории человечества зимовка в высоких широтах Южного полушария, что и определило ее значение, как для науки, так и для биографии героя этой книги. Получив по телеграфу согласие руководства экспедиции, он отправился догонять судно в Рио-де-Жанейро, где и ступил на его палубу 22 октября 1897 года, заранее отказавшись от жалованья, хотя единственным из участников обладал зимовочным

**Экспедиционное судно “Бельгика”
(бывший норвежский китобоец “Патрия”)**

**Адриен де Жерлаш,
начальник экспедиции
на “Бельгике”**

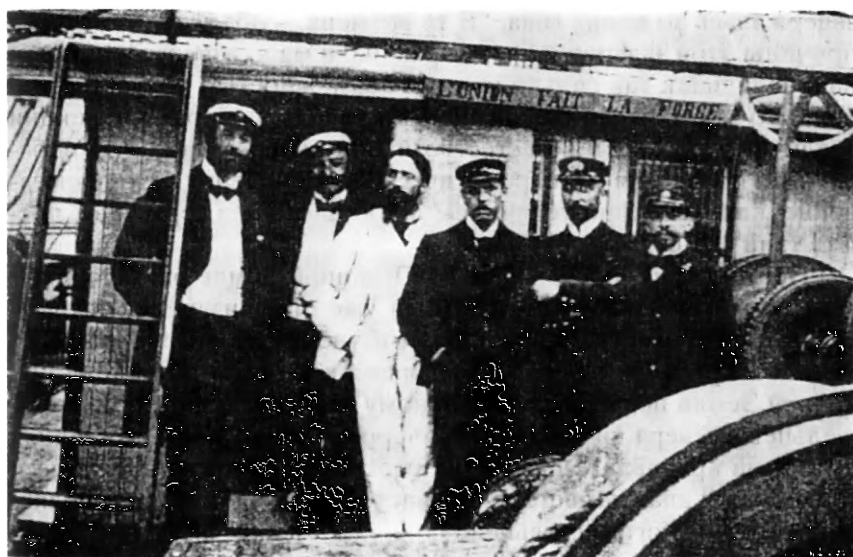
опытом (что, по-видимому, сыграло решающую роль в судьбе экспедиции).

Экспедиция была снаряжена Брюссельским географическим обществом. Возглавлял ее капитан 3-го ранга (камандан) Адриен де Жерлаш, который так определил цель своего предприятия: “Первый год посвящается исследованиям в море Уэдделла, затем судно направляется к Земле Виктории и там устраивается зимовка из трех человек, а корабль возвращается в Мельбурн” [цит. по: 7, с. 49]. Однако для такого предприятия полярный опыт руководителя, который только однажды плавал в арктических водах,

с посещением восточного побережья Гренландии и Ян-Майена, был недостаточен, что в полной мере выяснилось позднее.

Для экспедиции было приобретено норвежское китобойное судно “Патрия”, сразу же переименованное в “Бельгику”. Оно несло парусное вооружение по типу барка и имело паровую машину мощностью 150 л.с., позволявшую развивать ход до семи узлов. Экипаж судна состоял из 19 человек. Капитаном судна стал известный бельгийский гидрограф Жорж Лекуант, а должность старпома занял норвежский штурман Руал Амундсен, который в свои двадцать пять лет уже провел две зверобойные кампании в арктических водах. Чтобы пополнить свой полярный опыт, он решил познакомиться с ледовитыми морями на другом конце планеты.

Капитан “Бельгики” Лекуант должен был работать по своей основной специальности. Лейтенант Эмиль Данко собирался посвятить себя магнитным наблюдениям в связи с проблемой миграции Южного магнитного полюса. Интересы Эмиля Раковицы из Румынии лежали в области гидробиологии. Среди ученых оказалось также два поляка – Антонин Добровольский и Генрик Арктовский. На первом лежали обязанности проведения рутинных метеорологических наблюдений, второй отправился в экспедицию в качестве геолога и океанографа. Однако наибольший вклад в науку они внесли при изучении полярных льдов, как на море, так и на суше. (Уже в наше время их имена были присвоены польским научным станциям в Антарктиде.) Наконец, сам

**Научный и руководящий состав экспедиции на “Бельгике”.
Слева направо: Э. Данко, Э. Раковица, Г. Арктовский, Меларе,
А. Жерлаш, Ж. Лекуант**

Кук с его опытом мог внести существенный вклад в изучение поведения человеческого организма в экстремальных условиях. Таким образом, экспедиция отличалась комплексным характером программы и многонациональным составом ее участников. Последнее обстоятельство позволило Роланду Хантфорду утверждать, что экспедиция на “Бельгике” стала провозвестницей будущих международных исследований в Антарктиде [73]. Если же учесть, что бельгийцы не предпринимали каких-либо попыток распространить суверенитет своей страны на вновь открытые территории, с таким мнением можно согласиться.

Многонациональность отразилась на способе общения людей: “Мы говорили на французском в кают-компании, – позднее отмечал Кук, – немецком и французском в лаборатории, на смеси английского, норвежского, французского и немецкого на палубе” [67, с. 58]. Эта экспедиция привлекла внимание ученых-полярников – ее напутствовали добрыми пожеланиями Нансен, директор знаменитой Морской обсерватории в Гамбурге Георг Неймайер, участник похода на “Вега” в 1878–1880 гг. Андрес Ховгард и др.

Берега Европы “Бельгика” оставила в октябре 1897 года и, с заходом в Рио-де-Жанейро, проследовала на юг через Магелланов пролив, в обход Огненной Земли вошла в пролив Бигля, где

задержалась до конца года. “В те времена, – объяснял Амундсен причины этой задержки, – эти края были мало известны науке, и наш начальник так сильно увлекся возможностью новых открытий, что мы провели там несколько недель, собирая коллекции различных образцов по естествознанию, нанося на карты побережье и производя метеорологические наблюдения. Это промедление, как мы скоро убедились, не осталось без серьезных последствий” [2, с. 23].

Неожиданное пребывание на Огненной Земле оказалось интересным для Кука, который, имея уже опыт изучения эскимосов, решил провести сравнительное изучение аборигенов крайнего юга и крайнего севера. В это время коренные обитатели Огненной Земли подвергались сильному давлению со стороны пришельцев с севера, овцеводов (ранчерос). Слух о месторождениях золота на архипелаге привел на неосвоенные прежде долины и горы шайки авантюристов всех мастей, безжалостно истреблявших коренных огнеземельцев.

Плаванием в проливе Бигль экспедиция едва не завершилась: 2 января 1898 года “Бельгика” села на риф. С помощью местного ранчеро Лукаса Бриджеса, окрестных индейцев и экипажа оказавшегося поблизости брига “Фантом” судно, предварительно разгрузив, все же спасли. Поблизости, в местечке Хербертон располагалась миссия преподобного отца Бриджеса (с сыном которого Кук уже познакомился), проживавшего на Огненной Земле с 1867 года. Старый миссионер терпеливо изучал обычаи окрестных племен и составил словарь языка племени яган. Кук узнал много интересного от отца Бриджеса и, в свою очередь, обещал помочь ему с изданием словаря. Однако Бриджес-старший не пожелал рисковать единственным экземпляром рукописи; договорились, что Кук получит ее на обратном пути при возвращении из Антарктики. Как показали дальнейшие события, это была не напрасная предосторожность. Годы спустя все, что было связано с этим трудом, оставило в душе Кука горький осадок, чего тогда он никак не мог предвидеть.

Дальше “Бельгика” прошла проливом Ле-Мер и, обогнув о-в Эстадос с севера, легла на курс через пролив Дрейка к берегам ледяного континента. Преодолев этот пролив шириной 450 миль почти за неделю, судно 20 января 1898 года достигло западной оконечности Южных Шетландских островов, накануне повстречав первый настоящий, внушительных размеров столообразный айсберг. Дальнейший путь был проложен через пролив Бойд между островами Сноу и Смит, которые на русских картах традиционно обозначаются так, как их когда-то называли первооткрыватели Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петро-

вич Лазарев, – Малый Ярославец и Бородино, в память сражений 1812 года. В летнее время эти воды обычно посещались многочисленными китобойными судами, но на этот раз “Бельгика” разошлась с ними. Встреча с безлюдными островами не оставила особых впечатлений, тем более что вскоре последующие события вытеснили из памяти монотонность перехода.

Первый трагический случай произошел на вахте Амундсена 22 января в присутствии Кука. Пытаясь разглядеть сквозь сильную дымку непонятное темное пятно прямо по курсу, оба услышали отчаянный человеческий крик, который, как показалось, донесся из машинного отделения. Дальнейшие события Кук описал так: “Амундсен, полагая, что в машинном отделении произошел несчастный случай, бросился туда. Я же побежал на корму, откуда увидал человека, боровшегося за жизнь среди вспененных гребней. Это был Винке, – очищая шпигат (отверстие для стока воды с палубы. – *В.К.*), он потерял равновесие и свалился за борт, когда его страшный крик поразил нас. Увидав лаглинь, он вцепился в него мертвой хваткой. Пока я выбирал его, все бросились на палубу, но мало что могли сделать. Море бросало судно, словно щепку, а ветер переходил в ураган, так что спустить шлюпку возможности не было. Я подтянул Винке ближе к корпусу, а Лекуант, рискуя собой, обвязался концом. Затем двое матросов опустили его за борт в кипящую воду, где он сам мог утонуть, не оказав помощи утопавшему. Затем Лекуанта подняли, мы начали готовить следующего для такой же операции. Пока мы были заняты этим, Винке выпустил лаглинь и утонул. Мы прождали еще час, но каких-либо признаков нашего несчастного товарища не было видно. У Винке было много друзей в экипаже, и его гибель переживали все” [67, с. 127–128]. Второй раз в экспедиции рядом с Куком погибал человек, на глазах всего экипажа, усилия которого оказались напрасными. Увы, на борту “Бельгики” это была не последняя жертва.

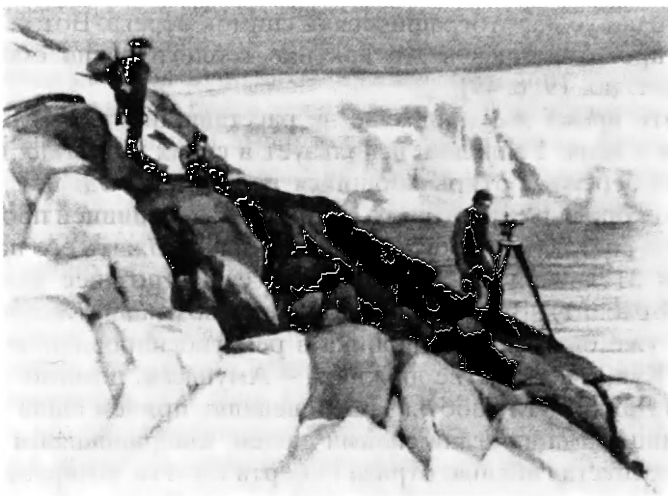
Завершив неудачные поиски, судно продолжило свой путь к Антарктическому полуострову, пересекая маршрут экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. С тех пор ни одна научная экспедиция не появлялась в этих водах. Первые впечатления от встречи с ледяным континентом Кук описал так: “В 3 часа пополудни 23 января странный белый туман появился на небе по направлению к югу. Немного позже какие-то неопределенные очертания суши выделились из него. Эта картина занимала все пространство обзора с запада на восток. Вершины были скрыты дымкой, из которой исходил особый отблеск, характерный для этих широт. По мере приближения мы убедились, что суша не представляет бесконечную стену льда, но имеет грубые, какие-то рваные очер-

тания под покровом льда, заканчивающегося у берега. Здесь было несколько обширных заливов, один из которых прямо по курсу вел к югу. Тщательно изучая имевшиеся карты, мы считали, что можем определить свое положение, но это было ошибочное впечатление” [67, с. 130].

На современной карте побережье Антарктиды, открытое этой экспедицией, выделяется характерной бельгийской топонимикой: острова Антверпен, Брабант, Льеж и т.д. Для привязки событий, описанных ниже, в качестве ориентиров можно использовать характерные горные вершины Пьер и Алло, высота гребней которых превышает 600 м, при входе в современный пролив Жерлаш (участники экспедиции назвали его именем своего судна). Пролив Жерлаш, на берегах которого на протяжении полутора месяцев предстояло работать участникам экспедиции, отделяет побережье Антарктического полуострова от архипелага Пальмера, названного так в честь американского китобоя Пальмера, который, по мнению его соотечественников, открыл шестой континент. В те годы о существовании пролива было неизвестно, и, направляя судно в его северное устье, руководство экспедиции рассчитывало найти проход в море Уэдделла, надеясь повторить дрейф “Фрама” в южно-полярном варианте, а то и достигнуть Южного полюса. Этим грандиозным и в известной мере авантюрным планам не суждено было свершиться.

Советская “Люция Антарктики” [39] описывает места, обследованные бельгийской экспедицией, так: “Северо-восточный вход в пролив Жерлаш находится между мысом Штернек (широта $64^{\circ}4'$, долгота $61^{\circ}2'$) и восточной оконечностью острова Льеж... Пролив Жерлаш от северо-восточного входа простирается примерно на 90 миль. Юго-западный вход в пролив Жерлаш расположен между южной оконечностью острова Винке и мысом Ренар. Северо-западный берег пролива Жерлаш образован юго-восточными берегами островов Льеж, Брабант, Антверпен и Винке, а юго-восточный берег пролива – участком северо-восточного берега Земли Грейама от мыса Штернек до мыса Ренар; этот участок юго-восточного берега пролива называется Берегом Данко. Наиболее узкой является средняя часть пролива Жерлаш между мысом Анна и берегом острова Брабант; здесь его ширина 5,3 мили.

Юго-западный берег пролива Жерлаш очень изрезан; в него вдаются многочисленные, порой обширные бухты с прилегающими к ним островами. Берег этот горист; высоты гор, простирающихся в глубине берега, – от 600 до 1 800 м. Вершины и склоны этих гор покрыты льдом. К Берегу Данко подходит несколько отрогов этих гор в виде многочисленных пиков; долины меж-

Научные наблюдения на берегу

ду отрогами заполнены ледниками... Местами на низких участках берега имеется сплошной ледниковый барьер...

Пролив Жерлаш глубоководен, но в нем много островков, скал и рифов; по предположению, есть в нем много еще не обнаруженных опасностей” [39, с. 209–210]. Таким образом, даже современная лоция рисует очень непростую в навигационном отношении ситуацию, о которой до экспедиции на “Бельгике” вообще ничего не было известно. Приведенные выше сведения в значительной мере основаны на результатах той самой экспедиции, участниками которой были Кук и Амундсен. По прошествии более века невозможно отрицать важности этой информации.

В проливе Жерлаш руководство экспедиции повторило ошибку, уже допущенную на Огненной Земле. События здесь развивались следующим образом.

26 января была совершена высадка на о-в Ту Хаммокс, где Амундсен испытал свои лыжи, вероятно впервые в Антарктике. Потом высадки повторялись неоднократно (всего было сделано 22 подобных высадки), порой в самых неподходящих условиях, наподобие той, о которой оставил свои впечатления Арктовский: “Жерлаш сам отвозил меня на берег, но дал мне всего десять минут. Несколько взмахов веслами, и вот мы уже на берегу, поощряемые криками: “Поживее, Арктовский!” Я даю матросу молоток с приказанием отбить кое-где на берегу кусочки породы, а сам лезу сломя голову на морену, подбираю с земли на бегу образчики, беру направление по компасу, бегло осматриваюсь по сторонам и затем дую со всех ног обратно... Тем временем Кук

делает с палубы фотографический снимок берега. Вот каким образом производились в Антарктике геологические обследования” [цит. по: 19, с. 49].

В это время Жерлаш, еще не расставшийся с мыслью пробраться в море Уэдделла, использует в своих попытках каждый изгиб побережья, открывающийся перед ним. Однако уже довольно скоро выяснилось, что открытый экспедицией пролив вел не к юго-востоку, а на юго-запад. Чтобы положить его на карту, решили 31 января высаживаться на сушу (позднее названную о-вом Бранант). Высадку, как обычно, возглавил Жерлаш. На правах уже опытного полярника в рекогносцировочную группу вошел Кук, а в качестве лыжника – Амундсен, помимо Арктовского и Данко. Эти работы заняли неделю, причем была заложена традиция тащить сани силами людей, завершившаяся пятнадцать лет спустя гибелью отряда Роберта Скотта, возвращавшегося с полюса. Амундсен писал в своем дневнике: “Доктор, как опытный полярник, шел впереди, я следовал за ним. ...Интересно наблюдать его спокойную и практичную манеру работы. <...> У доктора эскимосская одежда из тюленьей шкуры, которая оказалась очень практичной [73, с. 60, 61]. Все это позволило Хантфорду сделать вывод, что с самого начала Кук был учителем для Амундсена, в лице которого, как показало время, он приобрел весьма способного и благодарного ученика, который не забывал заслуг своего полярного наставника.

Спустя две недели ситуация с проливом определилась, поскольку отчетливо обозначился выход в Тихий океан, и с мечтой о море Уэдделла (тем более о полюсе) пришлось расстаться. Обстановку 8 февраля Кук описал так: “Вскоре после полудня мы увидели на северном берегу пролива огромный обрыв красного гранита. Его высота достигала тысячи футов, а покрытый снегом гребень на высоте около трех тысяч футов упирался в облака, которые плыли с юго-запада. Немного южнее пролив разделялся островом с округлой скалой (мыс Эйвина Аструпа) на два рукава. Мы направились в западный [рукав]... Этот проход был от двух до пяти миль шириной. Мы вошли в него около четырех часов пополудни и шли до семи серебристыми водами фиорда, ледяные и скальные стены которого возвышались до высоты в три-четыре тысячи футов. В десять часов мы увидели темное небо над Тихим океаном” [67, с. 146]. Но даже в такой обстановке работы в проливе затянулись еще на неделю, причем с нежелательными включениями: 14 февраля судно еще раз оказалось на рифе, но благополучно снялось, порядком потрепав нервы экипажу.

Перед отправлением в плавание по водам Тихого океана с палубы “Бельгика” на юге были замечены признаки земли, за ко-

торой “четко выделялся на фоне ледяного купола обрывистый мыс, простиравшийся к востоку и уходивший за горизонт. Северо-западная сторона купола отличалась большим языком льда, который, спускаясь с покрытого снегом хребта, обрывался у моря ледяными стенами. Самый южный берег также представлял собой ледяные стены, которые во многих местах чередовались с выходами скал, между которыми в море прорывались потоки льда. За темным мысом возвышались два пика резких очертаний высотой около четырех тысяч футов в окружении куполовидных вершин меньшей высоты... Мы решили, что перед нами простирается Земля Александра I” [67, с. 163–164], которую люди увидели впервые со времени открытия ее экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева в 1821 году. С палубы “Бельгики” эту землю наблюдали на протяжении двух суток, прежде чем ее очертания растаяли в дымке за кормой судна, взявшего курс на запад.

“Бельгика” удалялась от берегов Антарктиды. На 19 февраля 1898 года судно находилось в координатах 69°6′ ю.ш. и 78°28′ з.д., причем ледовая обстановка оставалась относительно благоприятной еще почти две недели. Однако с окончанием антарктического лета ледообразование стало развиваться быстрыми темпами, и тем не менее руководство экспедиции продолжало свои попытки пробиться на запад. Только 4 марта в координатах 71°10′ ю.ш. и 84°55′ з.д., примерно в трехстах милях западнее Земли Александра I, стала очевидной вся серьезность положения, в которое попало судно. Амундсен дает свою оценку событий прежде всего с точки зрения моряка: “Оба моих начальника (Жерлаш и Лекуант. – В.К.) открыли в ледяном поле трещину в южном направлении и решили укрыться там от шторма. Они не могли совершить худшей ошибки. Я сознавал всю опасность, которой подвергалась экспедиция, но моего мнения не спрашивали, а дисциплина не позволяла мне говорить. Вскоре случилось то, чего я боялся. Когда шторм утих, мы уже отошли более чем на 70 миль от кромки льдов и, проснувшись однажды утром, увидели, что узкая полынья, по которой мы прошли, за нами закрылась... Теперь весь экипаж корабля очутился перед возможностью зимовки здесь, без соответствующей зимней одежды, без достаточного продовольствия для стольких людей. И даже ламп было так мало, что не хватало по числу кают. Перспективы были действительно угрожающие” [2, с. 23–25].

Первые впечатления от дрейфа были описаны Куком в начале марта: “Мы дрейфуем от 5 до 10 миль в сутки. Как-то странно знать, что дуновение ветров движет нас по морю неизвестности, но ничто не свидетельствует об этом движении. Мы не проходим какие-то неподвижные пункты, мы не можем наблюдать движе-

ние льдов. Все спокойно. Горизонт смещается вместе с нами. Мы часть бесконечного замерзшего моря. Наш путь – зигзагом, в основном на запад. Мы не знаем места нашего назначения, сознавая, что мы единственные люди в самом низу глобуса. Курьезная ситуация” [67, с. 199].

Дрейф “Бельгики” продолжался почти год и проходил в той части моря Беллинсгаузена, которая наиболее редко посещалась людьми ввиду трудных условий мореплавания, прежде всего по ледовым условиям, что стало известно значительно позже. Он проходил в основном на 70° ю.ш., с многочисленными петлями и попытками двинуться вспять. Первые же измерения глубин моря показали, что в феврале–марте судно дрейфовало преимущественно в пределах материкового склона, тогда как к маю оно оказалось уже на океанских глубинах, где лот не достигал дна на глубине 1500 м. О попытке самостоятельного плавания в сложившейся ситуации речи уже не шло, тем более что состояние экипажа, которое Кук определил как “беспомощные в море безнадежности”, не позволяло думать о чем-либо подобном. Тем не менее люди не собирались ожидать конца сложа руки.

Продолжались научные наблюдения, что в условиях дрейфа потребовало строительства на ненадежном льду. В конце марта Данко приступил к сооружению хижины странных треугольных очертаний для своих магнитных наблюдений – подальше от судна, чтобы избежать влияния корабельного железа. Еще спустя неделю ученые и моряки приступили к строительству павильона для астрономических наблюдений, которые намеревался проводить капитан Лекуант. Личные пристрастия ученых, видимо, сказались на архитектуре этих “дворцов науки”, поскольку в отличие от магнитного павильона астрономический своими очертаниями напоминал обычный продуктовый ящик, хотя и солидных размеров. Для строительства привлекались все участники экспедиции и члены экипажа, независимо от должности и положения. “Камандан орудовал молотком и гвоздями, – писал Кук, – Раковица пилил, Арктовский готовил доски, Данко выступал в роли гендиректора. Я и Лекуант в качестве рабочих лошадок транспортировали доски и другие материалы с судна к месту строительства. Отвлечение от официальных обязанностей на научные вносило приятное разнообразие. День за днем этот объект приобретал свои не вполне архитектурные очертания, тем более что из-за ветра, который продувал его насквозь, внутри него было еще холоднее, чем снаружи. Потом мы покрыли его толем и присыпали снегом. В ближайшую ночь капитан использовал его, отнаблюдав пару светил, и затем заявил: “Великолепно!” Правда, потом меня вызвали лечить два отмороженных пальца” [67, с. 248–249].

С постройкой павильонов фронт научных работ расширился, и спустя месяц они шли полным ходом. В мае люди были особенно заняты. “Последние ночи и дни мы проводили промер и отбор образцов морской биологии. Это дало Арктовскому и Раковице обильные сборы. Интересно наблюдать, как они корпят в темной лаборатории, постоянно и преданно уставясь в микроскопы, готовые выпроводить всякого, кто им мешает. Несчастные парни – их лица выглядят уставшими и исхудалыми, словно после какого-то бедствия. Данко упрямо продолжает свои магнитные наблюдения, которые целиком поглощают его рабочее время.

Сейчас метеорологические наблюдения превратились в неприятное занятие, потому что проводятся каждый час, а порой и чаще. Каждый из нас уже запланировал себе работу с появлением солнца. Камандан Жерлаш обрабатывает судовой журнал. Лекуант начал комплектовать инструменты для летних гидрографических работ. Раковица, вдобавок к своим лабораторным работам, запланировал новую книгу по биогеографии. Арктовский весь за разработкой дюжины научных проблем. Амундсен сотрудничает со мной в разработке полевого снаряжения, и вдобавок к этому я привожу в порядок свои антропологические наблюдения за прошлое лето и книгу об антарктических исследованиях. Дело поставлено на индустриальный поток, но сделано еще немного. С темнотой наша энергия убывает. Мы становимся индифферентнее, нам труднее сосредоточиться на каком-либо направлении деятельности” [67, с. 299–300].

Тем самым Кук отметил первые признаки ухудшения здоровья у участников экспедиции, которые, пока еще незаметные за рутинной повседневности, только-только начали проявляться. Видимо, и сам Кук понял это не сразу, поскольку источник опасности в самом начале зимы не определился: “Наша пища недостаточно разнообразна, но ее качество настолько хорошее, насколько можно пожелать в наших условиях... На завтрак подают хлопья, овсянку-геркулес, свежееиспеченные бисквиты, маргарин, мармелад и кофе. Наши запасы сахара и молочных продуктов из-за повышенного спроса истощаются. На обед – разные супы, консервированное мясо, картошка и макароны. На ужин – рыба, сыр, смесь макарон, пеммикана и консервированного мяса” [Там же, с. 232–233].

Правда, сам Кук еще раньше обратил внимание на рекомендации предшественников избегать консервов – даже конина в подобной ситуации выручила бы зимовщиков! Особые претензии участников зимовки вызывали изделия норвежской кухни в виде сухих рыбных и мясных шариков, о компонентах которых в эки-

паже ходили самые разноречивые слухи. Дело дошло до того, что их должны были глотать проигравшие пари!

Неудивительно, что в такой ситуации были предприняты первые попытки переключиться на местные пищевые ресурсы. Впрочем, вскоре выяснилось, что пингвин по вкусу напоминает мясо, птицу и рыбу одновременно, причем в соусе из рыбьего жира по консистенции приближаясь к хорошо прожаренному судовому брезенту. И тем не менее в этом местном провианте присутствовало нечто такое, чего не было в запасах из судовой кладовой. Приобщение к местным пищевым ресурсам “было суровым делом, но интересы науки и требования... желудков сделали подобные акции абсолютно необходимыми” [Там же, с. 243].

Разумеется, положение с питанием быстро отразилось на состоянии людей. “Продолжительная темнота, вынужденная изоляция, консервы, низкие температуры на протяжении многих месяцев одновременно с усилением штормов и высокой влажностью способствовали развитию того, что мы назвали полярной анемией. Появилась бледность с характерным зеленоватым оттенком, наша секретерная деятельность испытывала гнет. Желудки и другие органы работали ленивей. Самые опасные симптомы исходили от мозга и сердца, работа которых теряла прежний ритм, слабела и становилась ненадежной. Симптомы снижения умственной активности не были столь же отчетливыми. Однако люди уже не могли продолжительное время сосредоточиться на интеллектуальной деятельности. Один матрос оказался на грани безумия, но восстановился с возвращением солнца” [67, с. 303].

Первой жертвой полярной анемии стал магнитолог Данко, хотя первоначально развитие его болезни было спровоцировано, по-видимому, какими-то недостатками в сердечной деятельности, возникшими задолго до экспедиции и обострившимися в Антарктике. Уже в мае у Кука возникли опасения, что его пациент не доживет до появления солнца. Быстрое развитие болезни Данко на фоне ухудшения здоровья экипажа в целом невольно порождало у наиболее слабых вопрос: кто следующий? Сам Данко без жалоб и сожалений встретил приближение неизбежного конца.

Чтобы как-то отвлечь людей от мрачных мыслей и скрасить однообразие полярных будней, был проведен “Большой конкурс женской красоты”. По сложнейшей системе оценок в условных баллах оценивались запросы зимовщиков по отношению к отсутствующей прекрасной половине человечества, касающиеся не только внешних данных, но и душевных качеств далеких дам. Самым тонким ценителем женской красоты среди задубевших от испытаний зимовки полярников оказался Арктовский. Будущий

полярный корифей Амундсен также вошел в группу призеров конкурса, тогда как Кук занял лишь предпоследнее место. На какой-то момент это мероприятие разбудило щемящие душу воспоминания, скрасив неполноту полярной жизни, но затем вахты и работа снова вошли в привычный ритм, в котором не было места незаменимому душевному теплу.

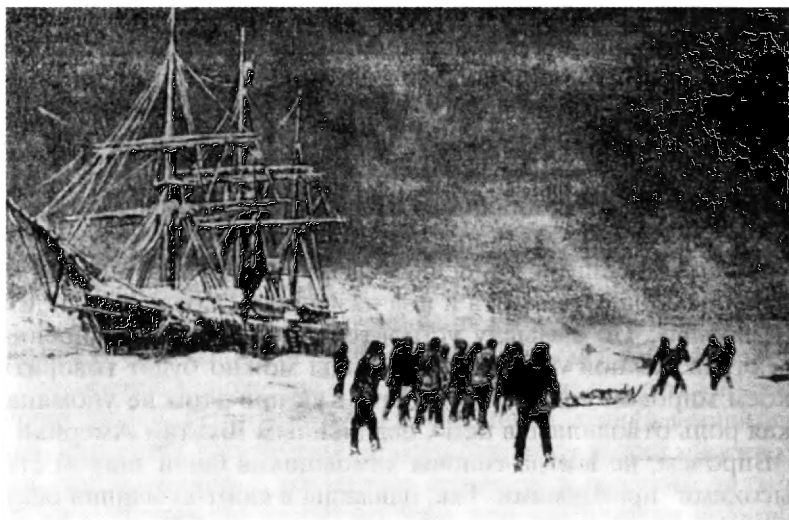
Позже в кают-компания состоялась своеобразная конференция по переустройству мира, организаторы которой, руководствуясь самыми лучшими намерениями, предвосхитили идею Европейского сообщества, хотя и под названием “Соединенные Штаты Европы”. По замыслу организаторов, после присоединения к ним стран Южной Америки и Канады можно будет говорить о некоем мировом союзе государств. Кук при этом не упоминает, какая роль отводилась в нем Соединенным Штатам Америки.

Впрочем, не всегда головы зимовщиков были заняты столь “высокими” проблемами. Так, однажды в кают-компания обсуждалось наличие души у судового кота по кличке Нансен, а также возможность допуска последнего в царствие небесное, наряду с другими участниками экспедиции.

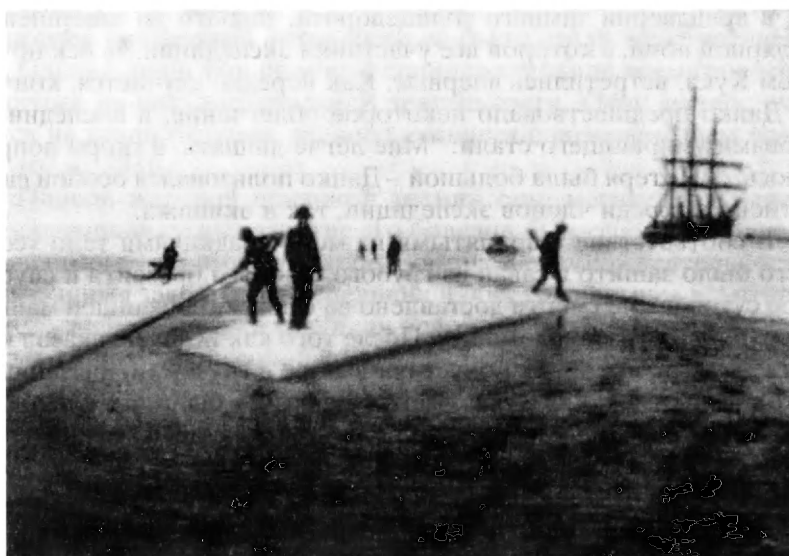
Хотя Данко держался очень мужественно, для Кука неизбежность летального исхода была очевидной. Это произошло 5 июня, в преддверии зимнего солнцеворота, задолго до завершения полярной ночи, с которой все участники экспедиции, за исключением Кука, встретились впервые. Как нередко случается, кончине Данко предшествовало некоторое облегчение, и последними словами умирающего стали: “Мне легче дышать, я скоро поправлюсь...” Потеря была большой – Данко пользовался особой симпатией как среди членов экспедиции, так и экипажа.

В соответствии с принятыми на море традициями тело усопшего было зашито в саван из грубого судового брезента и спустя двое суток после смерти доставлено на санях к ближайшей майне, прорубленной в молодом льду. После того как Жерлаш сказал короткую речь, покойника опустили в море с грузом, привязанным к ногам. По мнению Кука, смерть Данко не была фатальной, в других условиях он продолжал бы жить и даже нести службу.

Между тем общее состояние людей продолжало ухудшаться. Душевное состояние матроса Толефсена оказалось настолько опасным, что однажды он предпринял попытку побега с судна, и морякам пришлось разыскивать несчастного в окрестных торогах. Стали отмечаться все чаще и чаще признаки цинги. В условиях полной изоляции от цивилизованного мира развитие событий на фоне массовых заболеваний стало приобретать непредсказуемый характер. Теперь экспедиция представляла модель человеческого общества, оказавшегося в непредвиденной, экстре-

Похороны магнитолога Э. Данко

**Участники экспедиции и экипаж за созданием канала
во льду для освобождения судна**

мальной обстановке, когда его дальнейшая эволюция могла осуществляться как по оптимальному, так и по наихудшему варианту. Выход из ситуации, которую создало своими действиями неопытное руководство, зависел только от инициативы неформальных лидеров, – так случалось в полярных экспедициях не однажды. Именно она позволила преодолеть возникшую безысходность.

“Тринадцать месяцев простояли мы во льдах, – вспоминал позднее Амундсен. – Двое из наших матросов сошли с ума. Ни один человек не избежал цинги, и все, за исключением троих, впали в полное истощение от этой болезни. Это заболевание цингой было большим бедствием. Доктор Кук и я, мы оба знали из описаний арктических путешествий, что этой болезни можно избежать потреблением в пищу свежего мяса. Поэтому мы провели немало трудных часов, охотясь за тюленями и пингвинами... Однако начальник экспедиции питал к этому мясу отвращение, доходившее до нелепости. Он не только отказывался есть его сам, но и запретил и всей команде. В результате мы все заболели цингой. Начальник экспедиции и капитан заболели так тяжело, что оба слегли и написали свои завещания. Тогда руководство экспедицией перешло ко мне. Я тотчас же выбрал немногих еще трудоспособных людей и велел откопать тюленьи туши... Все бывшие на борту с жадностью съели свои порции, не исключая и начальника экспедиции. Удивительно было наблюдать действие, вызванное такой простой переменной пищи. В течение первой же недели все начали заметно поправляться” [2, с. 25–26].

Фраза в этих воспоминаниях “Доктор Кук и я, мы оба знали...” не случайна – Кук узнал о питании эскимосов во время своей зимовки в Гренландии в 1891–1892 гг., когда он дискутировал по этой проблеме с Пири, а Амундсен – от норвежских зверобоев. Хантфорд прямо утверждает, что “доктор Кук на основе своего арктического опыта, игнорируя теорию, верил в свежее тюлень мясо. Он опережал медицину своего времени, и был прав” [73, с. 63]. Сходной точки зрения придерживается и Райт. Все полярные историки сходятся на том, что своим вмешательством Амундсен и Кук спасли экспедицию.

Следует особо отметить, что дрейф “Бельгики” проходил в наименее исследованных антарктических водах. Поэтому любая научная информация из этой части Мирового океана воспринималась мировой научной общественностью с огромным интересом. Огибая открытый русскими моряками о-в Петра I с юга, “Бельгика” достигла наиболее южного пункта в своем дрейфе, – это произошло в конце мая 1898 года на 71°36′ ю.ш. Тем самым рекорд Джеймса Кука, известного английского мо-

реплавателя XVIII века, который в январе 1774 года побывал на 71°10' ю.ш., был побит. В целом в течение дрейфа ценной научной информации было получено немало – осталось только доставить ее в цивилизованный мир и, опубликовав, сделать всеобщим достоянием.

Между тем многие испытания для участников экспедиции были впереди. Даже природа, казалось, выступала против них. С окончанием полярной ночи теплее не стало. Самый сильный мороз (–45 °С) наблюдался 8 сентября – когда замерзла ртуть в термометре. Такое отставание морозов от календаря представляет сугубо полярное явление и объясняется тем, что замерзшее море уже перестает отдавать тепло из-под сплошного ледяного покрова. Однако на неопытных зимовщиков подобные изменения в природе с приближением весны нередко производят неблагоприятное впечатление, и они задаются вопросом: чего же можно ожидать дальше?

Среди ученых и экипажа “Бельгики” только Кук обладал зимовочным опытом, поэтому его роль на судне была особой, причем в делах, далеких от чисто медицинской практики. “За долгие тринадцать месяцев столь ужасного положения, находясь непрерывно лицом к лицу с верною смертью, я ближе познакомился с доктором Куком, и ничто в его позднейшей жизни не могло изменить моей любви и благодарности к этому человеку. Он был единственным из всех нас, никогда не терявшим мужества, всегда бодрым, полным надежды, и всегда имел доброе слово для каждого. Болел ли кто – он сидел у постели и утешал больного; падал ли кто духом – он подбадривал его и внушал уверенность в избавлении. Мало того что никогда не угасала в нем вера, но изобретательность и предприимчивость его не имели границ. ...После долгой антарктической ночи (продолжавшейся с 16 мая по 21 июля. – В.К.) доктор Кук руководил небольшими разведывательными отрядами, ходившими по всем направлениям смотреть, не разломило ли где-нибудь лед и не образовалась ли полынья, по которой мы могли бы выйти обратно в открытое море” [2, с. 26].

Эти строки были написаны Амундсеном почти четверть века спустя после завершения дрейфа “Бельгики”, но они практически полностью совпадают с записями в его дневнике, который норвежец вел во время дрейфа и который был частично опубликован Хантфордом в 1979 году. “Получил удовольствие от прогулки. ...Кук, спокойный и невозмутимый, никогда не теряющий достоинства, и вдобавок множество мелочей, которым можно научиться у такого опытного полярника, каким является Кук. Благодаря общению с эскимосами и своему полярному опыту он, несомненно, самый проникательный человек в своей области” [73, с. 66].

Наиболее отчетливо это проявилось на заключительном этапе экспедиции, с наступлением нового 1899 года. Даже спустя десятилетия описание Амундсена сохранило чувство удивления и восхищения предвидением экспедиционного врача, определившим судьбу незадачливых зимовщиков:

«Кто-то из нас заметил, что приблизительно в 900 метрах от судна образовалась небольшая полынья. Никто из нас не придавал ей особого значения. Но доктор Кук каким-то образом увидел в этой полынье хорошее предзнаменование. Он высказал твердую уверенность, что лед скоро начнет ломаться, а как только он вскроется, эта полынья дойдет и до нас, и он предложил нам нечто, показавшееся сначала безумным предприятием, а именно: прорубить канал сквозь 900 м сплошного льда, отделявшего нас от полыньи, и провести туда “Бельгику”, чтобы, как только лед начнет ломаться, она сразу же могла использовать этот благоприятный момент.

Предприятие казалось безрассудным по двум причинам: во-первых, единственными орудиями, имевшимися на борту для прорубания льда, были несколько четырехфутовых пил и немного взрывчатых веществ; во-вторых, большинство наших людей были совершенно непривычны к подобного рода работам, кроме того, все были слабы и изнурены. Тем не менее предложение доктора Кука одержало верх. Это было все же лучше, нежели сидеть сложа руки и раздумывать об ожидаемой судьбе. Поэтому все оживилось, и работа началась...

За этой работой мы провели долгие утомительные недели, пока, наконец, не выполнили своего задания... Представьте себе наш ужас, когда, проснувшись, мы увидели... что мы оказались затертыми хуже прежнего. Однако наше огорчение вскоре сменилось радостью, так как ветер переменился и канал опять расширился. Не теряя времени мы отбуксировали корабль в полынью... И вдруг произошло чудо – как раз то, которое предсказывал доктор Кук. Лед взломался, и путь к открытому морю прошел как раз через нашу полынью. Радость придала нам силы, и на полных парах мы пошли к открытому морю» [2, с. 26–28].

Важно отметить, что именно Кук увидел такие особенности антарктических льдов, которые являются определяющими и для самой навигации, и для спасения людей. В будущем у него на счету будет много подобных неожиданных решений. Амундсен, сам учившийся у Кука, запомнил этот удачный пример и позднее использовал его при освобождении из льда своей экспедиционной шхуны “Мод” в сентябре 1919 года у берегов Таймыра. Но надо было быть Амундсеном, чтобы оценить решение судового врача, непопулярное уже потому, что обрекало людей на тяжелую

Р. Амундсен и Ф.А. Кук во время антарктической зимовки

работу, хотя и ради их спасения. Амундсен отметил также и другое достойное предложение Кука – использовать при защите бортов судна от льда вместо кранцев-амортизаторов мешки, набитые шкурками пингвинов.

Надо сказать, что дела самого Амундсена в экспедиции по мере ее завершения, несмотря на очевидные его заслуги, складывались далеко не безоблачно. Его биограф Хантфорд, основываясь на дневнике норвежца, отметил, что в ноябре 1898 года произошел конфликт в руководстве экспедиции. Жерлаш, вопреки договоренности, назначил на должность старпома одного из бельгийских моряков, ссылаясь на политические и финансовые обстоятельства, с очевидным нарушением сложившейся субординации. Амундсен считал такое решение оскорбительным для себя.

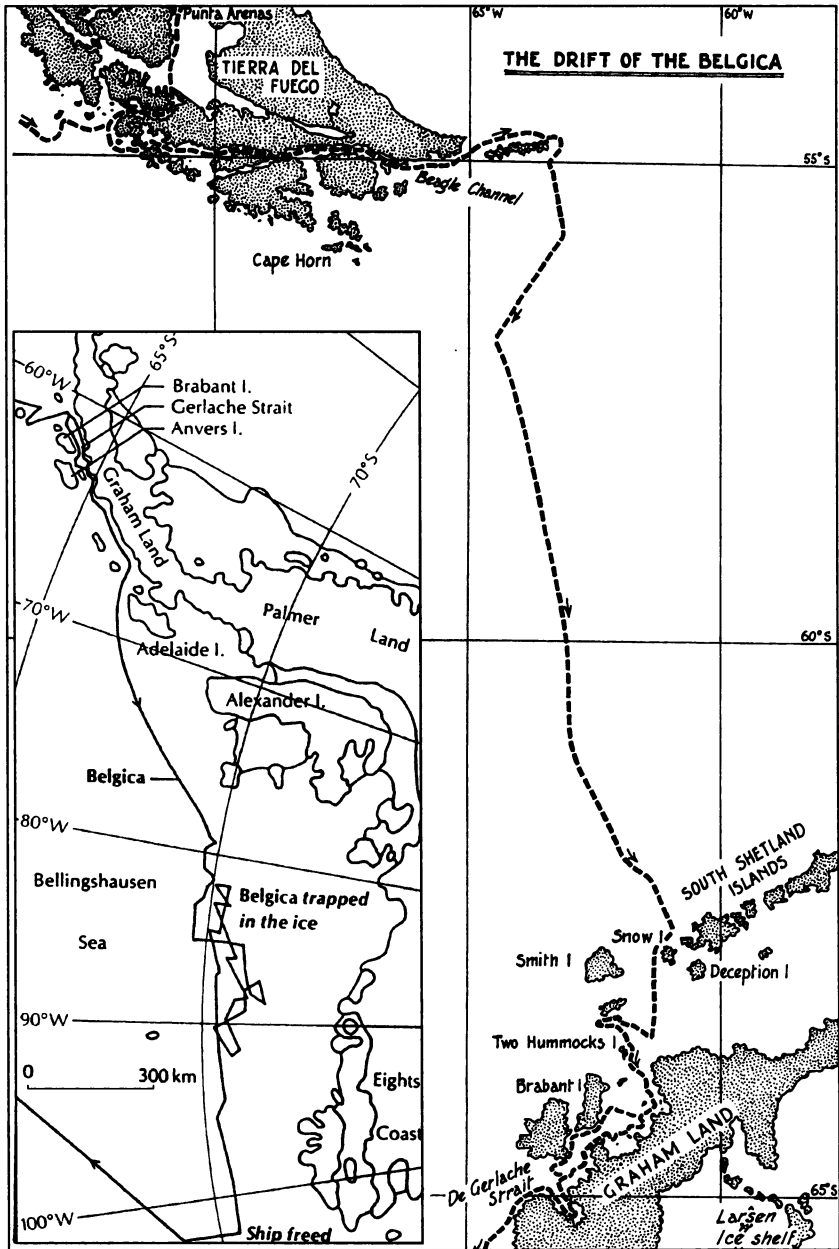
Длительное пребывание во льдах, многочисленные сжатия корпуса “Бельгики” льдами отразились на работе чувствительных хронометров, без которых определение местоположения судна на просторах южной части Тихого океана, лишенной каких-либо островов-ориентиров, было крайне затруднительно. Тем не менее подхваченная восточным дрейфом и подгоняемая “бравыми вестами” “Бельгика”, скрипя рангоутом, помимо льдов одолела еще и “неистовые пятидесятые”, заслуженно пользующиеся у моряков недоброй славой. Она благополучно вошла в западное устье Магелланова пролива, в водах которого и бросила

Ф.А. Кук на снегоступах, плетеных индейских лыжах

якорь 27 марта 1899 года. В Пунта-Аренас экспедиция закончилась, поскольку денег на ее продолжение, на что надеялся Жерлаш, не оказалось. Здесь же расстались люди, прошедшие испытание антарктической зимовкой. Амундсен, после описанной размовки с руководством экспедиции, отправился на попутном судне сопровождать в Норвегию заболевшего матроса, а Кук – на катере в Хербертон за рукописью Томаса Бриджеса. Однако он получил ее уже из рук сына старого миссионера, скончавшегося годом раньше в своей миссии на краю света.

Как показало будущее, больше всех экспедиция на “Бельгике” обогатила Кука и Амундсена, поскольку они реализовали полученный опыт в своей последующей деятельности в высоких широтах. Несмотря на срыв первоначальных планов, результаты

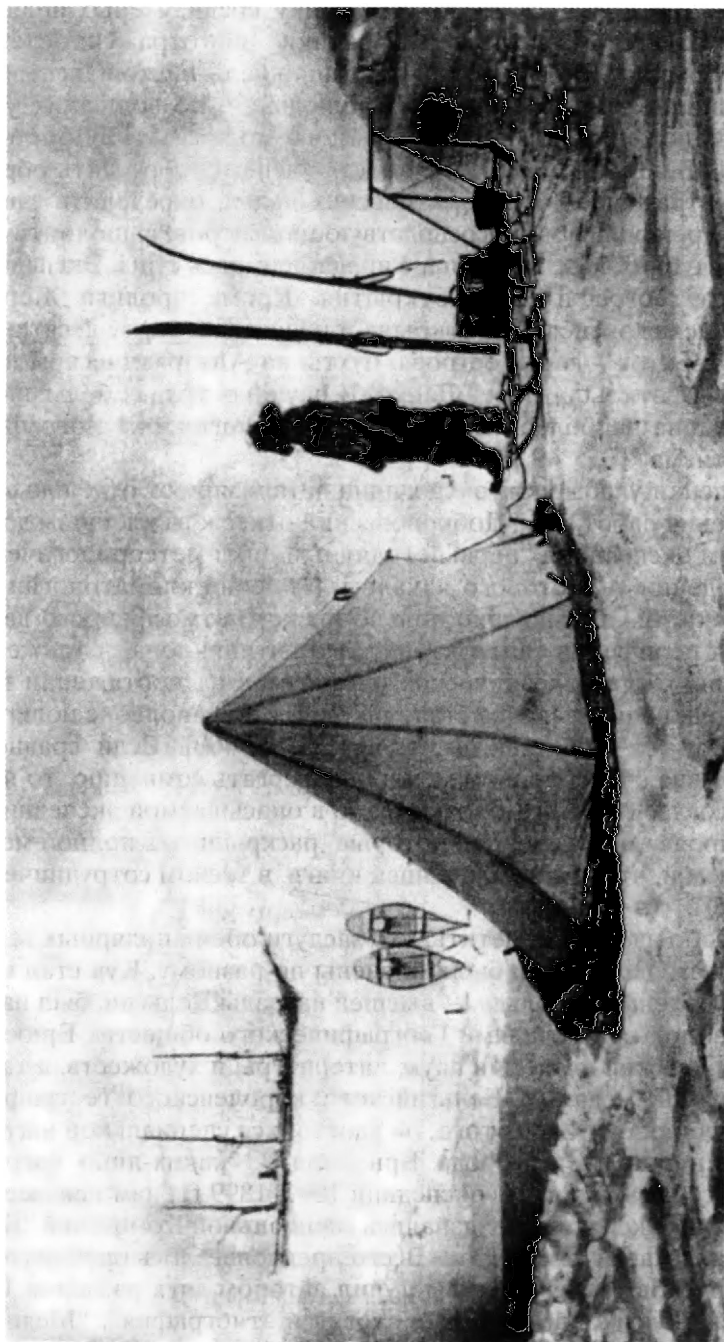
Р и с. 2. Карта плавания “Бельгики”

экспедиции получили высокую оценку среди ученых-полярников. В советском “Атласе Антарктики” они отражены следующим образом: “За 15 месяцев участники бельгийской экспедиции выполнили серию магнитных наблюдений, позволивших уточнить положение Южного магнитного полюса... 1300-мильный дрейф “Бельгики” дал возможность ученым проследить образование и разрушение антарктических льдов, определить зависимость дрейфа льдов от господствующих ветров, выполнить промеры глубин... там, где раньше предполагалась суша. Экспедиция сделала географические открытия. Кроме пролива Жерлаш бельгийская экспедиция открыла и нанесла на карту десятки новых объектов – горы, острова, бухты на Антарктическом полуострове... открыла Берег Данко. В научных трудах бельгийской экспедиции наиболее ценны разделы биологии, океанографии и магнетизма” [7, с. 49].

Оценки участников экспедиции детализируют отдельные направления работ. Так, Добровольский отнес к важнейшим достижениям экспедиции “первый годичный цикл метеорологических наблюдений... с которого началось изучение климатологии Антарктики, было выявлено кольцо низкого атмосферного давления по периферии антарктического антициклона, а также выполнены сборы океанических организмов на протяжении года. Наконец, наше плавание стало школой для Наполеона полярных регионов – Амундсена” [цит. по: 73, с. 460]. Если сравнение Амундсена с Наполеоном можно подвергать сомнению, то нельзя не согласиться с тем, что именно в описываемой экспедиции у него проявились качества, которые раскрылись в полной мере в будущем и, что важно для нашей книги, в тесном сотрудничестве с Куком.

Особо следует отметить, что заслуги обоих полярных героев по итогам экспедиции были оценены по-разному. Кук стал кавалером ордена Леопольда I – высшей награды Бельгии, был награжден золотыми медалями Географического общества Брюсселя и Королевской академии наук, литературы и художеств, а также серебряной медалью Бельгийского королевского географического общества. Сверх того, он удостоился специальной награды от муниципалитета города Брюсселя. О каких-либо наградах Амундсена за участие в экспедиции 1897–1899 гг. нам неизвестно.

Труды экспедиции издавались специальной Комиссией “Бельгики” во главе с Лекуантом. Всего предполагалось опубликовать 11 выпусков трудов. Кук выступил автором двух разделов 10-го выпуска “Психология, антропология и этнография”: “Медицинский отчет” и “Отчет о племени онас”. Отдельным разделом выделялась “Грамматика и словарь племени яган, изданный и опубли-

Ф.А. Кук на фоне зябущего судна

ликованный Ф.А. Куком по запискам ныне покойного преподобного Томаса Бриджеса”. Особо отметим, в связи с возникшими позднее сомнениями в причастности Кука к этой работе, что заголовок последнего раздела носил официальный характер, отражая точку зрения прежде всего руководства экспедиции Жерлаша и Комиссии “Бельгики”. Появление такого труда было весьма кстати, поскольку, как показали ближайшие десятилетия, судьба племен огнеземельских аборигенов оказалась весьма печальной. За десять лет миссионерской деятельности Бриджеса численность племени яган сократилась вдвое, а к 1922 году в живых осталось всего 60 представителей этого племени. Огромный словарный запас языка племени яган (свыше 30 тыс. слов) находился в явном противоречии с малочисленностью племени, и изучение этого противоречия могло бы прояснить многие страницы жизни аборигенов Огненной Земли.

Какого-либо самостоятельного раздела в трудах Комиссии “Бельгики” Амундсену поручено не было, хотя его роль отражена в общем разделе. Следует отметить, что такая разница в признании заслуг со стороны руководства экспедиции, как показало будущее, никак не отразилась на отношении Амундсена к Куку, тем более что это будущее у них оказалось слишком разным. Издание трудов экспедиции затянулось до 1912 года; в то время норвежец был уже занят осуществлением своих грандиозных проектов в Арктике и в Антарктике, – как мы уже отмечали, у Кука оказался способный ученик.

Кук и Амундсен, разумеется, отдавали себе отчет о собственной роли в событиях на борту “Бельгики”, и, несомненно, это стало причиной особой духовной близости между ними, которая со временем перешла в прочную мужскую дружбу. Без этих двух полярников экспедиция, скорее всего, оказалась бы в числе пропавших без вести, как это нередко случалось в высоких широтах.

К результатам экспедиции следует также отнести книги Жерлаша, Лекуанта и самого Кука, к сожалению не переведившиеся на русский язык. Книга последнего “Впервые через антарктическую ночь” была издана в Нью-Йорке в 1900 году.

В антарктической экспедиции Ф. Кук, блестяще реализовав свой первый полярный опыт, полученный им в Гренландии в 1891–1892 гг., обнаружил и новые способности и свойства характера. Проявились его качества неформального лидера, благодаря которым во время зимовки “Бельгики” удалось предотвратить опасное развитие событий. Это было достигнуто в самом тесном сотрудничестве с наиболее активными участниками экспедиции, в первую очередь с Р. Амундсеном. Кук продемонстрировал умение быстро ориентироваться в незнакомой обстановке, сосредото-

тачивая усилия на решающем направлении. Его знания врача нашли блестящее применение, причем в самой специфической сфере – полярной. Он проявил особое чутье в выявлении многих природных процессов для использования их в практических целях. Наконец, в отличие от Пири, он продемонстрировал полное отсутствие претенциозных амбиций, направленных на утверждение собственных заслуг или официальное признание. Все эти человеческие и профессиональные качества делали Кука одним из самых перспективных полярных исследователей своего времени.

Глава 3

Между Антарктикой и Северным полюсом. Мак-Кинли

Прошло совсем немного времени после возвращения из льдов Южного полушария, когда Кук получил неожиданное предложение от секретаря Арктического клуба Пири Г. Бриджмена, с которым после экспедиции 1891–1892 гг. у него установились приятельские отношения. Его суть заключалась в следующем. С 1898 года Пири пребывал во льдах Арктики, куда отправился в надежде завоевать долгожданный приз – Северный полюс. Судя по всему, его дела складывались там неважно – до цели оставалось немало миль, а физическое состояние его уже вызывало серьезные опасения, особенно после обморожения и ампутации нескольких пальцев на ногах. Обеспокоенность Арктического клуба по поводу здоровья Пири была вполне понятна, как, впрочем, понятно и его желание узнать, на что ушла масса денег при весьма скромных достигнутых результатах. Операцию по поискам Пири возглавил сам Бриджмен, не обладавший, однако, экспедиционным опытом. В качестве полярного эксперта и был приглашен Кук, который мог оказать Пири всю необходимую медицинскую помощь, что означало признание его полярного и медицинского опыта.

Зафрахтованное судно “Эрик” летом 1901 года благополучно достигло берегов пролива Смит, где обнаружило Пири на борту экспедиционного корабля “Уиндворд”. По словам биографа Кука Эндрю Фримэна [72], встреча Пири со своим бывшим экспедиционным врачом прошла со сдержанной сердечностью, но, по-видимому, все же преобладала сдержанность, поскольку Пири похвастаться какими-либо достижениями не мог, а продемонстрировать собственные слабости он не любил. Во всяком случае, в своей книге-отчете об экспедиции 1898–1902 гг. Пири эпизод встречи опустил, тем более что ситуация в его экспедиции на тот момент складывалась по многим показателям весьма мрачная.

Уже два года экспедиция Пири буквально топталась на месте. Правда, Пири установил положение крайнего северного побережья Гренландии с мысом Моррис-Джесеп. Однако это выяснилось только в 1926 году, когда Кнуд Расмуссен и Петер Фрейхен

обнаружили, что Земля Гейлприна составляет единое целое с Гренландией. Хотя такой результат представлял очевидное достижение, заменить похода на полюс он не мог.

Здоровье Пири оставляло желать лучшего. Кук легко определил истощение организма своего пациента, выразившееся в потере веса, ослаблении мускулов ног в результате нарушения кровоснабжения, вызванного обморожениями, плохое заживление остатков ампутированных пальцев, нарушения в работе сердца, плохое состояние сосудов и многое другое, не говоря о больных зубах. Особо были отмечены симптомы цинги в виде язв. Пири приписывал свое недомогание расшалившимся нервам. Состояние тревоги и постоянное ощущение дискомфорта явились следствием скверных отношений в коллективе экспедиции. Все указывало на необходимость вернуться в Штаты, чего Пири делать не собирался, потому что в глазах Арктического клуба это было бы поражением. Отказавшись от рекомендаций Кука, Пири остался на очередную зимовку. Проявив характер, он, однако, не мог предотвратить необратимых изменений в своем организме. Предсказанные Куком, они в конце концов и свели его в могилу намного раньше срока, отпущенного природой при рождении.

В этой встрече Кук столкнулся с еще одним качеством Пири – полной неспособностью воспринимать какую-либо иную точку зрения, отличную от собственной, что подтвердил его конфликт с экспедиционным врачом Томасом Дедриком, осмелившимся возражать боссу по сугубо медицинским вопросам. Пири отказался от услуг последнего и приложил все усилия, чтобы отправить непокорного “дока” на материк, но тот отказался, так как в это время среди окрестных эскимосов вспыхнула эпидемия, завезенная с судами. Организм аборигенов из-за отсутствия иммунитета реагировал на нее совсем по-другому, чем привычный к “материковским” бактериям белый человек. И когда до Дедрика дошли вести, что в окрестностях мыса Сэбин на западном побережье пролива Смит, где в ту пору располагался зимний лагерь Пири, эскимосы гибнут один за другим, он, честно выполняя свой профессиональный долг, бросился им на помощь. Но не тут-то было: всеми правдами и неправдами Пири заставил его вернуться, даже не дав на обратный путь продовольствия.

Изменения в личной жизни Кука скрасили неприятный осадок от встречи с бывшим боссом: вскоре после возвращения из Арктики он женился на вдове одного из своих друзей Мэри Фиделио Хант и вновь открыл частную практику в Бруклине. Мэри была весьма обеспеченной женщиной, настолько, что Кук первым в этой части Нью-Йорка обзавелся рентгеновским аппаратом, а вскоре сменил кабриолет с упряжкой лошадей на новенький, еще не привычный

для окружающих автомобиль. Вместе с женой ему досталась и симпатичная дочка по имени Руфь. Заработки у него были по тогдашним меркам вполне приличными, жена была готова поддерживать его материально, – казалось, впереди супругов ожидала безоблачная семейная жизнь. Если бы не “полярный микроб”, тот самый, который столетиями уводил у самых любящих жен самых достойных мужей, порой не возвращая их назад...

Вскоре внимание Кука привлекли дебри Аляски, еще не получившие права штата, но уже завоевавшие мировую известность своей “золотой лихорадкой”. Точнее, Аляскинский хребет, грозной преградой возвышавшийся на пути от относительно обжитого южного побережья к золотым россыпям в речных бассейнах Кускокуима и Юкона. Этот хребет на старых русских картах обозначался как Чигмит. Посреди его возвышалась Большая гора. Само название “Аляскинский хребет” впервые появилось на карте Врангеля в 1870 году. С продажей Аляски Россией Соединенным Штатам изучение новых территорий страны, только что пережившей гражданскую войну, продолжили так называемые “телеграфные экспедиции”, снаряженные компанией “Уэстерн юнион” под общим руководством Уильяма Н. Долла, и военные топографы под начальством капитана Чарльза П. Бёрдсли. А вскоре началась эпопея Клондайка, знакомая читателю по произведениям Джека Лондона.

Внимание исследователей к высочайшей вершине Аляскинского хребта возникло в те годы в связи с публикацией в 1896 году в “Нью-Йорк сан” статьи У. Дикея, бывшего принстонского студента, превратившегося в золотоискателя, в которой были такие строки: “Мы назвали наш великий пик горой Мак-Кинли в честь Уильяма Мак-Кинли из Огайо, выставившего свою кандидатуру на президентских выборах. ...Мы не сомневаемся, что этот пик, высотой свыше 20 000 футов, является самой высокой вершиной Северной Америки” [цит. по: 80, с. 6]. Действительно, в 1898 году геодезист Джон Х. Эддридж получил высотную отметку этой вершины в 20 320 футов (6 194 м – на современных картах). Золотая лихорадка на Аляске доставила много работы геологам и топографам США. Только в 1896 году на Аляскинском хребте работали Альфред Брукс, Эддридж, Малдрю, Спар, Пост, Питерс и др. На следующий год военный топограф Джон Херрон, открывший перевал Симпсон, продолжил эти работы, а в 1902 году к нему присоединился самый результативный исследователь Аляски Брукс, вместе с Д.Л. Рейборном опубликовавший в известном издании “Нейшенл джиографик мэгэзин” свой план покорения Мак-Кинли, который сразу же привлек внимание целого ряда альпинистов и исследователей.

Среди них оказался и Кук, заручившийся финансовой поддержкой журнала “Харперс мансли мэгэзин”. На этот раз в его экспедиции 1903 г. приняли участие всего шесть человек, ни один из которых не обладал альпинистским опытом. Снаряжение состояло из шелковых и брезентовых палаток, примусов с запасом керосина и сухого спирта, четырех ружей, четырех пуховых спальных мешков, помимо специальной одежды, ледорубов и особой веревки из конского волоса. Запас питания был взят из расчета 86 фунтов на человека, в надежде на успешную охоту. От южного побережья все необходимое к подножию Мак-Кинли предполагалось доставить вьюками на лошадях. Важнейшая роль в этом предприятии отводилась спутнику Брукса – Фреду Принсу, который исполнял обязанности конюха и проводника.

24 июня 1903 года экспедиция прибыла морем к поселку Тайонен на берегу залива Кука (названного в честь известного английского мореплавателя XVIII века Джеймса Кука, много сделавшего для изучения Тихого океана), и уже на следующий день караван из 15 вьючных лошадей отправился вдоль побережья на север по маршруту первопроходца Брукса. Сам Кук в сопровождении фотографа Уолтера Миллера предпочел подняться вверх по реке Суситна, а затем по одному из притоков, опережая караван. И караван вьючных животных, и лодка продвигались к цели в сопровождении тучи безжалостной мошкары. Постепенно как-то приспособившись к ней, Кук обрел уверенность на будущее, поскольку ничего страшнее, по его мнению, быть уже не могло.

После встречи с караваном все зависело от выносливости вьючных животных. Лошадей, вязнувших временами по брюхо в болотной жиже, приходилось то и дело перевьючивать. Не меньше, чем люди, несчастные животные страдали от комаров, покрывающих их шкуру толстым слоем. Однако по мере того как караван приближался к бассейну Кусокуима, комаров становилось все меньше, болота сменились каменистыми россыпями. Перевал Симпсона был преодолен только 3 августа, когда оставалось всего четыре вьюка с провиантом. Вскоре удалось застрелить крупного медведя-гризли, и проблема питания на время перестала быть актуальной.

Дальнейший маршрут к цели проходил вдоль северного подножия Аляскинского хребта на восток. Уже в бассейне Юкона Куку показалось, что цели можно достичь по леднику Страйтуэй, однако рекогносцировка успеха не имела. Дальнейший путь привел караван к концу ледника Питерса, где Кук обнаружил заброшенный лагерь соперников – местный судья Джеймс Уикершем попытался опередить их, но потерпел неудачу уже на высоте 8 100 футов (2 700 м), упервшись в непроходимую скальную

**Р и с. 3. Маршруты экспедиций Ф. А. Кука в районе горы Мак-Кинли
(Аляскинский хребет)**

**Участники экспедиции на Мак-Кинли, 1903.
В центре – Ф.А. Кук**

стенку. Теперь настала очередь Кука и его спутников (среди которых он отобрал четверых) попытаться счастья. Место, где развернулись решающие события, позднее получило название “Плечо Кука” (Северо-западный отрог Северного пика – на современных картах).

В ночь на 28 августа штормовой лагерь был разбит чуть ниже высоты 3300 м на крутом ледяном склоне. За двое последующих суток четверка смельчаков одолела еще 400 м по высоте; до вершины оставалось еще 2,5 км, и ситуация выглядела достаточно безотрадной, хотя перед участниками восхождения открывался обзор на весь северный фас вершины. Резко возрастала лавинная опасность: на глазах у людей лавины срывались вниз с крутых обрывов, устлая поверхность ледника Питерса завалами из снега, камней и льда. Позднее один из участников восхождения Роберт Данн вспоминал: “Мы застряли на высоте с восьмидневным запасом продовольствия... И при этом вспоминали: там, внизу, у нас был лишь двухнедельный резерв для возвращения к побережью – и это в условиях приближающейся зимы. Ситуация одновременно глупая и обманчивая: в такую замечательную погоду, несвойственную Аляске в это время года, мы могли погибнуть в любую из ночей. Самый легкий ветерок или снеговой покров в 6 дюймов мог сорвать наши палатки, а о том, что произошло бы дальше на отвесных скалах, вам может рассказать любой альпинист” [цит. по: 80, с. 8]. Учитывая минимальную ме-

теоинформацию тех лет, опасения Данна понять можно. (Следует иметь в виду, что в современных условиях подобного рода восхождения без предварительной рекогносцировки не проводятся.) Поэтому в создавшейся обстановке окончательное решение возвращаться было единственно правильным, тогда как полученный опыт обеспечивал успех на будущее, тем более что дальнейший путь к морю проходил по “белому пятну”, где могло случиться все самое неожиданное. Возвращение прежним путем до установления снегового покрова (за которым последовал бы неизбежный падеж лошадей) было уже невозможным и по срокам, и по остававшемуся продовольствию.

“Нам лучше всего было бы пересечь хребет, – объяснял Кук свое решение, – но это было бы возможно, если бы мы нашли перевал. Поэтому мы и решили попытаться пересечь хребет, хотя при неудаче единственной альтернативой оставался сплав по Таклате, а затем по Танане” [Там же, с. 8] с последующим выходом на Юкон. Разумеется, такой вариант, да еще в условиях близкой зимы, был также рискованным, но Куку в недавнем прошлом удавались самые рискованные операции, удались они ему и в конце лета 1903 года. Его стремление найти подходящий перевал абсолютно понятно, поскольку возвращение к побережью проходило бы по кратчайшему пути, а риск пересечения “белого пятна” обещал и получение новых научных результатов. Еще раз подчеркнем, что при недостатке необходимой природной информации Кук принял единственно верное решение – идти на восток в поисках перевала для возвращения к морскому побережью. Примерно в 20 милях от лагеря, откуда была предпринята неудавшаяся попытка штурма Мак-Кинли, отряд Кука миновал конец огромного ледника Малдрю, верховья которого терялись из виду где-то на юго-западе у водораздела бассейнов Суситны и Юкона. Занятый уже совсем иными проблемами, Кук все же отметил, что, возможно, по нему можно добраться к подножию Мак-Кинли. Много позже этим путем воспользовались уже другие. А дальше к востоку на карте начиналось “белое пятно”, которое решало судьбу людей, доверившихся ему.

Уже скоро Кук отметил ряд высоких вершин свыше 10 тыс. футов, а главное, обнаружил ледник (названный им “Гарвей”) в сквозной долине, уходящей к югу и вполне доступной для лошадей. Течение воды в потоках также уверенно вело смертельно уставших людей и животных к морю, к жизни. Еще раз принимая решение на основе минимальной информации, Кук оказался прав. Даже если бы он из-за тумана или по какой-то другой причине миновал долину ледника Гарвей, то через два-три дневных перехода он буквально уперся бы в другую обширную сквозную долину по-

перек Аляскинского хребта, по которой в наши дни проложена железная дорога из Фэрбанкса на берегах Тананы в порт Анкоридж на побережье залива Аляска. Тем самым Кук был просто обречен на осуществление своего смелого замысла, видимо на основе каких-то своих представлений об особенностях орографии Аляскинского хребта. Вскоре путь по каньону вывел караван к концу огромного сложного ледника с многочисленными притоками, верховья которого уходили к северо-западу по направлению к Мак-Кинли. Кук назвал этот ледник вторым именем своей жены Фиделио (на современных картах он носит имя геодезиста Элдриджа). Теперь мысль о повторении восхождения уже не покидала его. Поэтому он провел продолжительную рекогносцировку ледника Фиделио (до высоты примерно в 2 тыс. м в маршруте протяженностью до 30 км). Пока Кук проводил свои разведки, его спутники соорудили два плота, отпустив на волю лошадей.

Первый же день сплава по притоку Суситны – Чулитне ознаменовался открытием еще более грандиозного ледника, названного Куком в честь своей приемной дочери Руфи. Дальнейший путь к морю проходил без особых событий, не считая встречи с золотоискателями. 26 сентября экспедиция без потерь вернулась в Тайонек, завершив маршрут протяженностью более тысячи километров, включая участки “белого пятна”.

Несмотря на неудачу, результаты экспедиции в целом были восприняты в обществе и в научных кругах с интересом и одобрением, в первую очередь благодаря отчету самого Кука в Арктическом клубе в декабре 1903 года и последующим публикациям в “Харперс мансли мэгэзин”. В глазах ученых и общественности его авторитет вырос настолько, что он был избран на пост президента Клуба исследователей, сменив на этом посту заслуженного полярника Грили, возглавлявшего в 1882–1884 гг. экспедицию по программе Первого международного полярного года. Характерно приветствие, полученное Куком от Пири: “Поздравляю со сделанным на горе Мак-Кинли и весьма сожалею, что не удалось достичь вершины. Надеюсь, с другим снаряжением вы одолеете ее” [80, с. 8].

Подчеркнем, что экспедицию Кука на Мак-Кинли в 1903 году можно считать неудачной лишь со спортивной точки зрения, а в плане исследования плохо изученного тогда Аляскинского хребта она дала немало. Было ликвидировано обширное “белое пятно” на карте хребта площадью около 5 тыс. км², установлено положение истоков одного из важнейших притоков реки Суситны – Чулитны, открыт новый важный перевал, а также целый ряд новых ледников.

Для Кука это была первая экспедиция, где он сам принимал решения, отвечая за судьбу людей. Здесь снова проявилось его

умение принимать ответственные решения на основе минимальной природной информации, вызвавшее в Антарктиде восхищение Амундсена. При этом ему приходилось “импровизировать” буквально на ходу, используя каждую ничтожную возможность, отбрасывая неудачные варианты. Так было на ледниках Страйт-туэй, Питерса, Гарвея и, наконец, на Фиделио. Кроме самого перевала – а это то, что обеспечило благополучное возвращение экспедиции, – все остальное, казалось бы, сплошные неудачи. Однако выбор ледника Руфи для маршрута к вершине Мак-Кинли, как оказалось, имел решающее значение для успеха 1906 года. Все выполненное Куком в 1903 году можно считать необходимой рекогносцировкой, важным заделом на будущее.

По сравнению с экспедицией 1903 года предприятие 1906 года было более многолюдным. Наряду с прежними участниками (Принс, Миллер) в экспедиции участвовали новички: художник и фотограф Белмор Браун, преподаватель Колумбийского университета Хершель Паркер, горный проводник Эдуард Барилл, топограф Рассел Портер и др. Некоторые из них сыграли в будущей судьбе Кука немалую роль, о чем будет сказано ниже.

Начало экспедиции не обещало ничего хорошего, поскольку почти два месяца поисков подступов к Мак-Кинли с юга были потрачены впустую. Уже в августе, когда полевой сезон оказался на исходе, Миллер, Браун и Принс решением Кука направлялись на пополнение зоологических коллекций и заготовку дичи, некоторые (Паркер и др.) предпочли возвращение в лоно цивилизации, Портер продолжал топографические съемки. Сам Кук вместе с Бариллом и Робертом Донкиным по завершении работ отправились к концу ледника Руфи, чтобы предпринять последнюю попытку восхождения.

8 сентября, после организации базового лагеря в бассейне Чулитны, Кук и Барилл направились вверх по леднику Руфи, а их товарищ остался дожидаться возвращения участников штурма, готовя имущество к эвакуации. Сам ледник Руфи, открытый экспедицией Кука всего три года назад, с тех пор никем не посещался – таким образом, предстоящий маршрут полностью проходил по “белому пятну” и уже поэтому мог считаться исследовательским. С другой стороны, он мог завести в самые непроходимые горные дебри и тем сорвать все замыслы Кука и его помощников. Каких-либо карт этих районов Аляскинского хребта в ту пору не существовало – они появились полвека спустя.

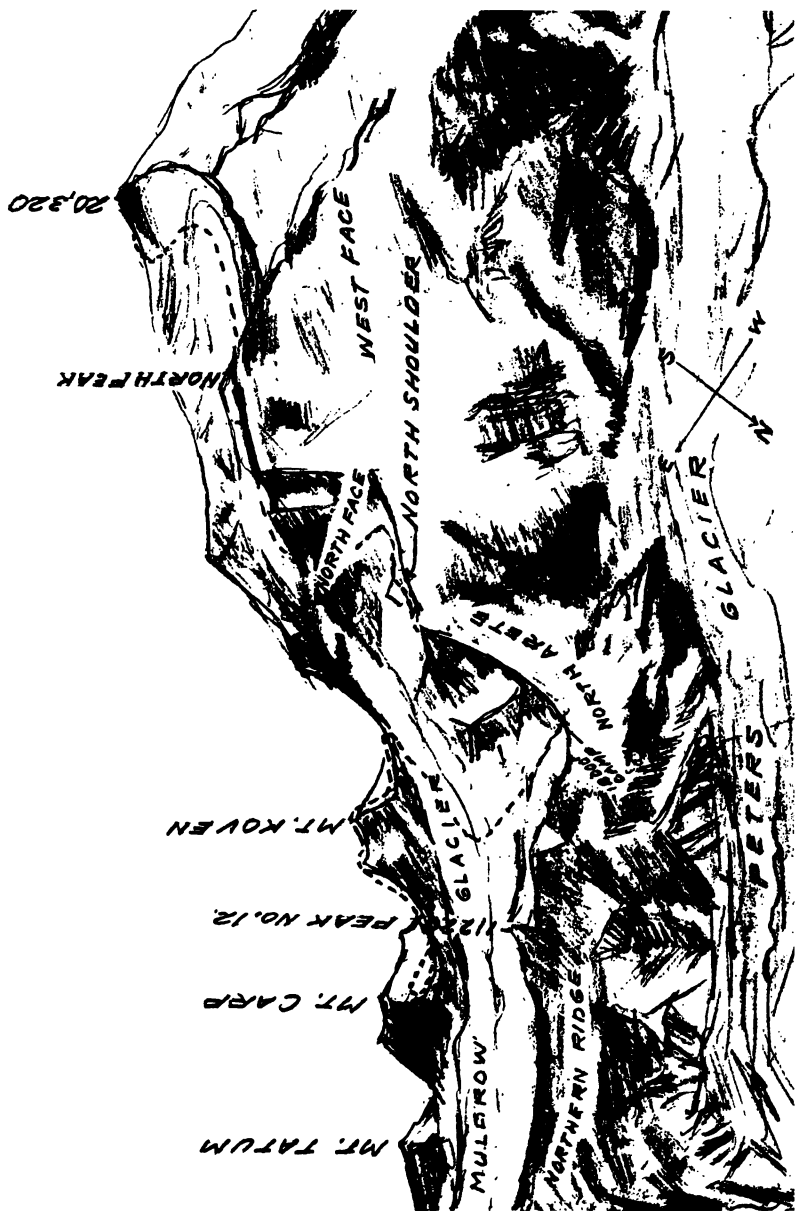
Поэтому все последующие споры о маршруте велись “на пустом месте”, прежде всего из-за отсутствия опорных ориентиров, которые признавались бы всеми участниками дискуссий. Тем не менее начало маршрута по основному стволу ледника Руфи, по

**Горный ландшафт в истоках ледника Тралейка.
Справа пик Пегасус, зарисованный Ф.А. Куком в полевом дневнике**

крайней мере на протяжении первых тридцати километров, не вызывало особых разногласий. Однако выше ледяного прохода Грейт Годж интерпретация в привязке к основным ориентирам горно-ледниковой местности, описанной Куком в его книге-отчете "To the Top of the Continent" [68], у разных исследователей сильно расходится, что неудивительно. Отдельные обрывки сведений о сложнейшем горно-ледниковом рельефе центральных районов Аляскинского хребта (в переплетении известных и неизвестных сквозных долин, всех типов ледников и проч.) напоминали головоломную мозаику. Исследователям наследия Кука приходилось искать истину там, где нередко одни и те же географические объекты носили разные названия. Это и была одна из самых главных причин, по которой дискуссия о маршруте Кука к вершине Мак-Кинли затянулась на десятилетия и благополучно завершилась с появлением современных детальных топографических карт со всеми описанными Куком ориентирами.

Так или иначе, за три дня маршрута (8, 9 и 10 сентября) оба его участника, преодолев первые тридцать километров довольно спокойной ледниковой поверхности, через проход Грейт Годж, минуя сужение ледника между горами Барилл и Лосинный зуб (на высоте около 2 500 м), буквально протиснулись в амфитеатр Руфи, окруженный частоколом вершин. Детали ме-

Восстановление маршрута Ф. А. Кука на Мак-Кинли в 1906 году, выполненное на местности геодезистом Х. Ваалем в 1976 году

стности для восстановления маршрута здесь имеют принципиальное значение для выводов Ш. Кук-Доро, по мнению которого, дальнейший путь Кука привел его в Тралейка-амфитеатр в истоках одноименного ледника, одного из многих притоков Малдроу. Действительно, все описания Кука на 11 сентября (общие очертания в виде характерного полумесяца, гранитные скальные обрывы, высоты ледниковой поверхности около 2 700 м и т.д.) подтверждают такой вывод. Очевидно, в тот день восходители одолели около 10 км пути по леднику на высоте, превышавшей временами 3 000 м, что для тренированных людей не является чем-то чрезвычайным. Тем самым Кук со своим спутником оказался на подступах к системе хребтов (на современных картах – хребты Карстенс и Карпе) с относительно низкими перевалами. Предварительно Кук и Барилл, прежде чем оказаться в истоках ледника Малдроу (о чем Кук, кажется, не догадывался), одолели хребет Ист-Батрес, разграничивающий истоки ледников Руфи и Малдроу. 11 и 12 сентября Кук зафиксировал положение вершин Гансайт (пик Фриндли – на современных картах) на юге и Пегасус на севере. (Посетившая в 1994 году эти места экспедиция Тэда Хекаторна [75] обнаружила эти вершины именно там, где указал Кук.)

Дальнейший путь к северному подножию Мак-Кинли проходил с пересечением ледников (точнее – ледниковых притоков в системе гигантского ледника Малдроу) и разделявших их скальных хребтов. Характеристика всей топографической ситуации в верховьях ледника Малдроу с привязкой к ней маршрута Кука была опубликована Ваалем в газете “Анкоридж таймс” за 11 марта 1979 года [84]. Позднее графическую схему маршрута Кука, составленную Ваалем, опубликовал Кук-Доро [69].

По выводам этих исследователей, заключительная часть маршрута Кука (с привязкой к современной карте) проходила следующим образом. 12 сентября в истоках ледника Тралейка Кук и его напарник у подножия горы Сильверстоун перешли в Уэст Форк, откуда начали подъем по ложбине с безымянным ледником между вершинами Карпе и Ковен. Форсировав эту ложбину, они увидели перед собой очередную, самую западную ветвь ледника Малдроу (Кук решил, что она относится к леднику Руфи), а за ней гребень хребта Пайонир, прямо против пика № 12. Однако прежде чем перейти на ледник, они продолжили свой путь на север в направлении вершины по скальному гребню, траверсируя, таким образом, вершину Ковен, и только затем спустились на поверхность ледника Малдроу на высоте примерно 3 600 м и пересекли его. Впереди их ожидал относительно пологий подъем, после которого они разбили лагерь на высоте 4 000 м север-

Восстановление маршрута Ф.А. Кука на Мак-Кинли в 1906 году, выполненное на местности Т. Хекаторном

нее пика № 12 по схеме Вааля. Оказавшись на хребте Пайонир, они увидели ледник Питерса. Тем самым маршруты Кука 1903 и 1906 годов практически сомкнулись, поскольку получили визуальную связь. В этот день Кук и Барилл прошли всего несколько километров, поднявшись по вертикали немногим более тысячи метров. Темп передвижения восходителей явно замедлился, что также неудивительно.

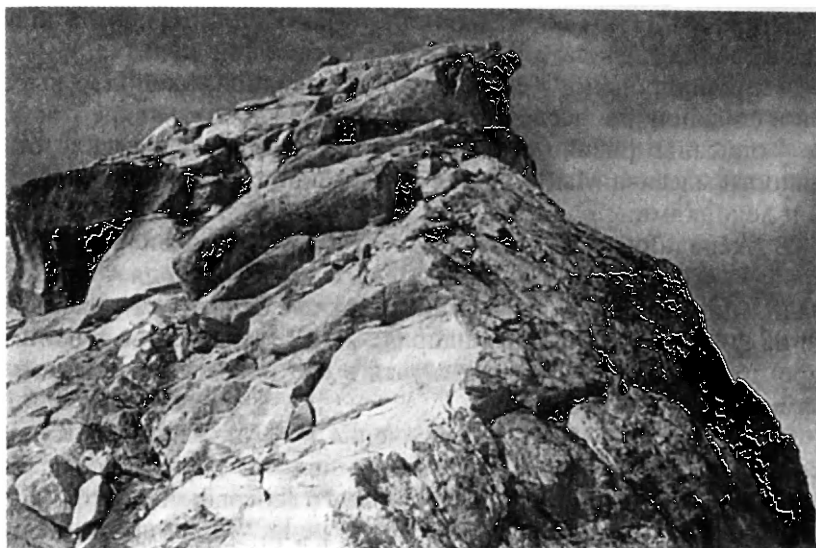
По мнению Вааля, именно с этого момента все описания Куком окрестностей не дают каких-либо двусмысленных толкований. Это относится к повороту ледника Питерса к западу, скальной стенке на северном фасе горы, характерным признакам местности севернее Аляскинского хребта, к серии типичных висячих ледников, характеру поверхности ледника Харпер и т.д.

Действия восходителей 13 сентября определялись особенностями рельефа в северной части хребта Пайонир на контакте с вершиной континента. Упираясь в Мак-Кинли, хребет формировал своеобразную скальную грань, круто вздымавшуюся за хребтом по направлению к вершине, на контакте с которой он становился положе, образуя так называемое северное плечо. На этом пути любые отклонения от гребня подставляли их под смертельные удары лавин со склонов крутизной до 60° и более. Именно этот участок и оказался наиболее опасным. Тем не менее в тот день Кук и Барилл еще на 700 м приблизились к вершине, завершив переход в снежной яме, где они укрылись с палаткой и спальными мешками.

На вершине Мак-Кинли. 1906

На рассвете 14 сентября Кук понял, что самый крутой участок уже пройден и склон по маршруту движения становится все более пологим. Несколько изменив направление движения в пределах северного фаса Мак-Кинли к востоку, оба первовосходителя вскоре оказались в пределах “срединной депрессии” (как определил ее сам Кук), занятой на современной карте ледником Харпер, на высоте примерно 5 000 м. В своих истоках эта “депрессия” разделяет два пика на вершине Мак-Кинли – более высокий Южный (6 194 м по современным данным) и Северный (примерно на 200 м ниже). Путь по леднику Харпер показался Куку до смешного легким, однако влияние высоты ощущалось вполне отчетливо: кислородное

Мак-Кинли. 1956.

Изчез большой снежный надув, остальное без изменений

голодание вызывало учащенное сердцебиение, заставляло экономить силы в движении. Путники шли к Южному пику Мак-Кинли, на подходах к которому они заночевали на высоте 5 400 м.

15 сентября путь был продолжен. Поочередно сменяясь, участники восхождения “тропили”, прокладывая себе путь в глубоком снегу. Хотя борта “срединной депрессии” существенно ограничивали обзор, своеобразным ориентиром им служил Северный пик, остававшийся справа от маршрута движения. К концу дня восходители оказались практически на одном уровне с его вершиной – это означало, что долгожданная цель близка. Они провели беспокойную ночь, страдая из-за сильного мороза и обильной изморози, накапливавшейся в палатке от дыхания, в мучительной полудреме стараясь по возможности сберечь силы для последнего, решительного броска.

Так как нормального сна в такой ситуации не получилось, решили подниматься с рассветом. Поэтому 16 сентября они оказались на вершине уже в 10 часов утра, когда весь световой день был еще впереди, что значительно облегчило возвращение. Однако сильный мороз заставил их покинуть вершину уже после 20 минут пребывания на ней. 27 сентября Бриджмен получил телеграмму следующего содержания: “Мы достигли вершины Мак-Кинли новым путем с севера и нанесли на карту 3 000 миль маршрута. Возвращаемся в Сиэтл следующим пароходом. Кук” [50, с. 107].

По результатам восхождения на Мак-Кинли Кук смог записать в свой исследовательский актив следующие пункты:

- ликвидировано “белое пятно” в западной, наиболее высокой и сложной для исследования части Аляскинского хребта;
- описаны физико-географические и топографические особенности массива Мак-Кинли с прилегающими горными хребтами и ледниками.

В экспедициях на Мак-Кинли отчетливо проявилась характерная особенность Кука как полевого исследователя – быстрая реализация результатов рекогносцировки с переходом к активности на главном, решающем направлении. Это качество в полной мере проявилось у Кука год спустя в его наиболее известной и драматической экспедиции.

Так или иначе, после восхождения на Мак-Кинли за Куком окончательно закрепилась репутация опытного полярного исследователя. Так, президент Национального географического общества Александр Белл отметил в своей речи: “Меня просили сказать несколько слов о человеке, чье имя известно каждому из нас, – о Фредерике Куке, президенте Клуба исследователей. Здесь присутствует и другой человек, которого мы все рады приветствовать, – это покоритель арктических земель командор Пирри. Однако в лице Кука мы имеем одного из немногих американцев, если не единственного, побывавших в обоих крайних районах земного шара – в Арктике и Антарктике” [50, с. 107–108].

Достижение Куком вершины Мак-Кинли получило широкую известность. Спустя год в майском номере “Харперс мэгэзин” была опубликована его статья, посвященная восхождению на Мак-Кинли. Позднее это событие освещалось также участниками экспедиции Б. Брауном в “Отин мэгэзин” и Х. Паркером в “Америкэн мансли ревью”. В 1908 г. вышла в свет книга Кука “To the Top of the Continent”. (Тогда ее автор, находясь в Арктике, не смог внести последнюю редакторскую правку и проверить подбор иллюстраций, что впоследствии сыграло для него роковую роль.)

На этот раз его целью стал Северный полюс, на пути к которому ему предстояло завершить дело многих своих предшественников. Однако прежде чем говорить об этом, оценим возможности главного героя этой книги накануне решающих событий с точки зрения его опыта и готовности к такому предприятю.

Ф. Кук обладал к этому времени солидным зимовочным опытом, как в условиях береговой базы в Гренландии, так и на дрейфующем судне в Антарктике. В этом отношении он практически не уступал Нансену в период подготовки его экспедиции на “Фра-

ме”. Этот опыт был дополнен испытаниями в сложнейших условиях горно-ледникового рельефа Аляскинского хребта.

Во всех своих экспедициях Кук продемонстрировал не только высокий профессионализм, но также проявил черты неформального лидера, умея находить неожиданные решения в самых неблагоприятных обстоятельствах, перед которыми пасовало официальное руководство.

Экспедиции показали, что Кук обладает особым видением местности и происходящих на ней процессов и умело использует их в соответствии со складывающейся обстановкой. Все отмеченные достоинства Кука как полярного исследователя в значительной мере объясняют его действия в полюсном маршруте и при возвращении.

Его наиболее слабым местом было отсутствие необходимого опыта езды на собаках. Однако этим опытом в полной мере обладали эскимосы, без которых поход к полюсу не мог состояться. Разумеется, требовалось только найти с ними общий язык, что, очевидно, после экспедиции 1891–1892 гг. для него было не сложно.

Кук имел неплохую штурманскую практику и общую научную подготовку. Свои познания в этих областях он получил в основном во время экспедиции на “Бельгике”, общаясь, в частности, с геологом Арктовским и штурманом Амундсенем. Несомненно, познания в области геологии были пополнены им при чтении специальной литературы в процессе подготовки экспедиции на Мак-Кинли. Все это уже в ближайшем будущем позволит ему осуществить главное дело его жизни – полюсную экспедицию.

Глава 4

Предшественники

Первым в ряду предшественников Ф. Кука стоит имя Генри Гудзона, который еще в 1607 году решил плыть из Англии в Китай по кратчайшему пути через Северный Ледовитый океан и Северный полюс. Для такого вояжа английская “Московская компания” предоставила ему небольшое судно под названием “Хоуп велл” с экипажем из 12 человек. Гудзон покинул Гринвич в мае и через полтора месяца достиг восточного побережья Гренландии под 73° с.ш., где был остановлен арктическим паком, выносимым из Центрального Арктического бассейна. Пробираясь вдоль кромки льдов на восток, 18 июня “Хоуп велл” достиг берегов Шпицбергена, откуда на $80^{\circ}23'$ с.ш., убедившись в бесперспективности дальнейших попыток, повернул к берегам Англии.

Следующая попытка, предпринятая русскими моряками, практически повторила результат Гудзона. Она примечательна двумя обстоятельствами. Первое: теоретическое обоснование возможности подобного плавания было разработано Михаилом Васильевичем Ломоносовым; второе: предприятие имело государственный характер. Российский корифей полагал, что “усугубится может Российская слава, соединенная с беспримерною пользою, через изобретение Восточно-северного мореплавания в Индию и Америку” [цит. по: 8, с. 363]. От поморов он знал, что “полуденный ветер относит льды от северных берегов Шпицбергенских далее к полюсу, открывает... морскую воду” [45, с. 146]. Далее же, по мнению нашего величайшего научного самородка, “за полюсом есть великое море, которым вода Северного океана обращается по силе общего закона около полюса от востока к западу” [Там же, с. 169].

Из указа Екатерины II от 14 мая 1764 года: “...для пользы мореплавания и купечества на восток наших верных подданных за благо избрали мы учинить поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку и далее” [8, с. 367]. Не останавливаясь на перипетиях этого предприятия, лишь отметим, что отряд из трех кораблей под командованием капитана 1-го ранга Василия Яковлевича Чичагова (заслужившего позднее известность в морских сражениях со шведами) дважды повторил попытку Гудзона у западных берегов Шпицбергена. В 1765 году в конце июля он дос-

тиг 80°26' с.ш., а на следующий год еще на 4' поднялся ближе к полюсу. Чичагов не учел, что наилучшие условия для плавания в Арктике приходится на август–сентябрь, а то и позднее. Однако последнее обстоятельство не могло решительным образом сказаться на его неудаче. Финал своей экспедиции он описал так: “За непреодолимыми препятствиями не могли достигнуть желаемого по намерению места. Однако по довольному и столь аккуратному осмотру, кажется, открылась невозможность, в чем не остается сомнения” [37, с. 48]. В свое оправдание Чичагов заявил: “Мне эту экспедицию представляли в другом виде, как господин Ломоносов меня обнадеживал” [10, с. 136]. Таким образом, первый опыт сотрудничества Российской академии наук и Российского флота в операциях, направленных на достижение полюса, оказался неудачным.

А.Ф. Лактионов в своей книге “Северный полюс” [37] приводит интересные сведения о плавании к полюсу, порой фантастического характера, собранные английским географом Джоном Баррингтоном. Так, некий голландец клялся, что побывал на 89° с.ш., а другой представитель той же нации уверял, что на своем судне не только побывал на полюсе, но и дошел до 88° с.ш. уже в западном полушарии. Сейчас трудно определить, является ли подобная информация разновидностью пресловутой “морской травли” или следствием неумеренного употребления горячительных напитков, но очевидно то, что она не может быть предметом исследования. Другое дело, что китобои, по-видимому, все же нередко достигали 83° с.ш., но само по себе подобное достижение едва ли было особенным событием среди этих представителей морского племени, поскольку их больше интересовала добыча.

В дальнейшем попытки достижения полюса, предпринятые, в частности, англичанами, также проходили под покровительством государства. Летом 1773 года экспедиция Джона Фиппса на кораблях “Рэс Хорс” и “Каркас” у Шпицбергена достигла 80°48' с.ш., а в 1818 году отряд кораблей в составе “Трента” (капитан Дэвид Бьючан) и “Доротеи” (капитан Джон Франклин) с трудом одолел лишь 80°34' с.ш. После этих попыток идея достижения полюса на корабле была оставлена. Однако спустя всего девять лет английское Адмиралтейство предоставило в распоряжение военного моряка Уильяма Парри, уже получившего богатый опыт полярных исследований, военный корабль “Гекла” для очередного полюсного предприятия. В отличие от предшественников Парри решил оставить судно в бухте Трейренберг-Бэй на Шпицбергене (современный Сорг-фьорд) и продвигаться к цели на специальных вельботах, поставленных на полозья. Судно доставило отряд Парри к Семи островам, где люди впряглись в лям-

ки и, уподобившись волжским бурлакам, взяли курс на север. За несколько дней им удалось преодолеть всего шесть миль, после чего стало ясно, что и на этот раз цель останется недостижимой. Уже на $82^{\circ}45'$ с.ш. в полной мере выяснилось, что западный дрейф уносит людей в открытый океан быстрее, чем они продвигаются на север. В сложившейся ситуации Парри отказался от безумного предприятия, но своей мечты не оставил. В 1845 году он выступил с новым планом достижения полюса, намереваясь завезти на север как можно дальше ездовых оленей, чтобы с их помощью, подобно кочевникам севера, одолеть остающееся расстояние на оленьих упряжках.

С критикой такого плана, как несуразного и невыполнимого, в самом начале деятельности Русского географического общества выступил Фердинанд Петрович Врангель, сам неоднократно передвигавшийся по морским льдам у побережья Чукотки в 1821–1824 гг., но на собачьих упряжках. Ссылаясь на свой опыт, он предложил заменить оленьи упряжки собачьими, справедливо полагая, что олени не годятся для дальних маршрутов по морским льдам. Однако еще более важными оказались его предложения относительно направления, наиболее благоприятного для достижения цели, в чем он предвосхитил историю более чем на шестьдесят лет. “Мое мнение, – писал русский моряк, – заключается в следующем плане: экспедиционному судну зимовать близ селения эскимосов около широты 77° у западного берега Гренландии; туда же должны быть доставлены, на особом транспорте, 10 нартов с собаками, при ловких, смелых проводниках... а также провизия и корм в достаточном количестве. По замерзании вод, осенью, экспедиция должна начать рекогносцировку на север, переходя в Smith Sound, а оттуда далее на север, стараясь приискать в широте 79° , на берегу Гренландии или в долине между горами, удобное место для складки части запасов. В феврале экспедиция может передвинуться в это место, а к началу марта основать другую складку запасов еще на 2° севернее. От этого последнего пункта полярный отряд (полюсный. – В.К.) экспедиции может отправиться окончательно, в течение марта, по льду, не покидая берегов, или следуя по ложбинам гор, или по хребтам их, смотря по удобствам для самой езды, держась по возможности меридионального направления и сокращая прямыми переездами поперек бухт, заливов и проливов. Часть людей, собак и запасов должна ожидать возвращения отряда у последней складки. Отряду осталось бы, таким образом, проехать до полюса и обратно около 1800 верст по прямому направлению или с изгибами не более 2000 верст, а это возможно на хорошо устроенных нартах с избежными собаками и исправными проводниками.

Если бы самый северный предел сплошного берега Гренландии или архипелага гренландских островов оказался в расстоянии слишком большом от полюса и достижение его [было] невозможным, то экспедиция могла бы совершить опись этой страны, никем еще не исследованной, и тем принести важную услугу общей географии” [13, с. 119–120]. Читателю предстоит убедиться на страницах этой книги в прозорливости русского полярника, поскольку у него нашлось немало последователей, даже если они об этом и не упоминают в своих отчетах.

Случайно или нет, но события уже последующих лет наводят на мысль о том, что такая преемственность существует, хотя, несомненно, для такого вывода нужны доказательства. Действительно, в районе пролива Смит и севернее уже в 1853–1855 годах работала экспедиция Е. Кэна, а в 1860–1861 гг. Исаака Хэйса, деятельность которых в нашей полярной литературе рассматривается в связи с полюсом. Однако строго говоря, первая из них снаряжалась для поисков экспедиции Франклина, и её руководитель намеревался проверить, не связана ли судьба пропавшей экспедиции с существованием “открытого полярного моря”, планируя поиск к северу на максимально возможное расстояние. Экспедиционный бриг “Эдванс” достиг в августе 1853 года бухты Ронселлор на восточном (гренландском) берегу пролива Смит в широте 78°37' с.ш. Особенностью экспедиции было огромное количество ездовых собак – 104, из которых зиму пережило всего несколько. Результаты экспедиции оказались скромными: ее участникам удалось проникнуть всего до 80°40' с.ш., где были обнаружены признаки существования пресловутого “открытого моря”.

Эту же проблему позднее пытался решить Хэйс, хотя его планы в отношении полюса не вполне понятны. Летом 1860 года его шхуна “Юнайтед Стейтс” встретила в проливе Смит тяжелую ледовую обстановку и была вынуждена зазимовать в бухте Фульке на 78°18' с.ш. Как и в экспедиции Кэна (участником которой был Хэйс), большая часть собак погибла. Несмотря на это, продвигаясь летом 1861 года вдоль восточного побережья о-ва Элсмир к северу, Хэйс достиг 81°35' с.ш. До рекорда Парри оставалось еще более градуса.

Все же, видимо, публикация Врангеля привлекла внимание зарубежных полярников, поскольку в середине 60-х гг. XIX века последовал обмен мнениями по полюсной проблеме между английскими и русскими полярными исследователями. В письме к президенту Санкт-Петербургской академии наук Федору Петровичу Литке президент Королевского географического общества Англии Родерик Импи Мурчисон сообщал: “Ученые моей страны при моей горячей поддержке и сочувствии решили побудить

наше правительство снарядить экспедицию для исследования северных полярных областей... Я буду весьма благодарен Вам, если Вы представите это дело на рассмотрение Академии, а также ... Географического общества... Если бы мне дано было увидеть единение русских и британских моряков в общих усилиях достичь Северного полюса, то я сердечно порадовался бы..." [43, с. 301–302].

Ответ был подготовлен академиком Карлом Максимовичем Бэр, известным исследователем Новой Земли, который предлагал сосредоточить усилия на выяснении, "находится ли вокруг полюса обширное море или еще значительное пространство суши" [Там же, с. 303]. При этом в части непосредственного осуществления полюсного проекта академик ссылаясь на разработки Врангеля, приведенные выше, особо отметил отношение ученых к полюсной проблеме, поскольку "дело ведь не в самом полюсе. Это такая же точка, как и все другие" [43, с. 303]. Тем самым Бэр выразил отношение ученых не только России, но и всего мирового научного сообщества к проблеме полюса. При этом наиболее интересным и перспективным направлением к полюсу он считал акватории между Шпицбергом и Новой Землей, поскольку это наиболее соответствовало интересам России.

Интерес к полюсу со временем стали проявлять и другие нации. Шведская экспедиция Отто Туррелла летом 1861 года по результатам рекогносцировки ледовой ситуации у о-ва Амстердам (западное побережье Шпицбергена) отказалась от первоначального намерения плыть к полюсу и занялась изучением архипелага. Захваченные "полюсной лихорадкой" шведы вели себя крайне разумно, при малейшей опасности отказываясь от движения в северном направлении в пользу работ на Шпицбергене. Так, в частности, поступил А.Э. Норденшельд в 1868 году, ограничившись пребыванием на 81°42' с.ш., и позднее во время зимовки 1872–1873 годов, когда начальник экспедиции решил, обратившись к забытым идеям Парри, использовать для достижения полюса северных оленей. К счастью, еще во время зимовки экспедиционного судна в бухте Моссель (на п-ове Нью-Фрисланн, Западный Шпицберген) олени разбежались, и Норденшельд отправился на пересечение Северо-Восточной Земли того же архипелага. Так или иначе, шведы поступили весьма мудро – сомнительным рекордам в приближении к полюсу они предпочли конкретные научные результаты на Шпицбергене, и по-своему оказались правы.

Немецкая экспедиция Карла Кольдвее, снаряженная по программе ярого сторонника существования открытого полярного моря Августа Петерманна, решила попытать счастья в Гренланд-

ском море. Летом 1868 года на яхте “Германия” она достигла 81°4′ с.ш. Неудовлетворенный Кольдвей на следующий год снова отправился в Арктику, уже на двух судах – винтовом пароходе “Германия” и паруснике “Ганза”, но в самом начале плавания у восточного побережья Гренландии суда потеряли друг друга из виду. “Германия” продолжила плавание к северу до 75°25′ с.ш. и вскоре стала на зимовку у о-ва Сэбин, откуда Юлиус Пайер (позднее один из участников открытия Земли Франца-Иосифа в 1873 году) на санях, которые тащили люди, прошел по морскому льду в северном направлении еще на полтора градуса. Зимовка прошла в целом благополучно, и также благополучно судно на будущий год вернулось в Германию.

Что же касается парусника “Ганза”, то судно, не успев пересечь 71° с.ш., было раздавлено льдами. Экипаж, высадившись на лед, начал вынужденный дрейф на льдине к югу, благополучно завершившийся в июне 1870 года вблизи побережья, населенного эскимосами. Эта экспедиция представляет яркий пример, когда неудача в выполнении главной задачи обернулась получением ценной природной информации на неизвестной полярной акватории. Заметим, что эти данные в значительной мере оставались единственными вплоть до наблюдений папанинской четверки в 1937–1938 гг. Подобная ситуация с полюсными экспедициями повторялась многократно, и поэтому отрицать их научное значение было бы неверно.

70-е годы XIX века ознаменовались наращиванием усилий в достижении полюса со стороны пролива Смит – этот путь в исторической литературе получил название “американского”. В 1871 году американец Чарльз Холл достиг на своем судне “Полярис” 82°11′ с.ш. – но это был рекорд местного значения, поскольку до достижения Парри оставалось еще довольно много. Вскоре “Полярис” зазимовал, а в ноябре Холл внезапно умер от паралича (по другим сведениям [41] – был отравлен). Экспедиция, оставшись без предводителя, пережила много приключений, но в целом завершилась спасением людей.

Тем же путем в 1875 году отправилась английская экспедиция Джорджа Нэрса на кораблях “Алерт” и “Дискавери”, но и ей не удалось превзойти достижение своего земляка Парри, которое на многие десятилетия оказалось рубежным, поскольку многих его последователей волей-неволей сравнивали именно с ним. В навигацию 1875 года суда достигли только 82°24′ с.ш., где и зазимовали. В мае 1876 года специальный полюсный отряд Клемента Маркхама – спустя почти полвека – побил рекорд Парри на 35′ (около 65 км). Основной результат экспедиции ее начальник выразил в знаменитой телеграмме: “Северный полюс недос-

тижим”. В своем походе Маркхам более или менее успешно использовал систему вспомогательных отрядов обеспечения, в свою очередь позаимствовав ее у Фрэнсиса Мак-Клинтока, начальника одной из экспедиций по поискам Франклина еще в 1856–1859 гг. Позднее эта система стала обычной во многих экспедициях, что необходимо оговорить заранее в связи с претензиями некоторых последователей приписать изобретение подобной организации дальних маршрутов себе.

Американцы к тому времени настолько вошли во вкус “международных полюсных гонок” (как назвал описанные экспедиции Карл Вайпрехт в известной речи 1875 года в обоснование проведения Первого международного полярного года), что пессимистическое заключение Нэрса их не испугало. Издатель “Нью-Йорк геральд” Джеймс Гордон Беннетт (тот самый, который в свое время направил Генри Стэнли на поиски Дэвида Ливингстона в дебри Африки) выступил спонсором очередного полюсного предприятия, которое возглавил американский военный моряк Джордж Де-Лонг. Очередной претендент решил идти к цели со стороны Берингова пролива. Парусно-паровое экспедиционное судно “Жаннета” уже в сентябре 1879 года попало в тяжелые льды Чукотского моря, медленно дрейфовавшие на северо-запад. Такое развитие событий предопределило трагический финал. В июле 1880 года судно было раздавлено льдами севернее Новосибирских островов, на $77^{\circ}15'$ с.ш. Спустя неделю участники экспедиции на трех вельботах выступили к Новосибирским островам, в надежде затем перебраться на материк. На последнем переходе один из вельботов со всеми людьми пропал без вести, а группа Де-Лонга (всего 11 человек) погибла от голода в дельте Лены. Как показало время, это были наибольшие потери в полюсных экспедициях, причем указанные жертвы оказались далеко не напрасными, что в полной мере выяснилось через пятнадцать лет.

Спустя три года в европейской прессе появились сведения о находке предметов, принадлежащих экипажу “Жаннеты”, включая документы с автографом начальника экспедиции, во льдах у побережья юго-восточной Гренландии. На основании этих находок и самого общего анализа погодных условий крупный норвежский метеоролог Генрик Мон высказал мысль о существовании течения в Северном Ледовитом океане и, в соответствии с ним, дрейфа льдов от Берингова пролива через район полюса в Гренландское море. Тем самым выходило, что Де-Лонг в принципе правильно избрал свой путь к цели и, будь в его распоряжении более прочное судно, его экспедиция могла бы увенчаться успехом.

Теперь за эту идею ухватился молодой норвежский гидробиолог Фрицьоф Нансен, получивший свой первый полярный опыт на зверобойных судах, а также при пересечении – впервые в истории – Гренландии в 1888 году. Если в Норвегии сочувственно отнеслись к полюсному проекту Нансена, то из-за рубежа обрушился шквал критики в адрес “самого дорогого способа самоубийства”, каким якобы было предприятие Нансена.

Для осуществления своего проекта Нансен заказал, учитывая опыт Де-Лонга, судно специальной постройки, которое при сжатии льдами выжималось бы на их поверхность. В конце сентября 1893 года судно, получившее имя “Фрам” (“Вперед”), доставило экспедицию примерно в те места, где закончился дрейф “Жаннеты”. При всей преемственности идей судьба предприятия Нансена мало того что оказалась иной, но еще и на редкость успешной. Дрейф быстро подхватил вмерзшее во льды судно, причем первые же подвижки ледяных полей показали его надежность. Экипаж “Фрама”, помимо выполнения своей главной задачи – обеспечивать продвижение судна к намеченной цели, имел возможность проводить научные наблюдения природных процессов в толще океана и в атмосфере – впервые в столь высоких широтах. В противовес сложившемуся мнению, океан по маршруту дрейфа оказался очень глубоким: так, 7 августа 1894 года лот достиг дна на отметке 3 850 м. Таким образом, идея дрейфующего судна оказалась плодотворной прежде всего с методической точки зрения.

За первый год дрейфа судно продвинулось к цели всего на 350 км. В конце 1894 года Нансену стало ясно, что дрейф “Фрама” пройдет в стороне от полюса, поэтому он решил покинуть судно, чтобы добраться до Северного полюса на собачьих упряжках. 14 марта 1895 года на 84°05' с.ш. (люди впервые оказались так далеко на севере) Нансен в сопровождении Ялмара Юханессена на двух собачьих упряжках отправился в путь. Подобное решение не отразилось на выполнении научной программы – наблюдения продолжали осуществляться опытным персоналом. Однако спустя три недели, когда два отважных норвежца достигли 86°14' с.ш., выяснилось, что дрейф угрожает утащить их от ближайшего архипелага Земли Франца-Иосифа в воды Северной Атлантики.

Тогда Нансен принял единственно верное решение: выходить к указанному архипелагу, даже несмотря на то, что положение его северных пределов в то время было неизвестно. Там норвежцы надеялись встретиться с какой-нибудь экспедицией и с ее помощью вернуться на родину. Достигнув архипелага, Нансен и Юханессен вынуждены были провести там полярную ночь. В мае 1896 года норвежцы продолжили свой путь к мысу Флора, где

спустя месяц встретились с английской экспедицией Фредерика Джексона, с которой благополучно вернулись в Норвегию. Когда спустя неделю к родным берегам, завершив свой дрейф, возвратился и “Фрам” под командой Отто Свердрупа, выяснилось, что судно с экспедицией побывало на 86° с.ш. Таким образом, были достигнуты очередные рубежи в приближении к полюсу, причем с богатейшими научными результатами, которые принесли Нансену мировую известность.

Между тем появлялись новые методы исследований, внедрение которых подчас оплачивалось дорогой ценой. В первую очередь это относится к экспедиции Соломона Андрэ, который, реализуя идею американцев Чейна и Тайсона, решил отправиться к Северному полюсу на воздушном шаре, что выглядело весьма перспективным в плане изучения атмосферы в полярных районах. Однако риск подобного предприятия был очевидным, поскольку надежность аэростата в условиях Арктики никто не проверял. В качестве исходной базы для свободного полета был выбран о-в Датский у берегов Шпицбергена, откуда Андрэ с двумя спутниками на воздушном шаре с гордым названием “Орел” стартовал 11 июня 1897 года, рассчитывая добраться до северного побережья американского континента. И исчез без вести на долгие 33 года...

Только в 1930 году, когда было обнаружено последнее пристанище воздухоплателей на о-ве Белый (восток архипелага Шпицберген), выяснилось, что полет продолжался всего три дня и почти на 83° с.ш. шар опустился на лед, откуда его экипаж отправился к ближайшей суше, где и погиб по невыясненным причинам. Попытки повторить подобное предприятие были предприняты американцем Уолтером Уэлманом в 1906 и 1909 гг. также со Шпицбергена, но потерпели неудачу на начальной стадии, поэтому обошлось без жертв. После этого идея использования воздушных шаров для полетов к полюсу окончательно утратила свою привлекательность.

На несколько лет отправной базой полюсных экспедиций стала Земля Франца-Иосифа, где одно время главенствовали американцы. Такое внимание с их стороны к удаленному от Америки архипелагу объясняется тем, что на “американском пути” развил бурную деятельность Р. Пири, не признававший конкурентов. Правда, большинство экспедиций с Земли Франца-Иосифа, подобно в свое время шведам на Шпицбергене, легко отказывались от первоначальной цели и сосредоточивались на изучении архипелага, в первую очередь на его картографировании. Так было в экспедициях Уэлмана в 1898–1899 гг., зимовавшего на мысе Тегетгоф (о-в Галля), Болдуина в 1901–1903 гг. с базой на

о-ве Альджер и Энтони Фиала в 1903–1905 гг., обосновавшегося на о-ве Рудольфа.

На этом блеклом фоне выделяется определенным успехом экспедиция из солнечной Италии во главе с Луиджи ди Савойя, герцогом Аbruцким, которая зимовала на о-ве Рудольфа (наиболее северном в архипелаге) в 1899–1900 гг. Сам герцог Аbruцкий во время зимовки обморозился настолько серьезно, что вынужден был отказаться от похода на полюс. Поэтому полюсный маршрут возглавил капитан Умберто Каньи, на собачьих упряжках добравшийся до $86^{\circ}34'$ с.ш., приблизившись тем самым к полюсу, по сравнению с Нансеном, еще на 40 км. Особо отметим: этот успех был достигнут новичками в Арктике с помощью большого числа собачьих упряжек (более сотни псов) и вспомогательных отрядов обеспечения (о которых уже упоминалось), чья изнурительная работа помогала сохранить силы полюсного отряда для решительного броска. На этот раз их все же не хватило...

Особняком среди арктических экспедиций стоит попытка достичь полюса при помощи ледокола, предпринятая русским адмиралом Степаном Осиповичем Макаровым под броским лозунгом: “К Северному полюсу – напролом!” В отличие от Нансена с его идеей пассивного дрейфа, предложение Макарова относилось к активному способу достижения цели. Построенный на верфях Ньюкасла (Англия) по проекту адмирала, ледокол “Ермак” с машиной в 10 тыс. л. с. в первом опытном плавании летом 1899 года во льдах севернее Шпицбергена, получив повреждения, осилил лишь $81^{\circ}28'$ с.ш. – новым техническим средством еще надо было научиться пользоваться. Успех “Ермака” был впереди, но адмирал не дождал до него, погибнув в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Перед тем как перейти к событиям на “американском пути”, определившим судьбу Кука, подведем некоторые итоги полюсных экспедиций почти за три столетия.

Во-первых, проблема полюса возникла впервые в связи с попытками пройти из европейских стран морем в Тихий океан (экспедиции Гудзона, Чичагова). Однако возможности парусных судов для плавания во льдах были слишком ограниченными.

Во-вторых, стремление найти свободные ото льдов акватории в высоких широтах привело европейских моряков XVII–XVIII столетий в воды Шпицбергена, который, таким образом, на протяжении значительного времени служил отправной базой для полюсных экспедиций.

В-третьих, другие направления продвижения к полюсу обозначились намного позднее: “американский путь” по системе проливов, отделяющих о-в Элсмир от Гренландии с середины

XIX века. Прочие направления (от Берингова пролива, от Земли Франца-Иосифа или вдоль восточного побережья Гренландии) на этом фоне выглядят достаточно случайными.

В-четвертых, “американский путь”, впервые предложенный Врангелем, обладал важнейшим преимуществом – возможностью воспользоваться не только помощью, но и ценным полярным опытом аборигенов-эскимосов, прежде всего в езде на собаках, строительстве снежных хижин – иглу и т.д.

В-пятых, захватившие было первоначальную инициативу англичане (Гудзон, Нэрс) уступили позднее свое первенство американцам. На этом фоне роль других наций не выглядит значительной. Однако методика достижения полюса, предложенная Нансеном и Макаровым, в конечном итоге обеспечила успешные исследования Центрального Арктического бассейна, оказалась наиболее перспективной.

В-шестых, с точки зрения изучения высоких широт многочисленные полюсные экспедиции сыграли важнейшую роль в изучении Арктики. При этом следует иметь в виду, что достижение полюса пришлось на тот исторический период, когда открытие новых земель и архипелагов (ликвидация “белых пятен” на карте Мира) уже практически завершилось, а изучение природных процессов только набирало силу, причем с позиций единого глобального процесса. Можно утверждать, что для конца XIX века полюсные экспедиции сыграли более важную роль, чем 12 полярных станций по программе Первого международного полярного года (Международной полярной экспедиции) 1882–1883 гг., хотя развитие сети стационаров обеспечило изучение природных процессов в высоких широтах в первой половине XX столетия. Не надо забывать, что полюсные экспедиции много сделали для изучения полярных архипелагов.

В-седьмых, полюсные экспедиции стали своеобразной мерой человеческих возможностей и показали, что отработанная методика передвижения по морским льдам, пригодная для открытия новых земель и проникновения в глубь “белых пятен”, исчерпала свои возможности для дальнейшего освоения высоких широт. Последнее обстоятельство и поставило на повестку дня использование новых технических средств, в первую очередь транспортных.

Между тем на “американском пути” на рубеже XIX и XX веков чуть ли не ежегодно происходило очередное приближение к заветной цели, причем ведущая роль в это время принадлежала Р. Пири – во всяком случае, сам он в этом не сомневался, полагая, что выступает в роли избранника провидения. Основной претендент на “приз столетий”, он вел себя в соответствии с избранной

ролью, и все его действия отличались упорством и агрессивностью. При этом достижения Пири действительно впечатляли на фоне неудач его соотечественников на Земле Франца-Иосифа. С учетом сказанного рассмотрим подробнее деятельность этого исследователя.

В отличие от Кука, который участвовал в экспедициях без оплаты своей работы или (как в случае с Мак-Кинли) сам находил спонсоров для своих экспедиций, на Пири работала мощная финансовая группа – Арктический клуб Пири, обеспечивавшая еще и достойную рекламу своему протезе, а также его представительство в правительственных и банковских кругах. Клуб обязал Пири добиваться “достижения крайней северной широты Западного полушария” [50, с. 73]. Тем самым все его многолетние действия в Арктике, с одной стороны, были строго ограничены, а с другой – преследовали достижение одной-единственной цели. Поддержку Клуба Пири использовал не только для экспедиционной деятельности в Арктике, но и для сокрушения конкурентов, мнимых и реальных. Многие решали деньги: Клуб финансировали такие лица, как Кэннон (президент Чейз Нейшенл бэнк), Уилл (железнодорожный магнат), Бриджмен (совладелец газеты “Бруклин стандарт юнион”) и некоторые другие, столь же богатые. Таким образом, с точки зрения финансового обеспечения и представительства в верхах исходные позиции главных участников развернувшейся “схватки за полюс” оказались несопоставимыми.

Между тем “американский путь” едва не стал ареной соперничества американцев и норвежцев. “Одним из первых исследователей, наметивших путь к полюсу через Гренландию, является... Отто Свердруп... прославившийся в качестве капитана “Фрама”. [Свердруп] решил обогнуть Гренландию с севера и, достигнув крайней северной её оконечности, предпринять оттуда поездку на собаках к полюсу” [38, с. 507]. Однако после зимовки 1898–1899 гг. в проливе Смит Свердруп решил переключиться на изучение неизвестной части Канадского Арктического архипелага, в чем достиг немалых успехов. По научным результатам это была одна из наиболее плодотворных полярных экспедиций своего времени.

Узнав о планах Свердрупа, Пири решил “умерить пыл” потенциального соперника, поскольку, как он писал впоследствии, “я не желал, чтобы кто-нибудь опередил меня в моем собственном домене*” [цит. по: 50, с. 66]. Такая точка зрения совпадала с точкой зрения его покровителей, поскольку “руководители Арк-

* Домен (фр.) – наследственное земельное владение в эпоху средневековья.

тического клуба, вложив в экспедицию Пири значительные капиталы, вовсе не собирались сидеть сложа руки и ждать, пока какой-то выскочка... помешает им водрузить американский флаг на полюсе” [Там же, с. 67].

Поначалу дела Пири складывались самым наихудшим образом. В навигацию 1898 года его экспедиционное судно зазимовало настолько далеко от цели, что понадобилось создание вспомогательной базы со складом продовольствия на восточном берегу о-ва Элсмир в Форт-Конгер (залив Леди Франклин), где в 1882–1884 гг. зимовала несчастная экспедиция Грили, персонал которой на две трети вымер от голода. При заброске туда продовольствия и всего необходимого с зимующего судна Пири жестоко обморозился. Верный его помощник и многолетний спутник по полюсным экспедициям мулат Хэнсон рассказывал: “...ноги Пири оказались бескровно белыми до самых колен, и, когда я снял с них меховые носки, мы увидели, как пальцы примерзли к меху и в суставах были страшные глубокие трещины” [Там же, с. 68]. В результате обморожения Пири лишился семи пальцев, это отразилось на его маршрутной деятельности – он чаще был вынужден ехать на нартах и только изредка передвигался пешком. Ни один из самых суровых критиков Пири не мог отказать ему в личном мужестве, которое подтверждается также дальнейшими событиями, связанными со съемкой северного побережья Гренландии и открытием мыса Моррис Джесеп. Здесь весной 1900 года Пири сделал характерную запись в своем дневнике: “Было бы громадным разочарованием, пройдя такой путь, вдруг обнаружить, что до меня уже другой человек видел столь желанную моему сердцу эту северную точку” [Там же, с. 69]. Определенно, для Пири было характерно сочетание крайнего эгоцентризма с мужеством и выносливостью, с примесью изрядной доли мессианства, причем последнее качество развивалось в нем все сильнее с каждой очередной экспедицией, пока он окончательно не уверовал в то, что его деятельность в Арктике предрешена свыше. Его исследовательские качества, однако, такой роли не соответствовали. С точки зрения результативности наивысшим его достижением является открытие мыса Моррис Джесеп в 1900 году, что в совокупности с неоднократными пересечениями Гренландии представляет совсем неплохой результат.

Несколько случайных встреч норвежцев с Пири не оставили у тех каких-либо теплых воспоминаний. В октябре 1898 года Свердруп попытался пригласить проезжавшего поблизости Пири, но получил отказ. “Нам было приятно пожать руку такому

знаменитому путешественнику, – писал позднее Свердруп, – но мы едва успели натянуть рукавицы, как он исчез” [50, с. 66]. Райт полагает, что спешка Пири была вызвана стремлением опередить норвежцев в заселении Форт-Конгер.

Еще одна их встреча произошла летом 1899 года, когда Пири отказался переправить в цивилизацию экспедиционные материалы Свердрупа, за исключением личных писем. Его биографы отмечали, что свойственная Пири “бесконечная уверенность в монопольном праве на “американский путь”... заставляла его относиться к норвежцам как к захватчикам” [Там же, с. 71].

После обморожения дальнейшие перспективы Пири на избранном пути выглядели весьма смутно. Достигнутый в 1900 году успех на северном побережье Гренландии, видимо, не вполне удовлетворял Арктический клуб, который создавался для достижения гораздо более крупной цели – полюса. Между тем все указывало на то, что Пири совершенно сознательно отсиживался в Арктике, а Клуб жаждал понять, что происходит. Именно этим и объяснялась поездка Бриджмена и Кука в навигацию 1901 года, описанная выше.

Весной 1902 года Пири выполнил маршрут вдоль северного побережья о-ва Элсмир, откуда прошел на север до 84°17' с.ш. Получилось гораздо скромнее, чем у Нансена и Каньи. Перед возвращением Пири записал в своем дневнике: “Игра окончена. Конец моей шестнадцатилетней мечте. Ночью прояснилось, и к утру мы тронулись в путь. Я проиграл сражение, притом не самое легкое. Но я не смог сделать невозможное” [Там же, с. 78–79]. За долгие дни санного пути настроение Пири стало меняться, и по достижении Форт-Конгер он заявил Хэнсону: “Надо изменить систему походов. Мы должны позаимствовать методы у эскимосов и организовать вспомогательные группы” [Там же, с. 79]. Не признав поражения, еще до возвращения в Штаты он уже планировал очередную полюсную операцию, снова рассчитывая на поддержку Арктического клуба.

Новая экспедиция Пири, состоявшаяся в 1905–1906 гг., стоила 50 тыс. долларов. Половину этой суммы выделил Джесеп. Капитан Чарльз Дик взялся заказать необходимые материалы и приступить к постройке нового экспедиционного судна. Недостающие деньги согласился предоставить бизнесмен Джеймс Колгейт. Пири позднее отметил: “В наших замыслах было что-то притягательное для деловых людей с большим размахом” [Там же, с. 83].

Надо заметить, из всех полярных предприятий Пири и его Арктического клуба именно последние экспедиции 1905–1906 гг. и 1908–1909 гг. оставили множество темных мест,

не получивших объяснения и по сию пору. Сам Пири не отличался наблюдательностью (по крайней мере в сравнении с Куком) и не описал в своих отчетах каких-либо природных явлений, которые дали бы возможность судить о природных системах посещенных им полярных акваторий и территорий. Поэтому сколько-нибудь убедительную трактовку событий его маршрутов не смогли дать ни его сторонники в прошлом (Уильям Хоббс, Вильялмур Стефанссон, Дональд Мак-Миллан), ни новое поколение специалистов по природным процессам. Более того, многие события и обстоятельства маршрутов Пири находятся в очевидном противоречии с известными нам теперь процессами в океане, в первую очередь с морскими течениями и дрейфом льдов.

Экспедиция оказалась страшно громоздкой: в ней участвовали 50 (!) эскимосов – в качестве рабочих и 200 упряжных собак. С таким обеспечением не выступал к полюсу ни один из его предшественников, но, как нам предстоит убедиться, количество отнюдь не перешло в качество, которое определяет успех. Характерно настроение, с которым Пири отправился на очередной приступ: “Несмотря на то что я постоянно борюсь с этими мыслями, я не могу не мечтать об успехе, когда с таким трудом приходится пробиваться вперед... Я часто задаю себе вопрос, как бы я реагировал, если бы сейчас, когда цель кажется такой достижимой, на пути вдруг стало бы непреодолимое препятствие в виде полыньи, непроходимых льдов или снежных заносов” [Там же, с. 84–85]. Другое дело, что в будущем на его пути оказались не льды, а человек...

События в экспедиции 1905–1906 гг. развивались следующим образом. Новенькое экспедиционное судно “Рузвельт” (капитан – Роберт Бартлетт, верный сторонник Пири) провело зимовку у мыса Шеридан на восточном побережье о-ва Элсмир. С наступлением светлого времени на запад, к мысу Мосс отправились вспомогательные отряды обеспечения, входившие в “систему Пири” (Как отмечалось, аналогичная практика использовалась разными экспедициями по крайней мере уже полвека.) 6 марта 1906 года Пири записал в своем дневнике: “Битва подходит к концу. Мы идем по льду Северного Арктического океана, взяв направление прямо на цель” [Там же, с. 85]. Как и ранее, Пири ошибался: то, что он называл битвой, оказалось только разведкой боем, причем с очень неясным результатом.

Через 11 дней после начала очередного полюсного маршрута он все еще видел землю, точнее горы на ней. 26 марта по направлению движения среди торосов обозначилось нечто новое, как оказалось – весьма опасное препятствие: широкое разводье во-

ды, позднее названное исследователями Большой полыньей. Разводье располагалось на контакте сравнительно ровного берегового припая с дрейфующими льдами открытого океана.

Отправив отряды Бартлетта и Хэнсона вдоль разводья в поисках переправы, Пири использовал вынужденную остановку для определения местоположения ($84^{\circ}38'$ с.ш. и 74° з.д.). Результаты наблюдений свидетельствовали о наличии сильного западного дрейфа, поскольку полюсный отряд оказался на 130 км западнее, чем ожидалось. Радовало Пири то, что он побил собственное достижение прошлой экспедиции, но огорчала большая разница с рекордами Нансена и Каньи. Вернувшиеся отряды Бартлетта и Хэнсона подтвердили присутствие сильного западного дрейфа. Отряд Пири оставался у Большой полыньи до 2 апреля, когда он наконец преодолел это препятствие. При этом он оторвался от отрядов обеспечения, созданием которых так гордился, утратив тем самым связь с опытными сотрудниками. Как было известно, сам Пири не обладал должной штурманской подготовкой – это была ахиллесова пята всей его маршрутной подготовки. Вся информация о последующих событиях исходила только от Пири и не могла быть подтверждена другими источниками.

Из отчета Пири следовало, что он продолжал свой путь на север до 6 апреля, когда на неделю был остановлен разбушевавшимся штормом. По окончании шторма Пири определил только широту, установив, что находится на $85^{\circ}12'$ с.ш. По каким-то причинам в дальнейшем он отказался от определения долготы, и совершенно напрасно, поскольку уже в ближайшем будущем это могло иметь роковые последствия.

Оказавшись 21 апреля на $87^{\circ}06'$ с.ш., он побил достижения Нансена и Каньи, что, учитывая рекордсменский склад мышления Пири, было для него в тот момент самым главным, поскольку уже оправдывало возвращение, необходимость которого назрела со всей очевидностью. Ничтоже сумняшеся, Пири пошел на юг по собственным следам, сохранившимся достаточно отчетливо, но вместо мыса Шеридан на о-ве Элсмир оказался у мыса Неймайер в Гренландии, то есть примерно в 250 км восточнее – огромная ошибка для обратного маршрута протяженностью менее 800 км. Пири и сам понимал это, и для объяснения своей ошибки сослался на сильный восточный дрейф (!).

На мысе Неймайер произошла встреча со вспомогательным отрядом, который возглавлял матрос Кларк. Тот объяснил своему боссу, что выводил свой отряд, унесенный сильным западным (!) дрейфом к западному побережью о-ва Элсмир. Это был

разговор “слепого с глухим”, но прав оказался Пири, поскольку он зрительно опознал побережье, посещенное в 1900 году. Кларку оставалось только согласиться...

Удивительно то, что современные “Атлас Северного Ледовитого океана” (1980) и “Атлас Арктики” (1985) показывают здесь западный дрейф со скоростью 2 км в сутки, что, разумеется, требует учета в навигационной практике. Действия Кларка можно объяснить тем, что он совершенно справедливо доверился мнению опытных эскимосов, хотя и взял слишком большую поправку на дрейф. Но каким образом Пири, используя частично собственный след (то есть заведомо не учитывая влияние дрейфа), оказался в Гренландии, где его спасла только зрительная память? Разумных объяснений этого быть не может, кроме одного: плохие способности Пири в качестве навигатора, ставящие под сомнения его реальные достижения.

На завершающем этапе экспедиции Пири совершил маршрут вдоль северного побережья о-ва Элсмир и даже побывал на северной оконечности соседнего о-ва Аксель-Хейберг (уже открытого экспедицией Свердрупа), где на мысе, названном в честь генерала Томаса Хаббарда, сложил каменный гурий и оставил в нем записку. Несколько раньше Пири увидел новую сушу, назвав ее Землей Крокера: “На горизонте я мог рассмотреть несколько отчетливых снежных вершин острова, расположенного на северо-западе. Сердце мое было готово выскочить, когда я думал о бесконечных милях льда, отделяющего меня от земли” [50, с. 106]. Однако ее поиски, предпринятые в 1914 году сподвижником Пири Мак-Милланом, результата не принесли, – таким образом, одной из чертовой дюжины проблематических земель на карте Арктики стало меньше. Подобного рода несуществующие земли не однажды вводили в заблуждение опытных полярников. В их число входит, например, Земля Санникова, окончательно “закрытая” только в 1937 году. Разумеется, нет оснований обвинять Пири в преднамеренном подлоге – как и многие другие, он стал жертвой оптического обмана. В целом же книга-отчет Пири по экспедиции 1905–1906 гг. встретила настолько разноречивые отклики, что, видимо, по этой причине на русский язык не переводилась.

Очевидно, после очередной неудачи самые разнообразные сомнения терзали душу Пири, ибо терпение членов Арктического клуба отнюдь не было безграничным. Не случайно в его дневнике после возвращения на “Рузвельт” появилась следующая запись: “Неужели еще одна неудача? Неужели больше никаких шансов на победу?” [Там же, с. 103].

Осенью 1907 года секретарь Арктического клуба Брид-

жмен ознакомил Пири, уже вернувшегося из экспедиции, со следующим письмом: “Дорогой Бриджмен! Я избрал новый маршрут к полюсу и остаюсь, чтобы попытаться пройти им. Этот маршрут через Бьюкенен-Бэй и Землю Элмира, на север проливом Нансен и далее по Полярному морю представляется мне очень удобным. До 82° мне будут встречаться животные для отстрела; здесь есть эскимосы и собаки. Итак, к полюсу. Мистер Брэдли расскажет все остальное. Поклон всем Ф.А. Кук” [33, с. 70].

Бриджмен тут же направил в прессу заявление от имени Арктического клуба, суть которого заключалась в фразе: “Тайные сборы экспедиции Брэдли (а не Кука! – В.К.) вызвали удивление людей, уважающих честь и соблюдающих правила игры” [50, с. 112]. Таким образом, лишней раз была сделана заявка, по сути, от имени Пири на особые права в собственном “домене”. В мае 1908 года, перед тем как отправиться в очередной полюсный вояж, Пири отослал в редакцию “Нью-Йорк таймс” письмо следующего содержания:

“Я прошу заметить, что доктор Кук расположился в Э́та, где в продолжение нескольких лет был склад моего провианта и место моих стоянок. Я утверждаю, что Кук взял с собой эскимосов и собак, которых я собрал в Э́та с намерением воспользоваться ими.

...Я утверждаю, что он воспользовался услугами эскимосов, которых я приучил к трудной работе управления санями, их умением отыскивать дичь, их знанием далеких северных областей, словом, всем, что они приобрели под моим руководством.

...Я прошу обратить внимание, что результатом пребывания Кука в этой области было бы ослабление эскимосов, в особенности уменьшение числа собак... в ожидании меня, а также уменьшение дичи, которая мне необходима. ...Во избежание всяких недоразумений... я заявляю, что поведение доктора Кука, который старался опередить меня, недостойно честного человека” [56, с. 16].

Письмо хорошо отражает взгляды Пири на Арктику, где он в качестве некоего суверена присвоил себе права определять то, что можно и что нельзя делать другим. Еще более характеризует Пири преднамеренная ложь, на которую он решился, потому что на самом деле не эскимосы учились у него жизни в Арктике, а он у них.

Диктаторские замашки, стремление ставить все “с ног на голову” проявились у Пири еще задолго до столкновения со своим бывшим сотрудником. Однако собственное высокоме-

рие на этот раз жестоко подвело Пири. Он настолько уверовал в свою систему, которой присвоил собственное имя (“Без этой системы ни один человек физически не мог бы дойти до Северного полюса и вернуться обратно”), что последующее развитие событий оказалось для него полной неожиданностью.

Глава 5

На исходный рубеж

Идея достижения Северного полюса возникла у Кука в июне 1907 года в ходе обсуждения с молодым миллионером Джоном Брэдли его охотничьей поездки на Север. Сам Кук по этому поводу позднее писал: “Наша арктическая экспедиция родилась без обычной шумихи. Она была подготовлена за один месяц и финансировалась спортсменом, которому хотелось всего-навсего поохотиться на Севере. Пресса безмолвствовала. Мы не обращались за помощью к правительству, даже не пытались собрать средства у частных лиц... Хотя в тайне я лелеял в душе честолюбивую надежду покорить Северный полюс, у нас не было какого-либо четко разработанного плана.

Господин Джон Брэдли и я, встретившись в “Холланд-Хаузе” в Нью-Йорке, просто договорились организовать арктическую экспедицию. Полагаясь на мой опыт, мистер Брэдли поручил мне экипировку экспедиции и снабдил достаточными средствами на необходимые расходы” [33, с. 39].

В этих строках обращают на себя внимание два обстоятельства. Первое: очевидно, решение о походе на полюс должно было приниматься (как и в случае с Мак-Кинли) непосредственно на месте, по результатам предварительной рекогносцировки. Второе: такое решение не позволяло подготовить общественное мнение к восприятию последующих событий, что противоречило общепринятой в то время практике полярных исследований и не могло быть воспринято в обществе однозначно.

Т. Райт так описывает принятие исходного решения о походе к полюсу, причем со ссылкой на воспоминания Брэдли:

– Мы с вами можем сделать это с помощью двух эскимосов.

– Что сделать? – спросил Брэдли.

– Дойти до полюса. Почему бы не попытаться счастья?

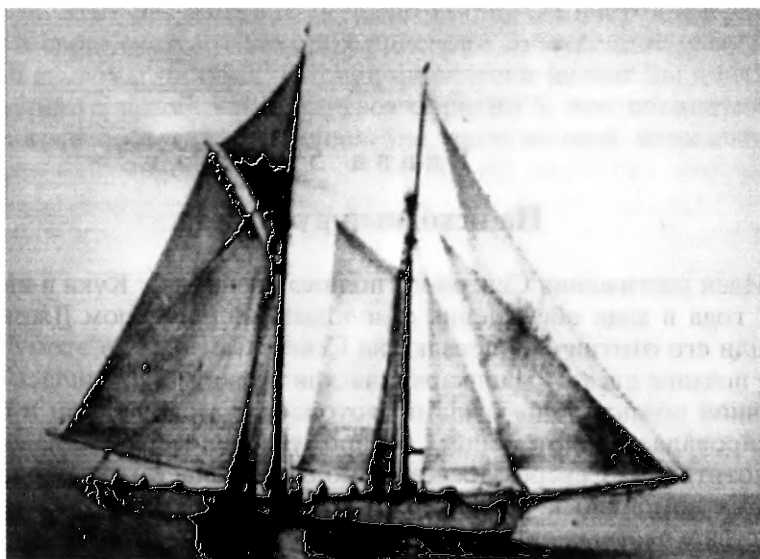
Брэдли отрицательно покачал головой:

– Не со мной, – возразил он. – Вы хотите попробовать добраться до полюса?

Кук посмотрел на него горящими глазами и сказал:

– Это моя заветная мечта” [50, с. 110].

Лиха беда начало... 3 июля 1907 года шхуна “Джон Брэдли” (капитан – Мозес Бартлетт, представитель известной морской

Яхта "Брэдли"

фамилии из Новой Англии; другой член того же морского клана – Роберт Бартлетт в нескольких экспедициях состоял на службе у Пири) оставила маленький рыбацкий порт Глостер в штате Массачусетс и взяла курс на север. 16 июля скалистые берега Лабрадора остались за кормой. Хотя судно ненадолго посетило административный центр Гренландии Годхавн, никаких разговоров о полюсе с губернатором Фенкером ни Кук, ни Брэдли не вели.

По мере плавания к северу перед глазами Кука разворачивались береговые пейзажи, знакомые по прежним экспедициям; последний раз он побывал здесь на "Эрике" шесть лет назад. "Часами простаивал я на палубе в одиночестве, и солнце, этот чудовищный, вечный источник света, ослепительно сияло на горизонте, словно поджигая волны, озаряя своими лучами некое невидимое божество Севера с заледенелым сердцем... Мне казалось, что я плыву по морю растопленного солнечного света" [33, с. 50].

В заливе Мелвилл Брэдли удовлетворил свою страсть охотника истреблением моржей, в чем ему помогали местные эскимосы. Однако совсем другие эмоции владели Куком: "Я чувствовал, как во мне (я не осмеливался доверить эти мысли даже Брэдли) неумолимо растет решимость, невзирая на все преграды, попытаться покорить полюс!" [Там же, с. 51].

24 августа судно бросило якорь на рейде эскимосского селения Анноаток в проливе Смит. Ситуацию здесь Кук позднее описал так: "Обычно в Анноатоке проживает одно-два семейства,

однако на этот раз поселок был заселен на удивление густо... Больше сотни собак лаем приветствовали нас, и двенадцать длинноволосых мужчин, словно лучшие друзья, вышли нам навстречу. Я подумал о том, что именно в Анноатоке мне нужно создать базу для броска на север. <...> Все благоприятствовало мне. Я признаюсь, что задача казалась мне дерзкой, стоящей на грани невозможного. <...> Все, чему я научился за долгие годы в северной и южной полярных областях... будет подвергнуто теперь самому суровому испытанию. Да, я должен был остаться – сказал я самому себе – я верю в успех. Тогда я сообщил Брэдли о своих намерениях. Он настроился не слишком оптимистично, однако пожал мне руку и пожелал удачи. Он согласился передать мне со шхуны часть продовольствия, топлива и кое-каких припасов...” [Там же, с. 65–66].

Из экипажа шхуны с Куком остался на зимовку Рудольф Франке. “Он пошел с нами, чтобы испытать себя в арктическом путешествии. Это был образованный молодой немец с хорошей научной подготовкой, сильный, добродушный, всем сердцем стремившийся к настоящей работе. Такие качества были очень полезны для моего единственного спутника. Рано утром 3 сентября я распрощался с мистером Брэдли... Я остался один на один с судьбой в семистах милях от полюса” [Там же, с. 68]. Выбор был сделан, осталось только его осуществить – но не ранее завершения полярной ночи. А до ее начала следовало создать подобие экспедиционной базы, которую возвели из упаковочных ящиков на площади 13 × 16 футов (3 × 4 м). Стены усилили деревянными планками, щели между ними забили упаковочной бумагой. Верх базы был уложен крышками от ящиков и – поверх них – дерном (это новшество американцы в своей строительной практике позаимствовали от эскимосов). Остатки этой хижины видел в 1952 году французский этнограф Жан Маллори, собравший воспоминания старых эскимосов о пребывании Кука в их селении, рисуящие достаточно непростой образ американца (во многом совпадающий с оценками англичанина Уолли Херберта [61], на которых мы остановимся ниже).

Условия полярной ночи были уже достаточно знакомы Куку. На этот раз его зимовка проходила среди дружественных эскимосов, для которых продолжительные полярные день и ночь были обычным явлением, и их чередование не вызывало у аборигенов каких-то отрицательных эмоций. 24 октября солнце скрылось в холодных водах пролива Смит. Настала полярная ночь, которая “обещала стать ... сезоном лихорадочного труда”.

Не вполне понятно из американских источников, когда Кук принял решение разойтись с Пири на “американском пути” – до

отъезда в Арктику или непосредственно в Анноатоке, во время зимовки 1907–1908 гг. Райт [50] полагает, но без ссылок на источник, что путь к мысу Свартенвог (Столлурти – на современных картах) с пересечением о-ва Элмир уже обсуждался Куком с Брэдли. Несомненно, зная характер Пири, Кук понимал, что появление двух американцев на “американском пути” было чревато неминуемым конфликтом, которого он не желал. Однако окончательное решение, несомненно, было принято им в Анноатоке во время зимовки, в значительной мере на основе информации, полученной от эскимосов. В пользу такого выбора, несмотря на то что маршрут на исходный рубеж удлинялся, были два важных обстоятельства: первое – возможности богатой охоты на о-ве Элмир, второе – изменчивый ледовый режим в проливе Смит.

“Несмотря на то что зимой всякая полевая работа, – писал впоследствии Кук, – настоящее мучение, необходимость заставляла нас настойчиво охотиться на моржей, тюленей, нарвалов и белух. Мы продолжали пожинать урожай продовольствия и топлива. Прежде чем зима успеет раскинуть свои крылья над морем, мы торопились настрелять как можно больше куропаток, зайцев и оленей, чтобы на всю длинную ночь обеспечить наш стол арктическими деликатесами” [33, с. 76]. Таким образом, ничего общего с питанием во время экспедиции на “Бельгике” в Анноатоке не было, как и страшных последствий в виде цинги. Кук мог испытывать удовлетворение от того, что “спланировал кампанию четко и ясно. Все было основано на собственном опыте, скрупулезно собранном по крупицам в годы разочарований и неудач” [Там же, с. 70].

На практике это означало добровольную мобилизацию эскимосов, заинтересованных в товарах из далекой Америки, начиная от огнестрельного оружия и кончая табаком и ножами в обмен на их участие в полюсном походе. Кук писал: “Вскоре после моего прибытия эскимосы стали передавать из уст в уста, из одного поселения в другое, что я нахожусь в Анноатоке и намереваюсь совершить стремительное путешествие к Большому гвоздю (так эскимосы называли Северный полюс, *Тиги шу* на их языке. – В.К.) и мне необходима для этого помощь всего племени. Вслед за этим все они, словно по команде, стали активно действовать. Прекрасно зная, что необходимо для пребывания белого человека на Севере, а также для того дела, которым я собирался заниматься, эскимосы, не получая от меня каких-то особых приказаний и лишь в общих чертах познакомившись с моими планами (это также передавалось из поселения в поселение), немедленно стали собирать все необходимое. Им было известно лучше меня, где искать дичь, где можно было добыть многое другое. Для ме-

ня это было большим облегчением. Каждое эскимосское поселение выполняло какое-нибудь поручение в соответствии с условиями своей местности, собирая для меня огромное количество материалов, необходимых для нашего путешествия.

В районах, где водилось особенно много зайцев и песцов, шкуры которых шли на изготовление курток и чулок, эскимосы должны были не только добыть как можно больше этих зверьков, но и выделать шкурки, а затем превратить их в одежды соответствующего размера. Там, где водились олени, из их шкур шили спальные мешки, а из жил изготавливали нитки. В каком-то ином поселении охотникам особенно везло в охоте на тюленей, а тюленьи шкуры – один из самых ценных материалов на Севере. Из них шили обувь, плели веревки и делали прочие крепкие приспособления” [33, с. 76].

Так что беспокойство Пири, высказанное им на страницах “Нью-Йорк таймс”, понятно, но едва ли справедливо, – он явно опасался опоздать. Ближайшее будущее показало, что ресурсов в этой части Гренландии было достаточно и для него. Другое дело, что Пири вполне сознательно заранее стремился обострить обстановку, не дожидаясь возвращения Кука в цивилизованный мир, независимо от достигнутых результатов.

Пока же Кук мог гордиться своим предвидением, основанным на собственном полярном опыте: “Если я располагаю правильной информацией и мои главные предположения правильны, думалось мне, тогда я получу преимущества, которыми до меня не располагал ни один из руководителей экспедиций. (...) Я знал, что в окружении людей, занятых своим делом, долгая ночь пролетит быстро. Предстояло многое сделать, и с первыми проблесками утра следующего года мы должны быть готовы двинуться к полюсу” [Там же, с. 73]. Определенно, в условиях Арктики с самого начала Кук ни в чем не уступал своему главному конкуренту.

В зимнюю ночь подготовка к полюсному маршруту полным ходом шла и на экспедиционной базе. Здесь эскимосы под руководством Кука готовили к дальнему походу нарты из прочного американского дерева гикори, гнули полозья, шили упряжь и одежду. (Особое впечатление на Кука произвела способность эскимосских женщин снимать мерку “на глазок”.)

Несомненно, интерес Кука к эскимосам был не только прагматическим. Аборигены Арктики завоевали его симпатии еще со времен экспедиции 1891–1892 гг. В полной мере теплые чувства по отношению к ним проявились во время зимовки 1907–1908 гг., когда в общении с ними он находил не только помощь, но, выражаясь словами Антуана де Сент-Экзюпери, “роскошь человеческого общения”. Аборигенам посвящены многие страницы книги

Кука, включая самые скорбные, например когда эскимосские женщины своим плачем в полярной ночи поминают души погибших близких. Несомненно, для специалиста-этнографа эти страсти сохраняют свое значение и поныне.

Особое внимание в зимнее время придавалось охоте, поскольку “приготовленные промышленным способом смеси и консервированные деликатесы не занимали много места в наших кладовых. (...) Однако, как я уже говорил, мы имели самое главное – достаточное количество прочной древесины гикори и металла для изготовления нартов. (...) К счастью, мне не служили помехой неизбежно попадающие в полярные экспедиции новички. Нас, белых, было двое, а в полярных делах белые люди по сравнению с эскимосами в лучшем случае – обыкновенные дилетанты” [33, с. 84]. Каким контрастом звучат по сравнению с этими строками уже известные читателю суждения Пири! Похоже, Кук был один из немногих, кто понимал свое место в Арктике.

Напряженная работа в полярной ночи продвигалась настолько успешно, что уже к Рождеству снаряжение было практически готово. “В ящичном домике ярусами высились новые нарты, ящики и мешки, забитые одеждой, консервами, сухим мясом и прочной собачьей упряжью. Продовольствие, топливо и лагерное снаряжение для броски на север были готовы. Все тщательно испытано и отобрано для окончательной проверки. Воодушевленный успехом, исполненный чувства благодарности к эскимосам, я объявил недельные каникулы с многочисленными увеселениями” [Там же, с. 107].

Описанию своего жилища в Анноатоке Кук уделяет большое внимание:

“Ящичный домик был достаточно комфортабельным. Он не блистал роскошью цивилизованного жилища, однако здесь, в Арктике, мог сойти за дворец. Время от времени интерьер менялся... Печурка стояла у входа. (...) В одной стене пустые ящики служили кладовой и буфетом, в другой – хранилищем инструментов, недостроенных нартов и лагерного оборудования.

Сделав всего один шаг, можно было очутиться на следующем полуэтаже. Там располагалась койка, опиравшаяся на скамью, которую несложно было приспособить и под спальное место, и под рабочий верстак. Длинную скамью у задней стены шведы использовали как портновский стол. В центре вокруг столба, подпиравшего крышу, устроили стол. Сидеть за ним можно было на полках, выдвигающихся из кровати. Судовой фонарь, подвешенный к столбу-подпорке, давал достаточно света. Другой мебели не было. Все предметы первой необходимости удобно размещались в открытых ящиках стены, и

комната-чулан не производила впечатления загроможденной. В ящиках у самого пола, где все быстро замерзло, хранились скоропортящиеся продукты. На следующем ярусе, где мороз то и дело чередовался с оттепелью, мы разместили ремни и шкуры, которые должны были храниться во влажном состоянии. Сухие и теплые ящики под самым потолком обычно использовались по-разному. Там за трое суток высыхало свежее мясо, нарезанное узкими полосками. Воспользовавшись этим обстоятельством, мы приготовили для собак 1 200 фунтов пеммикана из мяса моржа. Под самой крышей мы хранили меха и инструменты.

Вертикальный перепад температуры в наших помещениях был довольно значительным. На полу и на уровне нижних ящиков она падала до -20°F [-29°C]... На полу посреди комнаты температура была выше точки замерзания; на одном уровне со скамьями было уже $+48^{\circ}\text{F}$, а на уровне головы стоящего человека $+70^{\circ}\text{F}$ [$+21^{\circ}\text{C}$], под крышей $+105^{\circ}\text{F}$ [$+40,5^{\circ}\text{C}$].

Мы умудрялись приспособливаться к столь своеобразному комфорту. Ниже пояса мы одевались так, чтобы переносить низкие температуры, а выше – весьма легко” [33, с. 109–110].

Однако с этим комфортабельным, по арктическим меркам, жилищем предстояло вскоре расстаться, чтобы приступить к осуществлению задуманного главного предприятия.

С завершением подготовки к маршрутным операциям в середине января 1908 года по указанию Кука эскимосы провели разведку льда в проливе Смит. При этом предполагалось, что в районе мыса Сэбин могли оказаться потерпевшие крушение китобой. Однако первый выход оказался неудачным из-за шторма. Зато в конце января пролив Смит удалось одолеть стремительным суточным переходом при температуре -47°C . Груз на четырех нартах был доставлен на берега о-ва Элсмир, где каких-либо признаков кораблекрушения обнаружено не было. Еще более крупный вспомогательный отряд на восьми нартах выступил к устью фиорда Флаглер-Бэй (откуда Кук намеревался пересечь о-в Элсмир) 5 февраля.

“Утром 19 февраля 1908 года я отправился к Северному полюсу. Спозаранку, как только забрезжил первый настоящий рассвет, 11 груженных нарт подъехали к нашему ящичному дому. На них было все необходимое для рывка на север – 4 тысячи фунтов запасов для перехода по льдам полярного моря и 2 тысячи фунтов моржовых шкур и жира, которыми мы собирались воспользоваться, прежде чем нам удастся обеспечить себя продуктами охоты, на которые мы рассчитывали. Одиннадцать нарт управлялись девятью эскимосами, мной и Фран-

ке. Их тащили 103 собаки, которые находились в отличной форме” [Там же, с. 118–119].

Вечером 20 февраля длинный караван собачьих упряжек был уже у мыса Сэбин. Ледовая обстановка в проливе Смит оказалась достаточно благоприятной, снег на льду неглубоким, и даже мороз в эти дни оставался в пределах $-38 \dots -42$ °С. Достигнув побережья о-ва Элсмир, караван упряжек под щелканье бичей и окрики каюров тронулся на юг к устью фиорда Флаглер-Бэй, где Кук получил представление об особенностях дальнейшего пути, которые, увы, оказались не самыми подходящими.

Остановимся более подробно на той части Арктики, которую Куку предстояло одолеть, прежде чем выйти на исходный рубеж для похода к полюсу. Дело в том, что эта часть Канадского Арктического архипелага была положена на карту совсем незадолго до появления Кука: в 1898–1901 гг. экспедиция Свердрупа обнаружила здесь целый ряд крупных, ранее неизвестных островов. Из них наибольший, Аксель-Хейберг, отделяется на западе от о-ва Элсмир проливами Юрика и Нансен. Участники экспедиции Свердрупа пересекали о-в Элсмир по узкой полоске суши между кутами фиордов Флаглер-Бэй и Бай-фиорд шириной всего 90 км, получившей название “проход Свердрупа”. Разумеется, эскимосы знали об этом проходе и раньше и неоднократно пользовались им. Фактически на всем огромном пространстве острова площадью 212 тыс. км² это едва ли не единственное место, где его можно пересечь. Сам проход представляет собой узкую долину, в ряде мест перегороженную концами ледников, которые спускаются сюда с ближайших горных склонов. Пересечение острова было серьезным испытанием для человека, даже закаленного в полярных маршрутах, и несомненно, Куку здесь очень пригодился опыт восхождения на Мак-Кинли.

Окончательной уверенности в том, что такое пересечение возможно, у Кука не было. Поэтому с берегов о-ва Элсмир Франке и часть эскимосов отправились обратно к “ящичному домику” для охраны оставленных там припасов, которые могли пригодиться на будущее.

Начало пересечения о-ва Элсмир Кук описывает так: “Рано утром 25 февраля мы запрягли собак в тяжело груженные нарты и стали пробиваться в таинственную долину, что лежала перед нами. (...) Потоки талых ледниковых вод летом вымыли нечто вроде канавы на широкой центральной равнине, теперь беспорядочно загроможденной льдом и снегами. По ней мы и прокладывали свой путь.

По обе стороны от нас вверх уходили склоны этого каньона, переходящие в утесы, над которыми синели стены матери-

кового льда, лежащего примерно на высоте 2 тыс. футов (около 700 м. – В.К.). Нигде не было видно безопасного пути. Мы изучили проходы в этой долине, так как я понимал, что нашей единственной надеждой было продвинуться к бухте по суше. <...>

По мере того как мы продвигались вперед, склоны постепенно становились круче. Нам то и дело приходилось перебираться с одной стороны долины на другую в поисках подходящего снежного или ледяного покрова. Это удлиняло путь. Участки обнаженной земли доставляли нам много хлопот. Температура была -62°F [-52°C], зато царило безветрие. Наверху склоны долины сияли от яркого солнца. Петляя вслед за каньоном, мы продвинулись на 20 миль. Дальше простирался такой же ландшафт. Долина походила на горный перевал. <...>

Утром 27-го мы полностью загрузили нарты. Медленно поднимаясь по руслу ледникового потока, в одном из его ответвлений мы обнаружили лед, двигаться по которому было удобнее. <...> Склоны теперь были покрыты травой, которую обнажили сильные зимние ветры. Вокруг громоздились песчаные дюны и борозды гравия” [33, с. 123–124].

Мертвенный полярный ландшафт при семидесятиградусном морозе являл картину полной безжизненности. На самом деле жизнь таилась где-то рядом и нередко напоминала о себе многочисленными следами зайцев и мускусных быков, которыми предстояло пополнить продовольственные запасы путешественников. Мускусный бык, или овцебык, пережив эпоху великого оледенения, в наше время сохранился только на самых отдаленных арктических территориях с резко континентальным полярным климатом (среди признаков которого – очень низкие зимние температуры, малое количество снега, который не укрывает даже щебень или жухлую прошлогоднюю траву, и т.д.).

Особое место в этом маршруте занимал водораздельный участок между морем Баффина и проливом Юрика:

“...Я заметил, что путь нам преградил крупный ледник и нам придется прорубаться через ледниковые барьеры целую милю... Я воспользовался задержкой для разведки местности. Долина была изрыта древними и более молодыми ледниками, и русла ручьев отмечали границы двух четко различимых геологических формаций.

К северу простирались силурийские и кембро-силурийские породы, к югу вздымались архейские утесы. С камерой, биноклем и другими инструментами в мешке я вскарабкался вверх по узкому ущелью. <...> Весь снег был сметен отсюда вниз, в рассе-

лины и долины. Взбираясь по заостренным морозами камням, я с трудом находил опору для ног.

Средняя высота гор оказалась равной 1900 футам. На несколько миль к северо-востоку пологими откосами простиралась обнаженная земля. Дальше синела кромка ледника. <...> Избыток вечных снегов низвергался в узкие ущелья долины пятью языками. Первый... занимал водораздел. Это была огромная река льда, примерно в милю шириной, испещренная огромными глыбами и широкими провалами-трещинами. <...>

Второй и третий языки ледника, примерно в полмили шириной, нависли над долиной. <...>

Четвертый, мощный язык шириной в три мили запирает долину и словно дамбой отгораживал озеро примерно в четыре мили длиной и в милю шириной. Озеро простиралось далеко за пределы самых крутых видимых мне обрывов. Все еще были видны вершины утесов в долине, которая ведет к бухте Флаглер-Бэй, а к западу виднелись горы, окаймлявшие Бэй-фиорд... Спуск к морю – перепад высот составлял около 400 футов – был довольно проходимым по речному льду и снежным завалам. При благоприятном стечении обстоятельств это сулило длинный переход в 20 миль” [Там же, с. 126–127].

Отметим, что все эти особенности, включая ледники и озеро на водоразделе, спустя 60 лет были подтверждены экспедицией Уолли Херберта, который пересек по льдам Северный Ледовитый океан в 1968–1969 гг. от Аляски к Шпицбергену. Среди них есть весьма интересные, например такие: “У кута залива Флаглер остров [Элмир] имел в ширину около 50 миль. По сообщению Кука, он пересек его за четыре дня. Мы потратили на это почти четыре недели” [61, с. 72]. Совершенно независимо от Херберта эту разницу во времени хорошо объяснил Ж. Маллори, поскольку, по словам эскимосов, Кук “правил собаками, как эскимос” [40, с. 138]. Очевидно, британцы пользовались собачьими упряжками не так успешно, как эскимосы.

Охота благоприятствовала Куку и его спутникам и дальше, настолько, что при выходе к проливу Юрика были “объявлены каникулы. Потребовалось время, чтобы скормить собакам 20 быков и медведя” (редкостный случай в истории полярных экспедиций, как правило страдавших от недостатка, а не от избытка пищи). Причем так обстояло дело на всем пути к крайней северной точке о-ва Аксель-Хейберг – мысу Свартенвог. То же повторилось на подходе к о-ву Шай (Кук установил, что это все-таки полуостров), где снова пришлось объявить “вынужденную стоянку”, так как “только за одну послеобеденную охоту добыли 27 овцебыков и 24 зайца” [Там же].

Весь предварительный этап был выполнен Куком в высшей степени удачно, поскольку проходил по местности, богатой животными. Таким образом, на исходный рубеж Кук и его спутники выходили с солидным запасом провианта на будущее. Продолжительный переход от Анноатока стал для них необходимой тренировкой, позволив втянуться в трудности маршрута, испытать напряжение и приобрести необходимый опыт. При этом не было потеряно время, чему способствовал ранний выход с зимовочной базы в Анноатоке. Свежая мясная пища давала возможность людям полностью восполнять затраты энергии, уходившей на длительные переходы в условиях сильных морозов.

Планирование полюсной операции на основе местной информации, полученной от эскимосов, явилось новаторским шагом, делающим ее отличной от полюсных предприятий предшественников, включая “систему Пири”. Кук со своей идеей использования местных ресурсов явно предвосхитил идею “гостеприимной Арктики” Вильялмура Стефанссона. Возможно, этим и объясняется непримиримая позиция последнего по отношению ко всем заявкам Кука. Была ли эта идея позаимствована из только что опубликованной работы Свердруп или же пришла к исследователю в результате бесед с эскимосами – не вполне ясно. В любом случае благоприятное развитие событий именно на начальном этапе, несомненно, в значительной мере предопределило конечный успех предприятия.

При выходе на мыс Свартенвог проявилась еще одна черта Кука-исследователя: его обостренная наблюдательность в сочетании с широтой кругозора. Последнее проявилось, например, в его описании геологии внутренних районов о-ва Элсмир, где он достаточно свободно оперирует не только возрастными слагающими пород, но и их локальными отличиями: “Я нашел окаменелые пеньки больших деревьев и кусочки лигнита (бурого угля). В доледниковый период эта земля, очевидно, вскармливала богатую растительность, однако теперь являла собой вымороженную безнадежность” [33, с. 130].

Другой пример из области геологии. “Проходя Снегс-фиорд, мы заметили, что геологические породы изменились. (...) Высокие, разработанные ледниками долины с пологими склонами, нисходящими до самого уреза воды, придавали берегам Аксель-Хейберга в проливе Нансен иной вид, отличный от противоположного берега. Всюду мы находили куски лигнита, и по мере нашего приближения к Свартенвогу породы каменноугольного возраста появлялись все чаще” [Там же, с. 143]. Такие описания

являются отличным результатом попутной рекогносцировки, которые могут пригодиться специалистам-геологам. Удивительно другое – все характеристики Куком геологического строения суши по маршруту следования совпадают с современной геологической картой! Определенно, для своего времени он был великолепным полевым наблюдателем, в должной мере не оцененным специалистами.

Однако вернемся в март 1908 года. Казалось, северная оконечность о-ва Аксель-Хейберг сама представляет отдельный островок, где несколько обособленных выходов коренных пород объединялись небольшим участком низкой суши, сложенной, вероятно, рыхлыми отложениями. На очередной стоянке было добыто еще семь мускусных быков и едва ли не сотня зайцев – эта суша на границе с замерзшим океаном произвела на измученных путешественников впечатление оазиса, с которым резко контрастировали мрачные, изъеденные ветрами обрывы мыса Свартенвог на $81^{\circ}20'$ с.ш. Отсюда до полюса оставалось 520 миль (от Анноатока было пройдено только 400 миль).

“Добравшись до края земли, я ощутил, как мое сердце преисполнилось благодарностью судьбе. Мы перенесли жесточайшие штормы. Долгая ночь подошла к концу. Дни стали длиннее и вытесняли своим сиянием укорачивающуюся ночь. С каждым днем солнце, излучая тепло, поднималось все выше и выше над горизонтом навстречу продолжительной вечерней заре, выдержанной в радостных голубых тонах... Наши надежды, подобно надеждам людей на земле, воспряли навстречу солнцу. Мы успешно продвигались вперед по земле, которая давала нам пищу и одежду.

Наши запасы практически оставались нетронутыми. Питаясь в изобилии сырым свежим мясом, мы прекрасно выглядели и словно набирались сил от добытых нами животных. Решимость наделяла нас выносливостью. Наши мускулы сохраняли прекрасную форму, несмотря на трудное непрерывное путешествие” [33, с. 144]. На этом общем благоприятном фоне проходили последние приготовления к последнему броску.

Свое настроение накануне решающего маршрута сам Кук позднее описал следующим образом:

“Когда огромные утесы Свартенвога выросли перед нами, мое сердце запрыгало от радости. Я почувствовал, что первая ступень на лестнице успеха пройдена. Стоя у подножия черных утесов этой самой северной земли, я ощутил, что смотрю на них глазами немало повидавшего человека. Преодолев пролив Нансен, имея слева Свартенвог и высокие нахмуренные утесы

**Мыс Сваргенвог (Столуэрти) – исходный
пункт полюсного маршрута 1908 года**

Лендз-Локк справа, я впервые в жизни смотрел на неровные тяжелые льды полярного моря, по которому, как подсказывала ледовая обстановка, нам придется проделать самую трудную часть путешествия. Вообразите поля битого льда, искрящегося в лучах восходящего солнца как сапфиры. Эти поля вытеснялись медленно к югу сильным течением с севера. Наползая друг на друга, они громоздились зазубренными горами на целые мили вдоль побережья. Как мне было известно, за пределами этого труднопроходимого льда лежали более ровные поля, путешествие по которым, за исключением задержек из-за штормов и разводьев, будет сравнительно легким. (...) Однако прежде всего было необходимо еще раз продумать все детали кампании.

Я решил сократить численность партии до минимума и упростить все снаряжение. Запасные нарты были оставлены на этом мысе в убежище на случай, если при возвращении двое нарт, которые мы брали с собой, придут в негодность. Я решил взять с собой только двоих эскимосов. Внимательно присмотревшись к каждому человеку, я наконец остановил свой выбор на Этукишуке и Авела – двух двадцатилетних эскимосах, которые больше других подходили мне в спутники. (...) В этих двух эскимосских парнях я был уверен – они последуют за мной до пределов моих собственных возможностей” [33, с. 144, 146].

Кук не ошибся и на этот раз. Как обычно, его предвидение не подвело его, по крайней мере в том, что касалось маршрута.

“Мы могли победить либо потерпеть поражение, – писал Кук, – но так или иначе действовать нужно было с ходу. В силу этого самыми ценными качествами в нас становились абсолютное самообладание и способность приспосабливаться к изменяющейся обстановке” [Там же, с. 146].

Наступило время расставаться с преданными эскимосскими друзьями: “Взяв по обыкновению на прощание их руки в свои, я поблагодарил их как только мог за преданную службу. (...) Затем почти при ураганном норд-весте со снегом они повернулись ко мне спиной и двинулись в обратный путь. Кроме снаряжения они взяли с собой немного продовольствия, потому что знали, что на обратном пути можно будет успешно охотиться. Даже тогда, когда они скрылись из виду, сквозь шторм и метель до меня все еще доносились их приветливые голоса” [Там же, с. 148].

Разумеется, в этот момент Кука волновало самое ближайшее будущее, перспективы предстоящего похода. Тем не менее он попытался отыскать склад, который здесь оставил в 1906 году Пирри, но ничего не обнаружил. Конечно, сам Кук никак не думал,

что по возвращении этот неудавшийся поиск каким-то образом может быть поставлен ему в вину. Пока же тревога от предстоящего странным образом переплелась в его душе с подсчетами топлива, провианта и, самое главное, времени, на которое их могло хватить. Он догадывался, что недостаток необходимой информации мог отразиться на его походе самым роковым образом, но этот риск уже не мог его остановить.

Глава 6

Цель достигнута

18 марта 1908 года маленький отряд покинул мыс Свартенвог. Весь груз, размещенный на четырех нартах, включал (из расчета на 80 суток пути) 935 фунтов пеммикана, 50 фунтов мяса овцебыка, 25 фунтов сахара, 40 фунтов сухого молока, 60 фунтов галет, 10 фунтов сухого горохового супа, 50 фунтов “сюрприза”, 40 фунтов бензина для примуса, 2 фунта древесного спирта для его разжигания, фунт спичек. В качестве снаряжения были взяты: примус, три алюминиевых ведра, кружки, миски и ложки, два кухонных ножа, один нож с длинным лезвием, нож-пила для нарезки снежных блоков при строительстве снежных хижин-иглу, два нарезных ружья со 110 патронами к ним, походный топорик, ледоруб, три вещмешка, веревка, кожаные ремни, а также палатка, разборная байдарка, два спальных мешка, подстилки из оленьего меха, ремонтный материал.

Из научного оборудования было взято только самое необходимое: полевой бинокль, карманный компас, жидкостной компас, астролябия с накладным азимутальным кругом, секстан с 7,5-дюймовым лимбом, позволявшим брать отсчеты с точностью до 10", искусственный горизонт, три карманных хронометра Говарда, часы, шагомер, инструменты для топографической съемки, три термометра, один барометр-анероид, фотоаппарат с запасом пленки, записные книжки и карандаши.

Двое эскимосов Кулутингва и Инугито сопровождали полюсный отряд еще три дня, одолев первые 63 мили из 520 на пути к полюсу, а затем отправились за своими товарищами на юг. С ними Кук отправил последние указания Франке – ждать возвращения полюсного отряда до 5 июня в Анноатоке. После этой даты он был волен возвращаться в цивилизованный мир на любом попутном судне. С 20 марта отряд Кука остался наедине с Арктикой – белый американец и эскимосы Этукишук и Авела в качестве каюров и помощников во всем, что касалось двух упряжек, запряженных двадцатью шестью псами.

“Хотя чувство одиночества стало более гнетущим, – писал Кук, – мы получили и некоторые преимущества: наше продвижение стало более безопасным, быстрым и оперативным – это результат сокращения численности участников перехода” [33,

Р и с. 4. Карта полюсного маршрута Ф.А. Кука в 1908 году

с. 153]. Читателю, далекому от реалий полярного маршрута, такая мысль может показаться странной, но с ней согласится любой полевик, имеющий опыт работы в экстремальных условиях.

Как правило, полярные маршруты, тем более по дрейфующим льдам, отличаются удивительным однообразием, когда один

**Спутники Ф.А. Кука в полюсном маршруте 1908 года –
Этукишук и Авела**

день похож на другой. Меняется только счет дням, расстояниям, координатам, записям в дневнике.

Результаты наблюдений выявили некоторые закономерности: оказывается, даже на последних параллелях происходят сезонные изменения, дрейф льдов подчиняется течениям и ветрам,

существуют и другие природные процессы, от которых нередко зависит судьба людей. Все это было уже известно Куку по предшествующим экспедициям (особенно на “Бельгике”), но на этот раз во всем, что не относилось к собачьим упряжкам и строительству иглу, он мог положиться только на самого себя, что порождало особую ответственность, груз которой он не мог не ощущать.

На первом этапе пути человек, приспособившись к условиям Арктики, испытывает зачастую запредельные нагрузки, на что его организм тут же начинает по-своему реагировать. Из-за чрезмерной усталости отключается аппетит, вследствие чего не происходит достаточного восполнения энергетических затрат, возникает продолжительная изматывающая бессонница, и отдых в спальном мешке не избавляет от накопившейся усталости. Еще – особая полярная жажда, когда кружка чая на привале – уже роскошь (недостаток влаги приводит к постепенному обезвоживанию организма, со всеми вытекающими отсюда последствиями). Наконец, полярник в маршруте страдает от сырости, с потом и изморозью проникающей во все самые дальние закоулки меховой одежды и спального мешка, от которой при недостатке тепла избавиться практически невозможно. Постепенно человек лишается последнего минимума комфорта, необходимого, чтобы выполнять свои тяжкие обязанности, и его жизнь превращается в сплошную цепь испытаний, терпения и надежды на более сносное будущее. Но если американец в перспективе мог рассчитывать на славу и признание соотечественников, то бедные эскимосские парни, работавшие за конкретную плату, воспринимали весь поход как некую причуду белого человека, до которой им не было дела. Такая разница в психологическом настрое проявилась уже в ближайшее время, задолго до пика испытаний, на которые так щедро Арктика.

Преодолевая физические и психологические перегрузки, тяжесть монотонности существования, исследователь должен фиксировать свои наблюдения природных явлений и ситуаций, которые и определяют научную результативность маршрута. Куку это удавалось достаточно часто, что подтверждается многими примерами, начиная с первых дней похода: “Обширные поля мощного, похожего на глетчерный, льда уступили место полям, меньшим по площади и с менее мощными льдами. Они были отделены друг от друга полосами битого льда, который имел вид гребней сжатия” [33, с. 150]. Эти простые фразы из его книги-отчета заключают для специалиста глубокий смысл, поскольку описывают льды разного генезиса. В первой фразе речь идет о так называемом шельфовом леднике, связанном с

сушей, и состоянии морского льда. Вторая фраза – описание особенностей контакта между ними в виде валов торшения. Все это важнейшие особенности природной обстановки, ставшие достоянием ученых только спустя полвека после проведения сначала аэрофотосъемки, а затем детального дешифрирования полученных аэрофотоснимков. Упомянутая нами книга Кука является одним из самых богатых источников для оценки результатов дешифрирования.

Простая деталь, отмеченная 21 марта (“лед расстилался перед нами голубыми волнами”), отражает важнейшую особенность, присущую именно шельфовым ледникам: волнистый характер поверхности, что также в полной мере выяснилось только после аэрофотосъемки 50-х годов. Таким образом, уже с самого начала полюсного маршрута Кук приводит такие детали природной обстановки, взаимосвязанные и взаимодополняющие, придумать которые, не видя их на местности, просто невозможно; это в полной мере относится и к участку шельфового ледника в районе мыса Свартенвог. В этом его маршруте проявилась крайне обостренная наблюдательность Кука, впервые отмеченная нами при описании событий на “Бельгике” и подтвержденная Амундсеном, а также теми, кто отслеживал его маршрут на подходах к Мак-Кинли (Вааль, Хекаторн). Это качество присутствовало у него ранее, но в полюсном маршруте оно проявилось особенно отчетливо. Для полярного исследователя начала XX века, слабо оснащенного инструментами для наблюдений за состоянием природной среды, это было важнейшее качество. Практически полностью оно отсутствовало у Пири, в чем читателю нетрудно убедиться по книгам последнего. Необходимо отметить, что Кук описывал особенности таких природных явлений, генезис которых стал более или менее понятен только полвека спустя, что явилось подтверждением не только его незаурядных качеств исследователя, но также самого факта его пребывания в местах, которые он описал. При этом на пути к полюсу он фиксировал не только особенности морфологии льдов различного генезиса, но и внешнее проявление процессов в океане.

22 марта по направлению движения Кук и его спутники увидели “водяное небо” – темную облачность над большими пространствами открытой воды. Это был первый признак Большого разводья – полыньи на границе относительно неподвижного прибрежного припая и дрейфующих льдов Центрального Арктического бассейна (подобную картину наблюдал впервые на “американском пути” в 1906 году Пири): “Извиваясь змеей между белыми полями паковых льдов, впереди виднелась темная полоса свободной воды в несколько миль шириной, которая, как показалось

мне в то мгновение, надежно преграждала нам путь. Это была Большая полынья – огромная река, отделяющая береговой припай от обширных перемолотых сжатием паковых полей центрального бассейна, лежащего за ее пределами... Я ощутил ужас и сердечную слабость...” [33, с. 158].

Воспользоваться байдаркой при температуре -44°C было слишком рискованно. Мороз способствовал образованию ледяных перемычек в разводье, там, где скапливались обломки льда. Оставалось дожидаться, когда такие, не слишком надежные мостки-перемычки обретут необходимую прочность. После суточных поисков подходящее место было найдено. “Мы благополучно преодолели две мили, однако ощущение было такое, – писал Кук, – что этот зигзагообразный путь длился годы, полные тревог и волнений” [Там же, с. 162].

Астрономические наблюдения после форсирования полыньи показали положение отряда на $83^{\circ}31'$ с.ш. и $96^{\circ}27'$ з.д. В отличие от Пири Кук определял как широту, так и долготу, причем последующие события показали, что он был хорошим штурманом. Во всяком случае, небольшие отклонения в его наблюдениях по долготе (естественные, когда маршрут проложен по меридиану) показывают, что он достаточно четко выдерживал направление, при необходимости корректируя его с учетом дрейфа. (На обратном пути, когда он не имел обсерваций – астрономических наблюдений – на протяжении длительного времени, он не смог скорректировать влияние дрейфа, что едва не привело к гибели отряда.)

На исходе марта полюсный отряд оказался в очень динамичной части океана, где одна подвижка льдов следовала за другой. “Рано утром 25 марта шторм прекратился так же внезапно, как и начался. Воцарилась тревожная тишина. Казалось, будто шторм, уловив мои мысли, лишь приостановился для того, чтобы придумать еще более ужасное злодеяние. Отчаянно завывали собаки, будто на них напал медведь. Схватив ружья, мы выбежали из иглу. Зверья поблизости не оказалось” [33, с. 165]. Однако псы правильно почувствовали приближение беды, и она не заставила себя ждать, выбрав время, когда смертельно уставшие люди погрузились в сон. Дальнейшее развитие событий Кук описал так: “Должно быть, я пребывал в забытии несколько часов, но когда неожиданно открыл глаза, ужас охватил мое сердце. Громкие взрывы отдавались эхом у меня над головой. (...) Я лежал неподвижно, размышляя, уж не приснилось ли мне это. Ошеломленный, я услышал под собой серию отдающих эхом громоподобных звуков, почувствовал, как лед заходил ходуном, и ощутил внезапное головокружение, которое испытываешь на раскачивающемся корабле в море. <...> В то же самое мгновение купол снежно-

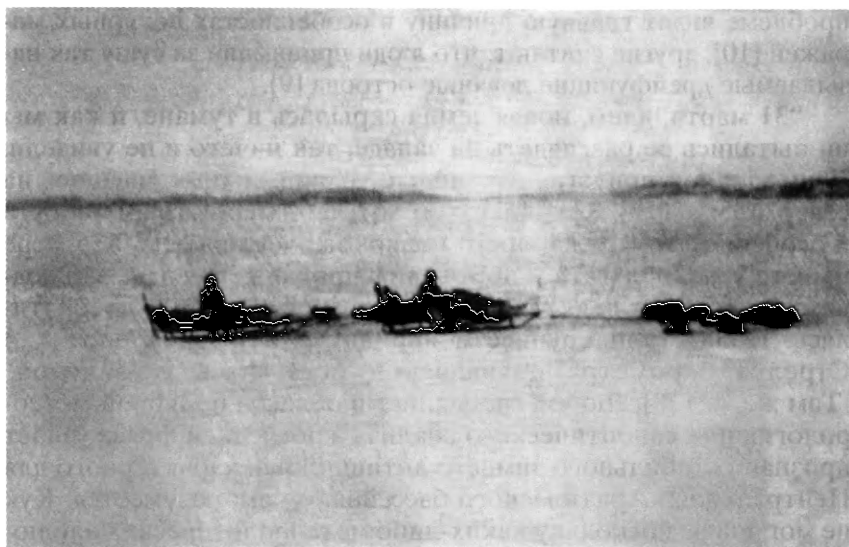
го дома раскрылся над моею головой, и я успел разглядеть подернутое золотом небо. <...> Я ощутил захватывающее дух падение, а затем, к моему неописуемому ужасу, мне все тело что-то сдавило, словно я оказался внутри холодной стальной раковины, которая, сжимаясь, перекрыла мое дыхание, чтобы выгнать из меня саму жизнь.

Еще мгновение, и стало ясно, что трещина прошла как раз там, где лежал я, и я, совершенно беспомощное создание, в своем спальном мешке при температуре -48°F (-45°C) барахтался в морской воде, а сверху на меня валились снежные блоки иглу, лед и снег“ [Там же, с. 166].

Подобное повторилось три дня спустя. “...Я был разбужен, – писал Кук, – падающими на меня снежными блоками. С трудом высунув голову из своего облепленного снегом капюшона, я увидел серое, подернутое облаками небо. Купол иглу куда-то смело. <...> Вокруг меня на многие мили расстилались пустынные снежные белые просторы” [Там же, с. 172]. Хотя на этот раз обошлось без купания в ледяной воде, опасность активных процессов в океане оставалась для Кука непонятной, тогда как раньше он связывал ее со штормовой обстановкой. Однако уже в ближайшие дни ситуация изменилась к лучшему, и дальше маршрут проходил в более спокойных условиях. Следует отметить, что Пири учитывал подобную опасность и в походе по морским льдам отказался от использования спальных мешков, предпочитая пользоваться одеялами и подстилками из оленьих шкур.

На полпути к цели однообразие тяжелейшего маршрута было неожиданно нарушено событием, которое впоследствии многие годы вызывало толки и дискуссии среди полярников разных стран. В своей книге Кук описал его следующим образом: “...30 марта небо на востоке покрылось синими полосами. <...> Полные таинственности небеса на западе прояснились. К моему удивлению, под ними открылась новая земля. <...> Насколько я мог заметить, земля представляла собой непрерывное побережье, которое простиралось примерно в 50 милях к западу, параллельно нашему маршруту. Она была покрыта снегом, льдом и совершенно пустынна. Однако это была настоящая земля... <...> У нас тут же возникло неодолимое желание ступить ногами на эту землю, но я понимал, что удовлетворить его – значит отклониться от прямого пути к цели. В любом случае задержка сулила новые опасности, да и запас продовольствия не позволял нам выкроить время для исследования новой земли.

Эта новая земля никогда не обозначалась отчетливо. Низкий туман, исходивший, по-видимому, от открытой воды, скрывал

**Так выглядела Земля Брэдли –
искаженные рефракцией торосы по горизонту?**

очертания берегов. Мы видели только верхние склоны. Отчетливо наблюдались два массива земли. (...) Мы наблюдали эту землю настолько редко, что так и не смогли определить, состояла ли она из островов или же из обширного цельного массива. Это едва видимое побережье... напоминало о-в Аксель-Хейберг. Я оценил высоту ближайшего побережья примерно в тысячу футов, и мне казалось, что оно покрыто льдом. Я записал на карте название “Земля Брэдли” – в честь Джона Ар. Брэдли, благодаря щедрости которого стала возможной первая стадия экспедиции. Открытие этой земли в самый нужный момент сыграло роль положительного заряда, который ободрил нас в наших условиях, сгладив отрицательный эффект, вызванный неделей, насыщенной штормами и всяческими трудностями” [33, с. 174–177].

Примечательно, что последующие исследования не обнаружили суши западнее координат, определенных в полдень 30 марта 1908 года: $84^{\circ}50'$ с.ш. и $95^{\circ}36'$ з.д. Однако это обстоятельство не дает оснований для обвинения Кука в сознательной подтасовке или фальсификации, по той простой причине, что в Арктике в разное время и разными исследователями (включая Пири в случае с Землей Крокера) была обнаружена “чертова дюжина” подобных “земель”, отчего они и заслужили у ученых определение “проблематические” и долгое время обозначались на картах “сс” – существование сомнительно. Большинство специалистов по этой

проблеме видят главную причину в особенностях полярных миражей [10], другие считают, что люди принимали за сушу так называемые дрейфующие ледяные острова [9].

“31 марта, днем, новая земля скрылась в тумане, и как мы ни пытались ее разглядеть на западе, так ничего и не увидели. День за днем, прилагая отчаянные усилия, мы пробивались на север” [33, с. 177]. Кук продолжал отмечать события маршрута и особенности окружающего полярного ландшафта: “По мере нашего удаления от Земли Брэдли и продвижения на север подвижка пакового льда, вызванная близостью земли, прекратилась. Поля стали крупнее и причиняли меньше хлопот. (...) Стрелка барометра поднялась и оставалась устойчивой” [Там же, с. 178]. Любой специалист в области полярной метеорологии или синоптического анализа в последней фразе узнаёт признаки стабильного зимнего антициклона, характерного для Центрального Арктического бассейна, о чем, разумеется, Кук не мог знать, поскольку каких-либо метеорологических наблюдений в этой части Арктики не проводилось. То же относится и к характеру морского льда, поскольку полюсный отряд миновал уже своеобразный “стрежень” южной ветви круговой системы дрейфа (о чем опять-таки Кук не подозревал), неумолимо сносившего его (как и Пири в 1906 году) к западу. Как раз на этом-то стрежне с его активными процессами и произошло разрушение иглу, описанное выше. Теперь же полюсный отряд оказался в относительно спокойной, застойной зоне системы океанических течений. (О существовании ее догадывался гидрограф экспедиции Академии наук под начальством Эдуарда Васильевича Толля, молодой морской офицер Александр Васильевич Колчак, см. об этом: 26.)

Между тем напряжение начало сказываться на состоянии людей. “Мое натруженное тело молило о сне, однако мозг запрещал смыкать глаза. (...) Всякий, кому доводилось страдать от бессонницы, когда сон становится невозможным, сможет хоть в какой-то степени представить себе мое состояние. Достичь цели путешествия – эта мысль преследовала меня словно призрак во время моего вечного бдения” [Там же, с. 178]. Работая на пределе своих физических возможностей, они в то же время не получали необходимого отдыха. В результате притуплялись их чувства и эмоции, и перспектива достижения цели уже не стимулировала их духовной активности, а только заставляла тупо следовать по избранному направлению, доверяясь приборам и промерзшему светилу в разрывах тумана или облачности. “По мере того как мы углублялись в эти стерильные просторы, наши ищущие глаза с жадностью обыскивали сумеречные морозные равнины, но не

Типичные многолетние льды по маршруту Ф.А. Кука

находили там ни крупницы жизни, которая могла бы скрасить пурпурную дорогу смерти.

Во время этих отчаянных маршей, когда мои ноги ступали механически, мои глаза изо всех сил старались отыскать хоть что-нибудь, на чем можно было бы остановить мысли. (...) Только катастрофа, неожиданное, ошеломляющее препятствие, страх перед возможным поражением смогли бы пробудить меня к интенсивной умственной деятельности, к эмоциональному отчаянию” [Там же, с. 179].

В своем стремлении к полюсу Кук и его спутники пересекли северную ветвь того самого кругового дрейфа льдов и сопутствующего им течения, которое так безжалостно разрушило их иглу 25 и 28 марта на юге. Но на этот раз ничего подобного не произошло. В чем же дело?

В своем полевом дневнике Кук 11 апреля в точке $87^{\circ}20'$ с.ш. и $95^{\circ}19'$ з. д. отметил подвижки пака, наряду с тем, что “старые поля встречаются все более регулярно” [Там же, с. 329]. По современным данным, указанный пункт приходится как раз на северную ветвь, здесь-то и можно ожидать признаков активности, аналогичных тем, которые были описаны им в последних числах марта, причем оценки Кука достаточно противоречивы. “Мы миновали самые высокие широты, которых когда-либо достигали наши предшественники. Зов Крайнего Севера на короткое время воодушевил меня” [Там же, с. 189]. Однако уже на следующий день в его полевом дневнике появляются следующие записи: “Мысли о возвращении. Запас продовольствия уменьшается. Надеюсь экономить в теплую погоду” [Там же, с. 329]. И тут – неожиданное: “Очень тяжелый лед. Сильно напоминает материковый... (...) Все тот же тяжелый, похожий на глетчерный лед” [Там же, с. 329]. В книге о событиях за эти числа он написал более подробно: “...за двое суток мы прошли от 87-й до 88-й параллели по льду, вовсе лишенному торосов и линий сжатия. Нельзя было не только различить границы отдельных полей, но и установить, на каком, морском или материковом, льду мы находились... Лед имел прочную волнистую (!) поверхность глетчера с редкими поверхностными трещинами. Вода, которую мы получали из этого льда, была пресной. (...) Я склонен думать, что это был лед, лежавший на низкой суше или даже на отмели” [Там же, с. 190]. О суше или отмели в указанных местах речи быть не может, поскольку современные карты здесь показывают глубины не менее трех тысяч метров. В этой части Арктики Кук столкнулся с новым природным явлением. Не зная его происхождения, он тем не менее сумел четко выделить его из окружающей массы морских льдов. Подобные массивы прочного волнистого льда

материкового происхождения спустя сорок лет после походов Кука были названы дрейфующими ледяными островами с указанием места их образования в виде обломков шельфовых ледников, один из которых Кук наблюдал у северных берегов о-ва Аксель-Хейберг. Таким образом, Кук еще раз продемонстрировал редкую наблюдательность, которая ставит его в ряд с самыми выдающимися исследователями Арктики.

Между тем в отряде назревал кризис. Если в первый день пути по ледяному острову была пройдена 21 миля (39 км), то во второй – только 17 миль (32 км), причем по вполне сносной поверхности. “У нас не было возможностей для умственной разрядки, – писал позднее Кук, – не было ничего, что вывело бы наши души из состояния оледенения. Есть, спать, бесконечное число раз переставлять ноги вперед одну за другой – это было все, на что мы были способны. <...>

Ежедневно мы испытывали такое физическое напряжение, какое невозможно ни описать пером, ни изобразить кистью. <...> На меня еще действовала притягательная сила конечного успеха, но для моих молодых товарищей все это было пыткой” [33, с. 191].

Утром 13 апреля, как только лагерь был свернут и сани загружены, у обоих эскимосов произошел настоящий нервный срыв. “Я никогда не забуду печальную группу людей – кошмарную картину отчаяния, словно олицетворяющую поражение человека, конец его устремлений в тот час, когда победа уже так близка. Авела, изможденный полуголодным существованием человек в истрепанных мехах, лежал ничком на нартах, сломленный, лишенный мужества. Мне до сих пор слышатся его прерываемые рыданиями слова, я, как сейчас, вижу слезы... Я вижу Этукишука, с вожделием смотрящего на юг, мрачного, исхудалого, тяжело вздыхающего по дому, по своей возлюбленной. ...Момент был критический. ...Мы, находясь на пределе человеческой выносливости, крайним напряжением воли вынуждали наши натруженные ноги двигаться вперед. <...> Я подбадривал своих спутников как только мог, заставил их поверить в то, что наша цель постоянно приближается...

– Завтра станет лучше, – настаивал я, пытаюсь изобразить на своем лице улыбку. – Веселее!

Я простер руку в сторону полюса, загнул пять пальцев один за другим, пытаюсь довести до сознания товарищей мысль, что через пять ночевок Большой гвоздь будет достигнут, и тогда мы повернем назад – я указал направление к дому” [Там же, с. 192–193].

Постепенно Куку удалось вернуть своим спутникам утраченное мужество. Что следует отметить особо, в данном случае при-

несла свои плоды используемая Куком тактика “уговоров”. Это тем более важно отметить, поскольку спустя год в экспедиции Пири попытка силового воздействия на эскимосов завершилась трагедией (см.: гл. 8). С самого начала Кук влиял на своих спутников личным примером, и такое решение оправдало себя.

Помимо того что конечная цель маршрута оставалась для спутников Кука лишённой здравого смысла, их пугало не только возрастающее удаление от суши (хотя Кук нередко намеренно вводил их в заблуждение, выдавая за признаки суши низкие темные облака по горизонту), но и непонятное равномерное движение солнца по небосводу, в условиях недавнего равноденствия, сильно отличавшееся от того, к которому они привыкли в родных местах. Это сбивало с толку смертельно уставших молодых эскимосов, внушая им страх перед неизвестными явлениями.

На следующий день изменился характер льда: “Рядом с большим полем лед мельче. Разводья” [Там же, с. 329]. Отряд закончил пересечение ледяного острова и вышел на обычный морской лед. Кук стал замечать признаки недавней активности льда – по оценкам специалистов по льдам, события только так и могли развиваться.

С каждым днем цель приближалась. 14 апреля отряд остановился на ночевку в точке с координатами 88°21′ с.ш., 95°52′ з.д. “Стиснув зубы, вооружившись новой решимостью, мы продолжали путь, одну за другой поглощая последнюю сотню миль. Все больше и больше собак попадало в желудки своих голодных собратьев, однако на каждые нарты приходилось достаточно тягловой силы” [Там же, с. 195]. Чтобы выжить людям, должны были умереть собаки...

Хотя 15 апреля Кук не отметил каких-либо изменений льда, все же по мере приближения к цели наметились новые нюансы в режиме льда – по своей динамике он больше напоминал пройденную спокойную застойную зону, менее подверженную внешним воздействиям на своеобразном “ледоразделе” двух главных динамических систем Северного Ледовитого океана. Наблюдения Кука (“от 88-й до 89-й параллели лед лежал большими, более ровными полями, чем это было южнее” и др.) подчеркивают остроту его наблюдательности. То, что он не дает причину такого явления, вполне понятно – требовать большего от человека, находящегося в состоянии величайшего напряжения сил, физических и духовных, невозможно!

Разумеется, в сравнении с непрерывным потоком современных данных (прежде всего космических) подобная информация выглядит жалкими каплями, но эти жалкие капли были самыми первыми. Есть, правда, одно обстоятельство, к которому мы

должны будем вернуться: информация эта не была вовремя использована, но это уже не вина Кука.

Погода 19 апреля выдалась превосходная, практически безветренная, солнце уже пригревало настолько, что, завершив переход, решили спать не в иглу, а в шелковой палатке. После ужина эскимосы отправились спать, а Кук принялся за астрономические наблюдения. Полученные результаты – $89^{\circ}31'$ с.ш., $94^{\circ}3'$ з.д. – заставили его забыть об усталости. “Я отложил в сторону инструмент, записал цифры расчетов в записную книжку. Затем, словно зачарованный, смотрел на цифры. Мое сердце забилося в груди, голова закружилась от возбуждения. Ликуя, я поднялся на ноги. Мы были в 29 милях от полюса.

Я, кажется, наделал шума в маленьком лагере. Этукишук проснулся, приподнялся и протер глаза. Я сказал ему, что за два обычных перехода мы, вероятно, сможем достигнуть Большого гвоздя. Он вскочил на ноги, закричал от счастья и, не слишком нежно пнув ногой Авела, сообщил ему радостную новость.

Вместе они поднялись на торос и в бинокль попытались отыскать такое важное место, как земная ось!” [Там же, с. 199].

Близость цели стимулировала усилия людей, что не забыл отметить Кук: “Эта радость была первым проявлением положительных эмоций, которые прорвались наружу за последние недели” [Там же]. Достигнутый рубеж стал достойным поводом, чтобы приготовить внеочередной котелок чая, а затем и похлебки из пеммикана. Полакомились и галетами, не забыв, впрочем, прибереечь кое-что и для полюсного банкета. Этот кутеж выглядел скромнее, чем иные торжества в “Уолдорф Астории” или в “Яре”, но зато в каком месте он состоялся!

Кук понимал, что его достижение не могло состояться без помощи этих обросших, прокопченных эскимосских парней, – это неоднократно он подчеркивал на страницах своей книги.

Цивилизованный гражданин Соединенных Штатов и двое представителей племени, обреченного существовать где-то на полярных задворках планеты, здесь, на вершине планеты, образовали некое активное человеческое подразделение, добившееся того, чего не удавалось сотням их предшественников, среди которых было немало самых достойных и ярких личностей. Они совершили нечто недоступное другим, проложив для остального мира тропу в неведомое, и смысл совершенного начал постепенно доходить до них.

“Мы исхудали, наши обмороженные и изборожденные шрамами лица были обожжены, высохли. Одежда безобразно висела на нас. Однако никогда еще людям не приходилось испытывать

такой гордости, какую испытывали мы, делая свои последние шаги на вершину мира!” [33, с. 201].

Долгожданный день настал 21 апреля 1908 г. “После первых удовлетворивших меня наблюдений я окинул пытливым взглядом пустынные просторы. Первое осознание победы – достижение всей моей жизни – заставило мое сердце бешено забиться в груди и словно огнем опалило мой мозг. Я ощутил, как меня осенили крылья славы, подобной той, которая является пророку и о которой иногда тщетно мечтает поэт” [Там же, с. 203].

Судя по книге-отчету, его мысли были обращены к предшественникам, причем в весьма интересном контексте. “Я осуществил их мечты. Я увенчал успехом усилия тех храбрецов, которые потерпели неудачу. Я безоговорочно оправдал принесенные ими жертвы и саму их смерть. Я показал человечеству его триумф над враждебной ему, смертоносной природой. Мне чудилось, будто души погибших торжествовали вместе со мной” [Там же, с. 204].

Наконец, пейзаж полюса: “Небо было почти чистым. Темное, пурпурно-синее с жемчужным отсветом льда или серебристым его отражением, оно простиралось на восток. На западе оно было словно задымлено и обозначалось темными узкими полосами неопределенных очертаний, что указывало на сплошные льды или землю в направлении Берингова моря и активный пак с пространствами открытой воды в стороне Шпицбергена. К северу и югу над горизонтом в виде длинных винного цвета знамен с рваными краями, подернутыми золотом, раскинулись облака. Лед вокруг нас был почти такой же, как на 88-й параллели. Он проявлял большую активность, и свежие трещины, напоздания и образования молодого льда говорили о недавней подвижке.

Поле, на котором мы расположились лагерем, было примерно три мили в длину и две в ширину. Толщина льда на кромке свежей полыньи – 16 футов. Самый высокий торос возвышался на 28 футов над уровнем воды. Снег лежал тонкими, похожими на перья, кристаллами без обычной корки на поверхности. Под слоем рыхлого снега толщиной три дюйма была “подповерхностная корка”, достаточно прочная для того, чтобы выдержать вес человека. Под ней находились другие слои, тоже покрытые коркой, и пористый ноздреватый снег в виде грубых кристаллов. Общая толщина всего снежного покрова – 15 дюймов” [Там же, с. 205].

Если перевести описания Кука на современный научный язык, то можно получить реальную природную информацию, касающуюся и активности пака, и продолжающегося ледообразования на участках открытой воды, и описания форм льда. Как нужна была подобная информация во время первых посадок са-

молетов в районе полюса! Скольких бед и сомнений избежали бы первые храбрецы, опробовавшие прочность льда прочностью собственных нервов. Именно Куку принадлежит, судя по приведенным выше строкам, первое описание снежно-фирновой толщи на полюсе. А это не только физические характеристики для оценки пробега лыжного шасси после посадки самолета или скольжения транспортных саней, но еще и – судя по наличию ледяных прослоев – свидетельство частых вторжений теплых циклонов в район полюса. Как это было нужно для планирования первой папанинской дрейфующей станции! Действительно, его 15 дюймов (около 38 см) снежно-ледяной толщи – это остаток того, что накопилось в зимнем сезоне 1907–1908 гг. Правда, Кук не проводил измерений плотности слоев этой толщи, но, исходя из современных данных, мы знаем, что они колеблются в пределах 0,3–0,4 г/см³. Тогда суммарное количество осадков, накопившихся в сезоне на полюсе, составит $38 \times 0,35 = 140$ мм – близкое к тому, что показано в новейшем “Атласе Арктики”.

Его визуальные наблюдения в то время, разумеется, имели второстепенное значение по сравнению с астрономическими определениями местоположения отряда: Кук, конечно же, понимал, что основные вопросы по возвращении ему будут задавать прежде всего о точности определения им координат. В путешествиях и плаваниях начала века визуальные наблюдения еще не исчерпали себя, а опытный полевик-наблюдатель не пренебрегает ими и в наше время, особенно на начальной стадии разведок и рекогносцировок. Как показала дальнейшая история полярных исследований, именно такой рекогносцировкой и стало пребывание Кука на Северном полюсе в апреле 1908 года, и не его вина, что ее результаты по многим причинам на полвека оказались невосстановленными.

“Приведенная здесь серия наблюдений, – пишет по поводу полюсных обсерваций Кук в своей книге-отчете, – проделанных через каждые шесть часов, начиная с полудня 21 апреля до полуночи 22 апреля 1908 года, установила наше местоположение с достаточной точностью.

Конечно, цифры не дают точной позиции при нормальном спиралеобразном восхождении солнца, которое составляет примерно 50 секунд в час или пять минут за каждые шесть часов. Неизвестная величина поправки на рефракцию и дрейф льда вообще не допускают высокой точности наблюдений. Поэтому эти цифры представлены здесь не с целью доказательства абсолютной точности... а чтобы удостовериться, что мы приблизительно достигли того места, где солнце в течение всех 24 часов в сутки кружит в небе по линии, параллельной горизонту” [Там же,

Apr. 21 '08 Sid. Long 97 W.
 Temp. 37.7 (L. alt. H.)

 Alt. 2 23.33-25
 + 2
 2/23 35 25
 11 47 42.5
 + 15 5.0
 10 32 37.5
 - 9
 11 34 38
 78 5 22
 11 54 23
 89 59 45

Записи астрономических наблюдений на полюсе

с. 213]. Последнее суждение достаточно условно, поскольку по его же собственным наблюдениям высота солнца над горизонтом все же менялась в пределах 15 мин, что для глаза практически незаметно.

По мере развития навигационных методов, в первую очередь определения координат астрономическими наблюдениями, точность их возрастала, особенно в последние десятилетия, но она никогда не будет абсолютной, что понятно специалистам. На рубеже XIX и XX веков опытные штурманы довольно уверенно определяли местоположение судна в океане (причем аналогичными методами, какими пользовался и Кук) с точностью 2–3' дуги меридиана, принятых за морские мили. В Арктике эта задача осложнялась местной спецификой, одним из проявлений которой была упомянутая Куком рефракция. Тем не менее у нас нет оснований считать, что ошибки при определении местоположения у Кука превышали 10', или 10 морских миль, что, с точки зрения географа, непринципиально для проблемы достижения полюса. Как мы увидим ниже, Кук подтвердил свою высокую квалификацию навигатора: возвращаясь с полюса, он, не имея обсерваций

на протяжении трех недель, даже при неверном учете дрейфа все же выдержал направление движения, с ошибкой не более 50 миль, что гораздо меньше, чем у Пири в 1906 году (см.: гл. 7).

После того как миновала эйфория победы, настроение Кука изменилось: “В то время как мои глаза, обозревая расстилавшуюся вокруг серебристо-пурпурную пустыню, искали хоть какой-нибудь объект, на котором можно было остановить взор, я ощутил жалкое чувство неприкаянности, невыносимого одиночества. Я не мог говорить на эту тему со своими спутниками. Они бы не разделили мои мысли и эмоции. Я был одинок. Я был победителем. Однако какой ужасно чуждой показалась мне эта победа! Вокруг нас, единственных созданий из трепетной плоти, не было ни признака жизни, ничего, что могло бы скрасить эту монотонность мира льда. Дикое, нестерпимое желание поскорее вернуться к земле охватило меня” [Там же, с. 222]. Именно это последнее желание и оказалось единственным пунктом, в котором совпали устремления всех участников полюсного похода.

Реакцию своих спутников на достижение полюса Кук описал так: “Мои эскимосы были явно озадачены и никак не могли постичь, какую же выгоду можно извлечь, достигнув пресловутого Tigi shu (Большого гвоздя), они никак не могли, даже из уважения ко мне и моим суждениям, скрыть своего разочарования, и их изумление забавляло меня. (...) Они все же считали, что раз уж Большой гвоздь куда-то исчез, они все же станут свидетелями того, как он вернется на прежнее место в конце концов” [Там же, с. 207–208].

“После того как улеглось первое возбуждение, вызванное достижением цели, – писал Кук о последних часах пребывания на полюсе, – после отдыха и проведенной работы приподнятое настроение иссякло. Пока мы крепили наши пожитки на нартах, я, как ни пытался, уже не мог вызвать в своей душе ощущения новизны. Опьянение успехом прошло. Я полагаю, что сильные эмоции неизменно сопровождаются обратной реакцией. Нам, утомленным, вдруг открылась бесполезность всего содеянного, и ощущение пустоты стало наградой за перенесенные труды – вот что последовало за восторгами. Я получил свое” [Там же, с. 221]. Последнее суждение Кук высказал, не подозревая о том, что ожидает его по возвращении в цивилизованный мир. Все же мысль о том, “почему эта точка на Земле вызывала у людей такой энтузиазм”, не оставляла открывателя.

“Прежде чем тронуться в обратный путь, – продолжает Кук описание полюсной эпопеи, – я заложил в металлический пенал записку, написанную накануне, и захоронил его в полярных снегах. Конечно, я знал, что этот пенал не долго будет оставаться у

полюса, так как лед медленно дрейфовал. Я чувствовал, что очень важно узнать направление дрейфа льда, и пенал, если его отыщут на юге, укажет его. Вот точная копия записки:

21 апреля. Северный полюс

В сопровождении двух эскимосских юношей Авела и Этукишука сегодня в полдень я достиг 90° северной широты – места в Полярном море в 520 милях к северу от Свартенвога. Мы были в пути 35 суток. Надеюсь завтра выйти обратно курсом немного западнее того, каким мы шли на север.

Вдоль 102-го меридиана между 84-й и 85-й параллелями была открыта новая земля. Лед в довольно хорошем состоянии; сжатие не вызывает хлопот, полыньи небольшие, снег плотный. Мы в добром здравии, у нас есть продовольствие на сорок суток. Если придется пожертвовать собаками, мы сможем продержаться еще пятьдесят-шестьдесят суток.

Эта записка вместе с небольшим американским флагом вложена в металлический пенал на дрейфующем льду.

Буду благодарен за его возвращение в Международное бюро полярных исследований в Королевскую обсерваторию в Аккле, Бельгия.

Фредерик А. Кук [33, с. 222–223]

Глава 7

Наперегонки со смертью

Повернувшись спиной к полюсу, Кук ясно понимал, что сможет вернуться к передовым складам продовольствия и всего необходимого, оставленным на мысе Свартенвог, не раньше первых чисел июня – т.е. уже в разгар таяния, что предвещало тяжкие условия пути по дрейфующим льдам. При этом активность пака и наличие дрейфа делали возвращение по прежним следам невозможным. Тем самым практика, использованная Пири в 1906 и 1909 гг. (см.: гл. 8), отвергалась как абсурдная.

С самого начала возвращение с полюса приобрело характер состязания “наперегонки со смертью”. Впереди Кука и его эскимосов ожидала неизвестность, а пока надо было ценой невероятных усилий вырывать у нее труднейшие мили ледового похода. Неудивительна поэтому та скрупулезность, с которой Кук вел им счет день ото дня. “24-го мы продвинулись на 16 миль; 25 – на 15; 26, 27 и 28-го – на 14 миль. Затеплившийся в наших сердцах огонек надежды на скорую встречу с близкими и домом разогнал ощущение невыносимой усталости” [33, с. 224]. Итоги на конец апреля, действительно, выглядели обнадеживающими: “30 апреля шагомер зарегистрировал 121 милю, и по нашей системе счисления, которая обычно не подводила нас, мы получили широту $87^{\circ}59'$, долготу 100° . Астрономические наблюдения показали широту $88^{\circ}1'$, долготу $97^{\circ}42'$. Нас относило на восток со все возрастающей скоростью. Для того чтобы скомпенсировать этот дрейф, мы двинулись на юг, отвернув немного западнее” [Там же, с. 225]. Это так не похоже на метания Пири, возвращавшегося из своего неудавшегося полюсного похода в 1906 г.

Обращает на себя внимание хорошее совпадение координат, определенных Куком как по счислению, так и по обсервациям. Причем упоминание о восточном дрейфе здесь вполне логично – на этом участке обширной круговой циркуляции в американском секторе Арктики по всем солидным источникам [5, 6, 21, 22] дело так и обстоит, но суть, однако, заключается в том, что Кук зафиксировал эту особенность режима океана впервые, и не только эту.

Его указание на то, что в районе 88-й параллели они преодолели большие массивы тяжелого льда, очень важно, поскольку

совпадает с его же наблюдениями на пути к полюсу 12 апреля, описанными выше. Это неудивительно, поскольку отряд вновь вышел на дрейфующий ледяной остров с его характерной поверхностью, о чем свидетельствуют следующие строки: “Очень тяжелый гладкий волнистый лед, не заторошенный, как на юге” [33, с. 331]. Действительно, первые торосы, характерные для морского льда, в записях Кука упоминаются только 4 мая, и, таким образом, их отсутствие можно объяснить только тем, что на обратном пути с полюса отряд Кука повторно пересек дрейфующий ледяной остров, на котором он уже побывал на пути к полюсу 12–13 апреля. Для нас важно, что Кук не только обнаружил неизвестный ранее природный феномен в неизвестной ранее акватории Северного Ледовитого океана, но и приводит ряд характеристик, позволяющих оценить масштаб природного явления в этой части Арктики, в первую очередь дрейфа, как и размеры самого дрейфующего ледяного острова, хотя бы приближенно.

Эти размеры несколько превышают известные современные, что также неудивительно, если учесть “молодость” этого ледяного образования. Как известно, в начале XX столетия в связи с подъемом уровня Мирового океана разрушение концевых частей ледников, достигавших моря, отмечено было повсеместно, от берегов Антарктиды (в заливе Фазель в 1912 году) до Новой Земли, где исчезновение Большого Ледяного мыса в 1910 и 1913 гг. наблюдали В.А. Русанов и Г.Я. Седов. Массовый сброс гренландских айсбергов на просторы Мирового океана привел к их выходу на трансатлантические рейсовые линии, что в конечном итоге и стало причиной гибели “Титаника” в апреле 1912 года. Известно, что по сравнению с другими ледниками шельфовые у северного побережья островов Канадского Арктического архипелага отличаются повышенной неустойчивостью, и поэтому они первыми отреагировали на изменение уровня Мирового океана.

Сведения Кука позволяют оценить размеры этих полярных гигантов (впрочем, далеко уступающих своим антарктическим собратьям). Из его записей в полевом дневнике следует, что за 12 и 13 апреля, когда он описал главные особенности ледяного острова, было пройдено всего 38 миль. Сам Кук не упоминает, сколько из этого расстояния приходится на морской лед и сколько на поверхность ледяного острова, но можно ожидать, что поперечник острова приближался к 60 км, что неудивительно. Недавно образовавшийся остров еще не успел сократиться в размерах при столкновениях с морскими льдами или под воздействием других неблагоприятных факторов. Следовательно, когда на обратном пути 30 апреля отряд Кука вновь оказался на этом ледяном образовании, это могло случиться в пределах указанных

60 км. Оперирова известными датами, нетрудно высчитать и темпы дрейфа этого ледяного острова – при его размерах до 60 км в поперечнике они не превышают 4 км в сутки. При относительно большой ошибке каких-либо нереальных величин в этих оценках нет, и, очевидно, с информацией Кука следует считаться, как и со всякими пионерными наблюдениями. К проблеме достоверности природной информации Кука в его полюсном походе мы еще вернемся, а пока продолжим описание возвращения с полюса на основе его книги-отчета и сохранившегося полевого дневника.

“...Но веселее всех в году веселый месяц май!” – поется в английской народной песенке, слова которой наверняка были известны и герою этой книги. Для людей, возвращавшихся с полюса, май оказался тяжелейшим по крайней мере по двум причинам. Во-первых, приближение лета ознаменовалось изменением погоды. Зимний антициклон, с его морозной безветренной погодой, по мере вторжения южных, сравнительно теплых циклонов сменялся низкой облачностью, препятствовавшей астрономическим наблюдениям, а также метелями и поземками, навевавшими сугробы рыхлого снега, в которых вязли полозья нарт. Во-вторых, силы людей и упряжных собак с каждой пройденной милей убывали, что нетрудно проследить по записям Кука. Если в конце апреля протяженность дневных переходов колебалась в пределах от 20 до 12 миль, то в первой декаде мая она снизилась до 18–10 миль. Стали возникать задержки в пути из-за непогоды, чего не было в последние недели.

События 6 мая с этой точки зрения достаточно показательны. “Шторм надвигался с запада, как обычно, взвихривая грубый игольчатый лед. Лед вокруг нас был старый и заторошенный, труднопроходимый, но зато он предоставлял нам хоть какое-то укрытие. Когда налетали самые сильные порывы, мы бросались ничком на нарты в ветровой тени торосов и переводили дыхание, чтобы набраться сил и преодолеть еще несколько миль.

Наконец, когда мы уже не могли заставить собак пробиваться вперед сквозь слепящую метель, мы отыскивали вздыбленную ледяную глыбу. Здесь с подветренной стороны мы нашли снег, подходящий для строительства иглу, нарезали и установили несколько блоков, однако ветер разметал их словно щепки. Мы попытались воспользоваться палаткой, но заставить ее стоять в этом бешеном смятении вихрей было невозможно. Тогда, оставив все попытки поставить палаточный шест, вконец отчаявшись, мы заползли в спальные мешки, позволив снегу медленно погребать хлопающий по ветру шелк. Вскоре вой ветра и все связанное со штормом нас уже перестало касаться – мы наслаждались комфортом ледяной могилы. (...) Этот шторм преподал нам

полезный урок борьбы за жизнь, который впоследствии весьма пригодился” [33, с. 228–229].

К описанным трудностям добавилась невозможность проведения астрономических наблюдений – первые удалось выполнить только 24 мая на 84°2′ с.ш. Таким образом, в мае было пройдено всего 240 миль, темп дневных переходов снизился до опасного предела 10 миль. Несмотря на тяжелейшие условия, Кук не терял надежды снова увидеть берега “открытой” им Земли Брэдли, но ей не суждено было осуществиться: “Новая земля, которую я приметил по пути на север, была скрыта низким туманом”. В полевом дневнике за 24 мая им сделана следующая запись: “...никакой земли в пределах видимости, хотя парни видели землю позднее, когда я спал...” [Там же, с. 332]. После достижения полюса встреча с Землей Брэдли, видимо, представлялась Куку важнейшим событием похода, однако вскоре другие события, определившие исход маршрута на год вперед, выступили на первый план.

“Мы по-прежнему зависели от устойчивого восточного дрейфа, поэтому прокладывали курс несколько западнее Свартенвога – самой северной оконечности Земли Аксель-Хейберга” [Там же, с. 231] – эта фраза является ключевой для объяснения всех последующих событий, поскольку, пересекая южную ветвь круговой антициклональной системы дрейфа в американском секторе Арктики, Кук имел дело именно с западным дрейфом. Вместо того чтобы введением восточной поправки скомпенсировать влияние дрейфа своей западной поправкой, отмеченной в его книге выше, он по крайней мере удвоил ошибку, лишив себя шансов попасть на мыс Свартенвог с его богатыми складами продовольствия и снаряжения. Тем самым полюсный отряд, истощенный лишениями длительного маршрута, попадал в критическое положение вследствие исходной ошибки – принятия на веру информации Пири о восточном дрейфе в этой части Северного Ледовитого океана. Видимо, запредельные физические и моральные нагрузки полюсного маршрута притупили его, обычно острую, наблюдательность, что едва не привело к трагедии. В его дневниковых записях в конце мая нет ни намека на присутствие западного дрейфа; опасения быть унесенными от мыса Свартенвог усиливались с каждым днем:

“20 мая... Открытая вода; активный пак; идти почти невозможно.

21 мая... Возвращение представляется почти безнадежным делом, определений места нет – даже не могу представить себе величину дрейфа.

22 мая... Сильно обеспокоен проблемой возвращения; продовольствие на исходе...” [Там же, с. 332] и т.п.

Приближение к Большой полынье также сулило новые трудности. “Ее берега окаймляла полоса ломаного и крошеного льда шириной в несколько миль. Бесчисленные неровности и несцементированные разломы создавали такие трудности, что не хватало сил ни у нас, ни у собак, для того чтобы тащить по ней нарты или лодку. Вынужденные следовать по пути наименьшего сопротивления, мы проложили курс на юг вдоль этой полосы. (...) Последующие дни стали для нас днями отчаяния” [Там же, с. 231].

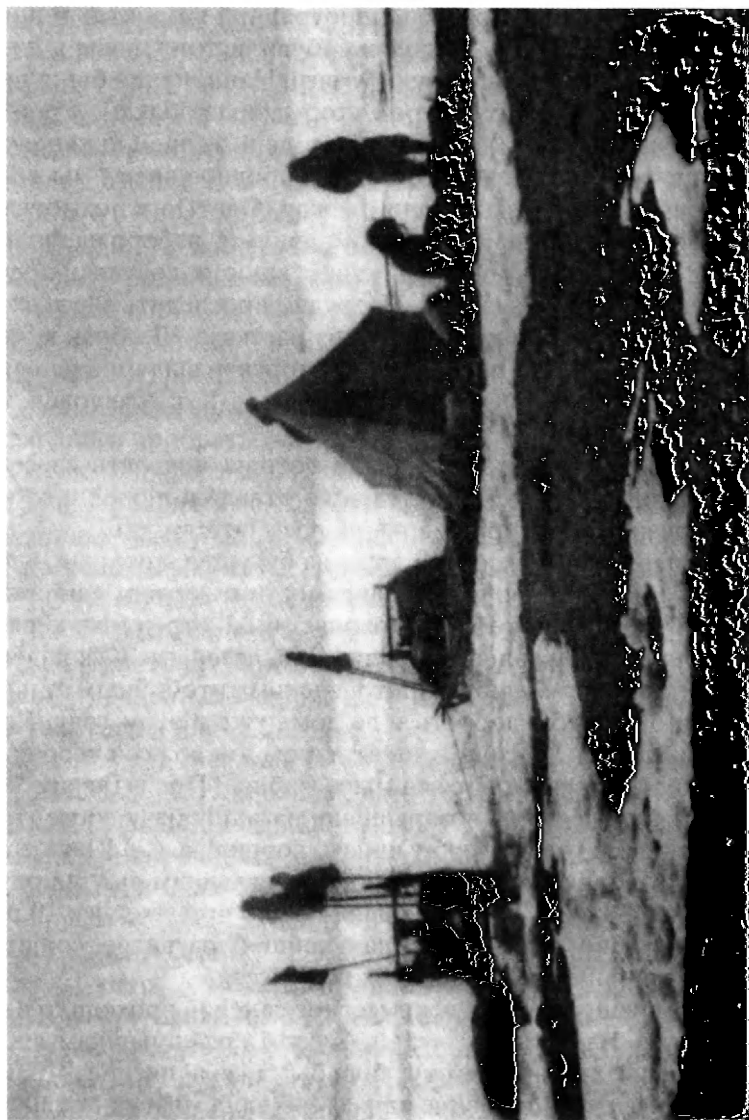
Погода не позволяла определить координаты отряда на протяжении трех недель, оставалось только выдерживать направление движения по компасу с учетом большой поправки за склонение. Наконец 13 июня удалось определить координаты, в которых находились три смертельно уставших человека: $79^{\circ}32'$ с.ш. и $101^{\circ}22'$ з.д. (допустив минимальное отклонение к западу от намеченного пути и, тем не менее, значительно южнее мыса Свартевог, по крайней мере на полтора градуса, то есть более 150 км). Судя по приведенным координатам, отряд оказался в проливе Пири. Используя карту Свердрупа, Кук довольно быстро разобрался в ситуации. “К югу... лежала широкая полынья, которую мы приняли за пролив Хассель. Справа и слева от нас виднелись низкие, покрытые льдом острова, за ними – более крупные, которые Свердруп назвал Землей Эллеф-Рингнес и Землей Амунд-Рингнес. ...В надежде на появление молодых тюленей мы двинулись в пролив Хассель к восточному острову” [Там же, с. 232]. Обстановка в отряде между тем требовала немедленных действий: “Вот уже три недели, как мы существовали на три четверти рациона, а на последующие 10 суток у нас оставалось лишь по половине его. О том, чтобы возвращаться, повернув на восток или даже на север, не могло быть и речи, но и вперед идти мы уже не могли, потому что не имели достаточного количества продовольствия для поддержания своих сил” [Там же, с. 232]. И тем не менее пошли, поскольку ничего другого не оставалось!

Однако вернемся еще раз к проблеме местоположения отряда, определенного 13 июня. Судя по координатам, ближайшая суша располагалась от обессиленных путников в 40 км на северо-востоке (о-в Миен – на современных картах) и в 50 км на юго-западе (о-в Эллеф-Рингнес), где абсолютные отметки достигают близких значений порядка 250 м. Таким образом, условия обзора при достаточно благоприятном состоянии атмосферы в обоих направлениях были практически одинаковы. Важно другое: запись в полевом дневнике за 11 июня: “Обширное пространство гладкого льда; немного снега...” [Там же, с. 333] – наводит на мысль, что в условиях ограниченной видимости (“небо по-прежнему свинцовое”) отряд Кука прошел по береговому припаю о-ва Ми-

ен, не заметив самого острова. В условиях Арктики это не удивительно, поскольку сам Миен был открыт только в 1916 году экспедицией Вильялмура Стефанссона, а Кук пользовался картой Свердрупа, на которой острова не было. Некоторые несоответствия при визуальной привязке к береговым объектам трудно исключить, хотя выход на сушу 15 июня и состоялся на одном из маленьких островков, у берегов более крупного о-ва Амунд-Рингнес, вдоль западного побережья которого и продолжался дальнейший путь отряда к югу. Воспользуемся этим событием, чтобы попытаться оценить величину дрейфа, который буквально утащил отряд от склада на мысе Свартенвог. Действительно, приведенные Куком координаты на 24 мая и 13 июня позволяют утверждать, что отряд пересек параллель мыса Свартенвог 4 июня в 72 км от него к западу. Кук введением неверной поправки увеличил свой просчет примерно вдвое. Принимая это с большой степенью вероятности, можно оценить суточную величину дрейфа на южной ветви описанной выше круговой циркуляции в 3,6 км, что совпадает с данными карты “Циркуляция вод на поверхности” “Атласа Северного Ледовитого океана” [6]. Полученные таким образом оценки, объясняя ошибку Кука на подходах к Свартенвогу, вместе с тем полностью снимали с него обвинение в подделке результатов наблюдений.

“Мы ступали по земле с непривычным для нас ощущением безопасности. Однако эта триасовая суша, низкая, голая и бесформенная, очень похожая на большую часть Земли Аксель-Хейберга, здесь была изрядно изъедена морозами, перемолота ледниками и сглажена сильными ветрами. Внутреннюю часть островка кое-где покрывало ледяное одеяло. Берега островка не могли похвастать ни живописностью рельефа, ни многоцветностью какого-либо утеса или мыса. Здесь не было даже ледяного барьера, только монотонные, ничем не примечательные песчаные или снежные склоны отделяли морской лед от берегового. Самые тщательные поиски не дали ни единого признака живых существ. Мы не увидели даже лишайника. Трудно вообразить более негостеприимное место, и все же эта земля вызывала в наших сердцах глубокое чувство радости. (...) В лагере нашу радость охладил спазмы в желудке” [Там же, с. 235–236].

Борьба за выживание подчас вынуждала людей идти на крайность. В какой-то момент находящиеся на грани голодной смерти люди вынуждены были использовать в пищу мясо раненой собаки. “Вкус собачьего мяса не был нам неприятен, однако многие месяцы эта собака была нашим верным товарищем, и пока наши бессовестные желудки взывали к большому количеству еще горячего, кровоточащего мяса, ощущение вины ох-

Сюва на суше – финал полосного маршрута

ватило меня. Мы убили живое, преданное нам существо и теперь поедали его” [Там же, с. 236]. Но и после этого проблема пищи оставалась.

Пребывание на земле заставило Кука оценить внешность самого себя и своих спутников. “На нас было страшно смотреть. Лоскуты нашей меховой одежды, продранной на локтях и коленях, развевались на ветру. Подошвы обуви, истонченные в пленку, напоминали продырявленную бумагу. Наши чулки были прорваны, рубахи из птичьих шкурок скормлены собакам, а ремни, нарезанные из наших спальных мешков, день за днем шли на удовлетворение собачьих appetитов. Все свободное время мы только тем и занимались, что латали одежду. Одетые в лохмотья, с бурыми, обезображенными морозом лицами, изборожденными глубокими морщинами, мы, судя по наружности, достигли предела деградации” [Там же, с. 236]. Нетрудно проследить здесь сходство Кука с героем Джека Лондона из рассказа “Любовь к жизни”, с той разницей, что последний – авторская выдумка на основе рассказов обитателей Аляски той поры, а Кук – человек, переживший все лично.

И тем не менее эти люди были готовы постоять за себя: встреча с белым медведем насытила до отвала и людей и собак, заставив призрак голодной смерти на время отступить...

Кук не переставал строить планы на будущее, которые, однако, слишком часто менялись в зависимости от складывающейся обстановки. Обеспечив себя продовольствием, отряд взял курс на пролив Веллингтон и далее на пролив Ланкастер, где Кук надеялся встретиться с каким-нибудь шотландским китобойным судном, на котором он мог бы добраться до дома уже в этом году. Если бы они попытались достичь Анноатока, то им, по всей вероятности, пришлось бы зазимовать на мысе Сэбин. “Посчитав все “за” и “против”, я увидел, что возвращение на нашу базу восточным путем в это время года не сулит ничего хорошего. (...) Южное направление позволяло нам воспользоваться гладким льдом попутного дрейфа” [33, с. 237]. Это решение было принято уже 19 июня, и именно оно определило дальнейшее развитие событий вплоть до возвращения в Анноаток год спустя.

Хотя возвращение в это эскимосское селение проходило в основном по уже известным местам, Куку и его спутникам вновь пришлось испытать все тяготы борьбы за выживание. Драматизм борьбы за существование характерен для многих полярных экспедиций начала XX столетия – достаточно вспомнить обстоятельства гибели отряда Роберта Скотта при возвращении с Южного полюса, исчезновение Владимира Русанова со всей экспедицией в Карском море и многие другие полярные трагедии того

времени. То, что Кук со своими эскимосами избежал подобной участи, уже ставит его среди исследователей-полярников в особое положение. Но важно еще и то, что он обстоятельно описал, каким образом ему удалось это сделать.

Ледовая обстановка в заливе Норуиджен-Бэй предопределила их дальнейшее движение на юг и, вероятно, избавила от ненужных приключений в узких проливах с сильными приливно-отливными течениями (один из которых носит выразительное название Хелл-Гейтс – Адские врата), ведущих в обширный пролив Джонс, который отряд не мог миновать никоим образом. “Дрейф унес нас в пролив Пенни, что лежит на полдороги между Землей Батерста и п-овом Гринелл, – описывал позднее Кук события июня 1908 года. – У небольших островов по обоим берегам пролива массы льда разобщались, вскрывались и громоздились в огромные пирамиды. (...) Пройти можно было только посередине пролива и со скоростью не более нескольких миль в день. Однако стонущий лед дрейфовал на юг быстро. (...) У острова Дунд (Дандас – на современных картах. – В.К.) дрейф прекратился, и мы постарались пробраться к берегу п-ова Гринелл. Продвинувшись на восток, ближе к земле, мы увидели, что лед стал исключительно труднопроходимым. Однако погода стояла великолепная. На прогалинах между снежными наносами, на теплой почве, покрытой согревающим мхом, появились накопившие за зиму силы пурпурные и фиолетовые цветы – первые цветы, которые мы видели после долгой полярной ночи, и это глубоко взволновало меня. С окутанных туманом вершин до нас доносился вой волков. Повсюду виднелись следы песцов и леммингов. На горизонте появлялись гаги и чайки.

Вся природа сверкала радостной улыбкой середины лета. Вокруг расстилалась бодрящая, сказочная страна, по которой так истосковались наши сердца, со своей музыкой, от которой наши барабанные перепонки давно отвыкли. Это был настоящий оазис. (...) Когда наши души освободились от леденящих шор, эти солнечные мотивы входили в сердце радостными порывами. В этой словно сонной тишине мы все же держались моря. (...) Фонтаны китов и тюленей сулили нам такую роскошь, как топливо, в то время как низкие утиные крики как бы готовили нас к приему лакомства. (...) У меня выработалось особое пристрастие к нежному мясу куропатки, и оставшиеся во мне угрызения совести были приглушены для того, чтобы я мог не отказать себе в этом удовольствии” [33, с. 238–239].

Смена настроения людей с заменой ненадежного морского льда, практически лишённого жизни, на относительно богатую арктическую тундру читателю понятна, как и частые описания

Куком многочисленных представителей съедобной фауны: “Добрый, щедрый мир округлил наши талии до вполне приличных размеров. Теперь мы с гораздо большим вожделением охотились на уток и земноводных животных. Мы стали разборчивы в еде. Покуда мы находились в подобном расположении духа, нам удалось добыть трех карибу. Это были прекрасные создания, которые угодили нашим не только гастрономическим, но и эстетическим вкусам” [Там же, с. 239–240]. С прибытием на о-в Девон вечная угроза полярных экспедиций – голод отступила, к сожалению, только на время.

Теперь оставалось пересечь о-в Девон и выйти к побережью пролива Джонс, отделяющего его от о-ва Элсмир, уже пересекавшегося Куком в марте при выходе на исходный рубеж полюсного броска. Для пересечения был выбран узкий (всего до 30 км) перешеек в основании п-ова Гринелл. Поход по суше начался 4 июля. Не только надежда на встречу с китобоями подгоняла Кука и его спутников, но еще и на обильную охоту, в которой они так отчаянно нуждались, несмотря на ограниченный запас патронов. Судя по описаниям Свердрупа, они могли встретить здесь мускусных быков, которые давали гораздо больше мяса, чем гаги или другая пернатая дичь.

Путь с нартами оказался неожиданно трудным, поскольку снега почти не осталось и приходилось пробираться от одного снежного пятна до другого. Однако вскоре ситуация изменилась, одни заботы сменились другими. “...До полудня черные тучи окутали снежные вершины, а затем стали поливать нас ледяным дождем. Мы промокли насквозь, нас бил озноб. Вскоре налетел прерывающий дыхание несильный норд-вест, от которого смерзся мокрый мех на нашей одежде, превратившись в ледяную корку. Чуть позже обильный снегопад вынудил нас разбить лагерь. Шторм со снегом двое суток не выпускал нас из занесенной палатки. (...) Несмотря на то что шторм доставил нам много хлопот, все же он принес некоторое облегчение. До сих пор земля была едва прикрыта снегом. (...) Теперь снегом засыпало все. Вскоре мрачные, бурые утесы Северного Девона скрасили монотонность снежного покрова, а дальше показалась радующая сердце синева пролива Джонс. (...) Южные берега пролива словно стенами были окаймлены паковым льдом на сотню или более миль. 7 июля при ясной холодной погоде мы спустились к Айсботну. Несмотря на все наши старания, нам так и не удалось добыть продовольствия. (...) Правда, нам удалось обеспечить себя скудным запасом утиного мяса, на что пришлось потратить несколько последних ружейных патронов, однако мы так и не увидели ни моржей, ни тюленей, ни прочих крупных животных.

Обеспечить продовольствием собак казалось нам делом совершенно безнадежным” [Там же, с. 241].

Последнее обстоятельство вынудило путников принять решение избавиться от верных четвероногих помощников, с честью выполнивших свой нелегкий долг. Дело в том, что дальнейший путь вдоль северного побережья на восток можно было продолжить только по морю, так как на суше к морю спускались многочисленные выводные ледники, представлявшие для измученных людей непреодолимое препятствие. В отличие от предшественников (Пири, Нансен) и последователей (Амундсен) Кук решил не убивать собак, хотя это и решило бы на время продовольственную проблему. “Мы могли вверить свои судьбы только парусиновой лодке. Что же нам было делать с оставшимися в живых собаками? Они не могли отправиться с нами дальше в крохотной парусиновой лодке. Мы не могли оставаться с ними и надеяться выжить. Приходилось расставаться. <...> Одни нарты мы разобрали и положили в лодку, которую брали с собой к полюсу. <...> ...Остальное мы тщательно упаковали в водонепроницаемые тюки и погрузили в лодку. С печалью в сердце мы покидали берег. Собаки скулили словно малые дети. Отойдя миль на пять от берега, мы все еще слышали их лай” [Там же, с. 243].

Путь по морю с самого начала приобрел совершенно непредсказуемый по последствиям характер, впрочем, как и по исполнению. Начало морского похода ознаменовалось резкими сменами погоды, когда неожиданные порывы ветра с запада сменялись внезапными периодами затишья. Затем со стороны проливов Кардиган и Хелл-Гейтс пошла спокойная ровная зыбь – предвестник шторма, разыгравшегося неподалеку. Все трое отчаянно работали веслами в надежде уйти от него... Но все было напрасно, и вскоре экипажу суденышка пришлось спасаться в многочисленных разводьях посреди паковых льдов, гасивших волнение моря. Пришлось выбирать на лед, путь по которому то и дело преграждали гряды торосов. “Весь пак ходил ходуном под слабой зыбью и постепенно развалился на куски. Поле, на котором мы стояли, было крепким. Я знал, что оно выдержит дольше, – описывал свои морские приключения Кук, – чем большинство льдин вокруг нас. Однако наша льдина не слишком возвышалась над водой, и ноги нам то и дело заливало. <...>

Вдали, с наветренной стороны, мы заметили низкий айсберг, который медленно надвигался на нас. Это было многообещающее зрелище, потому что только этот айсберг мог бы вознести нас достаточно высоко над потоками ледяной воды. <...> Никогда еще моряки тонущего корабля не старались так достичь спасительных скал, как мы попасть на этот айсберг. <...> Нам все-таки

удалось запрыгнуть на него. Какое это было облегчение – подняться над крошечным паком и с безопасной высоты наблюдать за разбушевавшейся стихией!” [Там же, с. 244–245]. Людям удалось не только забраться самим, но и втащить все свое имущество. Далее приключения на айсберге стали развиваться совсем по иному сценарию, чем предполагали участники событий.

Во-первых, спасая людей от гибели в море, айсберг не защищал их ни от брызг волн, ни от ветра, поэтому вскоре люди начали жестоко страдать от переохлаждения, не имея возможности обсушиться. “Холод на полюсе не шел ни в какое сравнение с муками в этом кипящем котле, – вспоминал позднее Кук. – Прошли сутки, прежде чем наступили какие-то перемены. На голод, жажду или сон мы даже не обращали внимания. Мы продолжали ужасную борьбу, чтобы не оказаться смытыми в море” [Там же, с. 247]. Во-вторых, новое “судно” в своем движении подчинялось не ветру и волнениям, а стихии течений на значительных глубинах. Поэтому вместо того чтобы следовать на запад вдоль морского побережья в направлении мыса Спарбо, куда стремились Кук и его спутники-эскимосы, айсберг поволокло в противоположном направлении к проливам Хелл-Гейтс и Кардиган, где участники плавания получили много сильных впечатлений. “Тяжелые льды вырывались из проливов со скоростью железнодорожных составов. Пока мы наблюдали за их движением, температура продолжала падать. (...) Из Адских ворот с орудийным грохотом налетал ветер. Какова же будет наша судьба? – спросил я самого себя” [Там же, с. 247].

Кошмарный вояж закончился у мыса Вера, где Арктика отменила свой смертный приговор его участникам, и переход к жизни, как всегда, оказался наполненным самыми лучшими впечатлениями, даже с учетом полярной специфики: “Неподалеку от нас были водоемы с ледяной водой. Мы бросились к ним прежде всего, чтобы утолить жажду. (...) Вскоре мы заметили зайца, который скакал по камням. (...) ...Один из моих парней добыл его с помощью рогатки. Заяц был сочный, мы разрезали его ножом. Итак, нас ждал королевский завтрак. Среди скал мы отыскивали немного мха, развели огонь, положили капающее кровью мясо в котелок и с нетерпением стали наблюдать, как он закипал. Я трепетал от счастья. Мы остались в живых и утолили свой голод горячей пищей.

Пока варился заяц, мои ребята принесли двух гаг, которых они поймали силками. Теперь мы имели кое-что на обед. (...) Мир стал приобретать для нас истинный смысл, однако перспектива окончательного избавления от голода сузилась для нас как никогда” [Там же, с. 249]. На этом фоне замечание Кука о том, что “за

одни сутки мы потеряли то расстояние, на преодоление которого затратили две недели” [Там же, с. 247], оставалось не более чем простой констатацией факта.

Отчаянная борьба за выживание составляет главное содержание глав книги Кука, описывающих его возвращение с полюса, начиная с конца мая 1908 г. На страницах, посвященных этому периоду, нет каких-либо иных эмоций, кроме тех, что связаны с добычей пищи и стремлением вырваться из очередной опасной ситуации. Подобные мысли настолько заслонили от них остальной мир, что Кук не уделяет тому, что происходило в цивилизованном мире, ни строчки, даже если это имело к его будущей судьбе самое прямое отношение.

В те самые дни, когда Кук и его люди вышли на берега пролива Джонс, от причалов Нью-Йорка отошло и направилось в северные воды судно “Рузвельт” с экспедицией Пири на борту. Ее предводитель и в самом страшном сне не мог предположить, что заветный исторический приз, за которым он устремился к полюсу, уже завоеван другим.

Пока же возвращавшийся с полюса отряд использовал любую возможность, чтобы пройти еще хоть милю по направлению к людям. Проходили дни за днями в отчаянной гонке, которой, казалось, не будет конца. “Пытаясь наверстать упущенное в дрейфе на айсберге, мы стали искать дорогу вдоль берега. <...> То и дело встречающиеся разводья вынуждали нас совершать переправы. <...> Ежедневно мы проходили от 10 до 15 миль, разбивая палатку на берегу или ночуя непосредственно в лодке. <...> В первых числах августа мы достигли кромки припая, примерно в 25 милях восточнее мыса Спарбо” [Там же, с. 250]. Неподалеку Кук обнаружил остатки брошенного эскимосского поселения – и это все, чего они достигли... Правда, один из последних патронов принес долгожданную добычу в виде тюленя. Однако этот положительный момент экспедиционной жизни омрачился нападением моржа на беззащитную брезентовую лодку-байдарку, после которого ее пришлось ремонтировать остатками собственной обуви. Виновник поплатился жизнью за свою агрессию, но большую часть его туши пришлось оставить на берегу, потому что она не помещалась в байдарке. Затем последовало нападение медведя на лагерь, которое было отбито... копьями, приготовленными для охоты на мускусных быков.

Мыса Белчер участники перехода достигли в конце августа, когда надежды на встречу с китобоями были уже утрачены; оставалось только возвратиться к мысу Спарбо, окрестности которого, по данным Свердруп, отличались богатством животного мира, и готовиться к зимовке, после чего снова продолжить свой

маршрут к людям... Открытые воды моря Баффина накануне ледостава грозили им той же смертельной ловушкой, в которой без вести исчез отряд Эдуарда Толля при возвращении с о-ва Беннета в ноябре 1902 года. Неизвестно, знал ли Кук о его судьбе, но он не повторил ошибки русского исследователя, отправившегося к Большой земле до завершения ледостава.

Мрачные мысли одолевали Кука в то время: “Мы были неподалеку от той земли, где голодали участники экспедиции Франклина, но с той лишь разницей, что у них были патроны, а у нас нет. Схожая с ними судьба, казалось, была уготовлена и нам” [Там же, с. 255]. Правда, было одно обстоятельство, не отмеченное Куком: “гостеприимной” Арктике было легче прокормить трех человек, чем экипажи двух кораблей Франклина, не говоря уже о том, что отряд Кука был лучше приспособлен к ее экстремальным условиям.

“Мы достигли мыса Спарбо на берегу пролива Джонс в первых числах сентября, – продолжает Кук свое повествование. – Мы лишились собак. Патроны, за исключением четырех, которые я припрятал на случай крайней необходимости, тоже иссякли. Наше снаряжение состояло из половины нарт, парусиновой лодки, изорванной шелковой палатки, нескольких чайников, оловянных тарелок, ножей и спичек. Наша одежда была порвана в клочья. <...> Когда мы высадились, то с удивлением обнаружили, что на этом месте некогда располагалась эскимосская деревушка. Частично затопленные иглу указывали на солидный возраст поселения. <...> Выше располагались другие развалины. <...> Приближалась долгая зима. Мы были более чем в 300 милях от Аннатока, и наступление длинной ночи вынуждало нас остановиться” [Там же, с. 265–266]. С любой точки зрения ситуация была более чем экстремальная. Очевидно, следовало начать с жилья.

“...Поиски привели нас к пещерообразной выемке в земле. Над ней когда-то из камней и костей крупных животных была сооружена крыша, которая теперь провалилась. <...> Там было достаточно места для того, чтобы просто ходить. Все это было словно приготовлено для нас. Очевидно, жилище предназначалось для небольшого семейства. Стены высотой около двух футов почти не требовали переделки, и мы, нарастив еще один фут, вывели их на уровень земли. Мы нарезали много дерна и высушили его на солнце, чтобы использовать в качестве покрытия для крыши. <...> ...Я, приподняв какие-то обломки, неожиданно ощутил холодок в сердце – из черной земли на меня смотрели пустые глазницы человеческого черепа” [Там же, с. 266–267]. Разумеется, такая находка не изменила планов зимовщиков на обустройство жилья, напомнив им, однако, о тщете всего земного...

Зимовка на мысе Спарбо описана Куком в двух главах (“Новые приемы охоты и новый образ жизни” и “Сто ночей в подземном логове”), которые перекликаются с книгами Петра-Людовика Ле Руа “Приключения четырех российских матросов, к острову Ост-Шпицбергену бурей унесенных, где они шесть лет и четыре месяца прожили” и Ф. Нансена «“Фрам” в Полярном море», ставшими произведениями полярной классики. В центре этих книг – мужественные люди, которые оказываются сильнее Арктики.

Надо отметить, что книга Кука занимает особое место среди других документальных свидетельств исследователей Арктики. Работы Амундсена и Пири раскрывают больше технологию успеха, они интересны прежде всего своей технико-организационной стороной. Дневник Скотта, отражая откровенно слабую техническую сторону его предприятия, одновременно является документом огромного человеческого мужества, торжества духа исследователя над его бренным телом. Однако от полярных историков ушло одно важное обстоятельство: развитие событий при возвращении с полюсов в экспедициях Кука и Скотта проходило сходным образом, прежде всего – с падением темпов движения. Однако поход Скотта завершался в условиях неотвратимо надвигавшейся зимы, что и привело к фатальному исходу. Возвращение же Кука проходило на фоне наступающего лета, что позволило американцу не только взять своеобразный “тайм аут”, когда истощение его и спутников достигло опасного предела, но и подготовиться должным образом к зимовке на о-ве Девон. Похоже, свою четвертую по счету зимовку (третью в условиях Арктики) Кук ценил даже больше, чем достижение полюса – иначе он не стал бы писать отдельную книгу “Возвращение с полюса”, опубликованную посмертно. Для американского общества начала века проблема успеха была интересней проблемы выживания в экстремальных условиях Арктики, что в конечном итоге и обусловило выбор им триумфатора (см.: гл. 9).

Так или иначе, зимовка на Девоне является важнейшим моментом полюсного предприятия Кука и требует особого внимания, тем более что в книге “Мое обретение полюса” она описана достаточно фрагментарно.

Для зимовки наиболее характерными оказались следующие события. Была успешно решена проблема выживания, зависевшая в первую очередь от результатов охоты и сохранения продовольствия. Первый же добытый самодельными гарпунами морж, припрятанный в тайнике, был пожран медведями. “Наш великолепный склад, который мы устроили накануне, был полностью разграблен. (...) Зато мы поняли – отныне наша жизнь превратит-

ся в непрерывную борьбу с медведями. (...) На суше водились мускусные быки и медведи, в море – моржи и тюлени. Но что было делать без собак и ружей? Первым оружием, которое мы изобрели, были лук и стрелы. С их помощью мы могли по крайней мере обеспечивать себя мелкой дичью” [Там же, с. 265, 267].

Чтобы создать запасы на зиму, требовалось добыть крупных животных, таких, как мускусные быки. Ни лук со стрелами, ни пращи для этого не подходили. Зато самодельные копья и гарпуны в сочетании с камнями вскоре позволили загнать одного быка на обрыв, с которого он упал, поломал конечности и был добит охотниками самым первобытным образом. Сходные методы охоты применялись и в последующие дни. “В течение нескольких недель мы добыли достаточное количество этих животных, чтобы обеспечить себе примитивный комфорт и облегчить долгую зимнюю ночь. Так собственными усилиями мы покончили с голоданием. (...) Мясо мускусных быков стало нашей основной, неизменной пищей на протяжении семи месяцев” [Там же, с. 272–273].

Несомненно, важнейшим содержанием зимовки были также быт и отношения зимовщиков на фоне наступающей зимы. «В начале ноября штормы стихли, и довольно надолго, словно для того, чтобы мы могли полюбоваться в последний раз феерическим зрелищем. 3 ноября солнце встало в великолепном сиянии, некоторое время повисело в воздухе, а затем нырнуло за южные утесы. Ему не суждено было подняться вплоть до 11 февраля следующего года. Мы были приговорены к зимовке в нашем подземном логове по крайней мере на сто суток, прежде чем рассвет возвестит о приходе нового дня. (...) Обычные признаки разделения времени исчезли. (...) Мы “стояли” шестичасовые вахты, чтобы поддерживать огонь, отгонять медведей и не терять жизнеспособности в этой словно опустевшей жизни. Мы знали, что нас считали погибшими. (...) Мысль об этом вызывала самую сильную душевную боль в той жизни, которая была теперь доволена нам. Это было как бы замерзшее одиночество» [Там же, с. 283].

Описания Кука, касающиеся отношений внутри маленькой группы людей, их душевного состояния в условиях полного одиночества, выдают в нем тонко чувствующего человека, наделенного тактом и прозорливостью:

«Мы были совершенно одни в мире, начисто лишенном теперь радостей. Хотя нас было трое, жизнь загоняла каждого из нас в индивидуальный мирок собственных мыслей.

У нас не было ни дискуссий, ни обмена мнениями, ни разногласий. Мы пробыли слишком долго вместе, чтобы проявлять

интерес друг к другу. Одиночка долго не выдержал бы в таком положении. Инстинкт самосохранения еще прочнее скрепил узы нашего братства. Как военное подразделение, мы представляли собой страшную силу, однако, у нас не было “спичек”, чтобы разжечь огонь энтузиазма» [Там же]. Как это нередко случается в экстремальных ситуациях, свобода индивидуумов приносилась в жертву интересам коллектива во имя выживания.

С наступлением зимы установилась погода антициклонального типа, с характерными низкими температурами, безветрием и ясным небом. Устойчивая спокойная погода позволяла проводить по несколько часов на открытом воздухе для проверки песцовых ловушек и каменных западней для медведей, которые, не получая отпора огнестрельным оружием, доставляли людям все больше хлопот:

“Воры-медведи раскапывали снег над нашими головами и уносили куски жира – нашего топлива – у нас из-под носа, – писал Кук. – Иногда мы отваживались выбраться наружу и метнуть копье в зверя, но всякий раз медведь совершал прыжок к двери и пытался забраться внутрь нашей пещеры, и наверняка забрался бы, если бы отверстие было достаточно широким. В других случаях мы выпускали стрелы сквозь бойницы. Тогда медведь рвался к нам даже сквозь это крошечное отверстие под крышей. (...) Нашим последним средством обороны была проделанная в крыше дыра. Когда мы слышали возню медведя, то просовывали наружу факел на длинной ручке. Тогда на целые акры вокруг снег словно вспыхивал какой-то прозрачной белизной, которая пугала только нас. Медведь спокойно пользовался преимуществом освещения для того, чтобы оторвать кусок жира побольше. (...) ...Без огнестрельного оружия мы были бессильны” [Там же, с. 284].

Особой проблемой для Кука, разумеется, было состояние людей, поскольку условия их жизни невозможно было сопоставить ни с чем: ни с зимовками в Гренландии в 1891–1892 и в 1907–1908 гг., ни с дрейфом “Бельгика” в 1898–1899 гг. На этот раз он проходил настоящую школу выживания в предельно жестких условиях, когда малейшая ошибка могла иметь фатальные последствия. Пища не вызвала у Кука претензий, но все остальное... “Мы располагали вполне добротным, полноценным питанием – мясом и жиром. Однако наши желудки устали от этой плотоядной пищи. Темная пещера с ее стенами, увешанными мехами и костями животных, и полом, вымощенным льдинами, не давала повода для радостных ощущений. Безумия, презренного сумасшествия можно было избежать, только заполнив время физическим трудом и долгим сном. В этом подземном убежище, как мне кажется, мы вели жизнь людей каменного века” [Там же, с. 287].

Чем же были заняты люди в течение полярной ночи? Ни один зимовщик не может пожаловаться на отсутствие работы в это время, и книга Кука только подтверждает эту старую истину. “Моей самой главной обязанностью была обработка наблюдений для публикации. Это было полезное занятие, которое сэкономило бы мне в будущем целые месяцы. Но у меня не было бумаги. Три мои записные книжки были заполнены, у меня оставался только небольшой рецептурный блокнот и две миниатюрные записные книжечки. Я решил попытаться создать хотя бы контуры своего повествования по главам, соответствующим в этой книге. (<...>)

Используя сокращения и тире, я изобрел нечто вроде стенографии. (<...>) В целом я записал 150 тысяч слов. Так удалось отвлечь отчаяние и праздность, которые открывают дверь сумасшествию.

У нас были и срочные дела. Бураны угрожали завалить вход в нашу тюрьму, поэтому нам часто приходилось разгребать заносы. Каждый день мы нарезали пласты жира и разламывали его для ламп. Время от времени мы пополняли запасы мяса, которое помещали у себя в углу, так как оно оттаивало несколько дней. Ежедневно мы собирали лед для того, чтобы всегда иметь полный чайник воды” [Там же, 288]. Приходилось тратить время на множество мелочей, из которых складывается жизнеобеспечение людей в экстремальных условиях высоких широт, вроде скалывания льда, покрывавшего каменные стены и пол, очистки спальных мест от инея, удаления сажи со стропил дома и пр. Наконец, надо было готовиться к весеннему возвращению в Анноаток: заготавливать сушеное мясо мускусных быков, топить жир и отливать его в специальные формы (так они заготавливали топливо), ремонтировать нарты и походное снаряжение.

Между тем состояние людей оставляло желать лучшего, и Кук, как врач по профессии, это великолепно понимал. “Несмотря на все наши усилия не поддаваться дурному влиянию ночи, мы постепенно становились её жертвами. Наша кожа выцвела, мы ослабели, наши нервы расшатались, а в головах царил пустота. Однако наиболее приметным симптомом нашего состояния была аритмия сердца.

В человеческом организме сердце играет роль мотора. Как и все моторы, оно требует определенной регулировки. В Арктике, где значение такой регулировки особенно велико, инструменты для неё отсутствуют. В нормальных условиях ими служат никогда не ошибающиеся солнечные лучи. Когда они исчезают, как это происходит полярной ночью, пульсация сердца становится неритмичной, временами медленной, а порой судорожной, спазматической” [Там же, с. 290]. Разумеется, длительное отсутствие

физических нагрузок отразилось также на состоянии мышц тела, и оставалось только надеяться, что с началом весеннего похода организм снова приспособится к новым перегрузкам, которых никогда не удастся избежать в дальнем пешем маршруте.

Все кончается, даже полярная ночь. “11 февраля покрытые снегом склоны Северного Девона засияли в лучах восходящего солнца. Это был восход 1909 года. Солнце взломало стены нашей природной тюрьмы. <...> Мы вырвались навстречу радости и свободе. С заново реконструированными нартами, новым снаряжением и вновь обретенной энергией мы были готовы продолжить обратное путешествие в Гренландию, чтобы выиграть последнее сражение...” [Там же, с. 292].

Зимовщики оставили мыс Спарбо 18 февраля, когда продолжительность светлого времени позволяла совершать уже длинные дневные переходы. Трое обросших людей, лица которых были покрыты жирной копотью, тащили за собой по льду пролива Джонс нарты со своим нехитрым походным скарбом и запасом продовольствия, которого, как они знали, им могло не хватить, чтобы благополучно добраться до Анноатока. Низкое солнце подсвечивало горы на далеком о-ве Элсмир в лиловой морозной дымке. Отсчет первых миль на пути домой начался...

Эти люди, только что пережившие полярную ночь, в душе которых нетерпение боролось с тревогой, разумеется, не могли тогда знать, что у противоположных берегов того же острова от мыса Шеридан вдоль побережья по припаю растянулась длинная кавалькада собачьих упряжек. Собаки, только недавно сменившие надоевшие конуры на привычную упряжь, дружно натягивали постромки, оглашая морозный воздух радостным лаем. Никогда еще в этих, казалось, забытых Богом и людьми краях не происходило такой оживленной деятельности: почти тридцать упряжек, подчиняясь единой воле, производили сложные перестроения, сменяя друг друга, обмениваясь грузом, упорно тропили глубокий снег по направлению к мысу Колумбия. Позади этого гигантского поезда из упряжек, растянувшегося на десятки миль, на некотором расстоянии от “основных сил” по наезженному следу двигались еще две упряжки, погоняемые эскимосами-каюрами. На одной из них, завернутый в меха, находился сам Пири, возглавивший свою последнюю полярную операцию.

События заключительной стадии возвращения с полюса Кук описал следующим образом: “После восьмидневного форсированного марша мы достигли всего лишь мыса Теннисон (мыс Короля Эдуарда VII на современных картах. – В.К.) – наша тягловая сила не шла ни в какое сравнение с собачьей. Лед оставался гладким, погода – сносной, однако при самом счастливом стечении

обстоятельств нам удавалось продвигаться со скоростью 7 миль в сутки. Если бы у нас были собаки, мы легко преодолели бы это расстояние за двое суток” [Там же, с. 294]. При подходе к побережью Кук открыл два небольших островка, которые он назвал в честь своих спутников. Однако на современной карте они обозначены как острова Коун и Смит.

Следы песка и зайца свидетельствовали о наличии жизни в этом краю ледяного безмолвия, вселяя надежду на будущее. Карте в этих местах было трудно доверять, поскольку положение побережья было нанесено методами морской съёмки, засечками с борта судна. Однако хуже было другое – прибрежный лед между мысами Кларенс и Фарадей, подвергшийся воздействию подвижек, оказался заторошенным и труднодоступным для передвижения. В свою очередь это привело к расходу продовольствия, и уже на подходах к мысу Фарадей угроза голода снова заявила о себе. Выручил одинокий медведь, вовремя оказавшийся на их пути. Охота на него началась все тем же первобытным способом, который применялся раньше для мускусных быков, но когда дело стало принимать непредвиденный оборот, были пущены в ход уже современные охотничьи средства. “Прошлым летом, когда я только еще предвидел голодную годину, я спрятал последние четыре патрона в своей одежде, – писал позднее Кук. – Мои ребята не знали об их существовании. Эти патроны предназначались на самый крайний случай, чтобы убить или кого-то, или самих себя. До сих пор такое отчаянное положение еще не наступало” [Там же, с. 297]. Но возникло в момент схватки со зверем, что и решило её исход. 25 марта отряд Кука пришел на мыс Фарадей, основательно подкрепившись медвежатиной и с солидным запасом на будущее. До мыса Сэбин, от которого лежала прямая дорога на Анноаток поперек залива Смит, оставалось всего 100 миль, но здесь обстановка выглядела крайне неблагоприятной. Прямо на востоке за полосой припая отчетливо обозначилось “водяное небо”, сулившее измученным путникам или продолжительное ожидание, или дальний обходной путь в поисках прочного льда, дальше на север. По мере того как расходовался запас медвежатины, ближайшие перспективы постепенно становились угрожающими.

Хотя Гренландия была близка, по ледовым условиям оказалась недоступной. Люди еще раз выдержали выпавшее на их долю тяжелое испытание – переход к мысу Сэбин, где были вознаграждены за невероятные усилия тюленем годовалой давности: по договоренности с сыном в условленном месте его оставил отец Этукишука в качестве аварийного запаса на случай непредвиденного развития событий. “Там же был обнаружен чертеж. На нем изображалась история бесплодных поисков сына любя-

щим отцом и друзьями. Мясо тюленя, со временем изменившее свои вкусовые качества, источало аромат лимбургского сыра, однако за неимением другого продовольствия мы были вполне довольны и этим. В пропитанном жиром мешке мы нашли фунт соли и набросились на неё как на сахар, потому что вот уже с год не пробовали ни крупинки этого драгоценного вещества.

Теперь мы поглощали со вкусом кожу, ворвань и мясо. Каждая съедобная часть животного была упакована и погружена на сани, прежде чем мы окончательно распрощались с американским побережьем.

Пролив Смит был свободен ото льда на 60 миль к северу. Необходимо было совершить глубокий обход для того, чтобы попасть на противоположный берег – берег Гренландии, до которого было рукой подать” [Там же, с. 299]. Судя по этому тексту, чувство юмора не оставляло Кука даже в самой отчаянной ситуации, включая и следующую, сложившуюся накануне возвращения в Анноаток:

“Обрывки мяса, внутренности и кожа тюленя, захороненного год назад, были теперь нашей единственной пищей. Мы продвигались первые два дня на север, преодолевая дикие нагромождения торосов и глубокий снег, падая и спотыкаясь подобно раненым зверям. (...) Дни стали длиннее, гнилое тюленьё мясо иссякло, добывать пресную воду стало почти невозможно. Мы съели уже многие вещи – даже обувь и кожаные ремни, которые были нашим последним резервом. Казалось, жизнь больше не стоила того, чтобы за нее бороться.

Мы настолько ослабли, что иногда ползли на четвереньках. Однажды мы взобрались на вершину айсберга и оттуда увидели Анноаток” [Там же, с. 300]. Полюсное предприятие завершилось – борьба за полюс в человеческих умах только разворачивалась.

Спустя несколько дней полюсный отряд Пири вернулся со столь желанной вершины планеты к мысу Колумбия на севере о-ва Элсмир и начал марш к своему судну, зимовавшему у мыса Шеридан. Разумеется, Кук об этом не знал, совсем другие мысли занимали его по прибытии в Анноаток, где он получил кое-какую информацию об экспедиции Пири, в первую очередь от членов экипажа “Рузвельта” – боцмана Морфи и юнги Причарда, зимовавших по приказу Пири в Анноатоке.

Однако уже этого было достаточно, чтобы не медлить и попытаться выйти в населенные места, чтобы известить цивилизованный мир о достижении полюса. Но прежде чем отправиться на юг, Кук поделился новостью, которой уже в обозримом будущем предстояло стать сенсацией, с Причардом и Генри Уитни,

американцем, который в поисках охотничьих приключений и острых ощущений оставался на зимовку в Анноатоке и, видимо, был первым белым человеком, встретившим Кука по его возвращении в Анноаток. Уже в силу этого Кук чувствовал к нему определенное расположение и доверие, которые, однако, как показали события, были неоправданными. С обоих американцев Кук взял честное слово не разглашать доверенной им тайны до того, как она станет известной всему миру. В этом не было ничего странного, поскольку сам открыватель желал извлечь максимальную пользу из своего достижения, прежде всего финансовую. Казалось, ничто не мешало теперь Куку воспользоваться плодами, полученными ценой жесточайших испытаний. На деле же складывалась ситуация, оформившаяся позже в один из самых известных мировых скандалов.

Глава 8

Пири на тропе войны

“Велика и необычайно притягательна сила Севера! Не раз я, возвращаясь из его бескрайней замерзшей пустыни потрепанный, измученный и разочарованный, иногда покалеченный, говорил себе, что это – мое последнее путешествие... Но случилось так, что не проходило и года, как мною снова обуревало хорошо знакомое мне ощущение беспокойства. Цивилизованный мир терял свою прелесть. Меня невыразимо тянуло туда, к безграничным ледяным просторам...” [49, с. 20]. Читателю предстоит самому оценить, насколько такое объяснение Пири убедительно для организации его последней полюсной экспедиции, наконец увенчавшейся, хотя и сомнительным, но все же успехом... Как и поразмышлять, что же все-таки более всего ценил этот полярный конквистадор – само достижение или сопутствующий ему успех на страницах прессы и в глазах общества.

Арктический клуб Пири, несмотря на смерть Джесепе, которого на посту председателя сменил генерал Томас Хаббард, в течение года изыскал силы и средства, чтобы уже к началу полярной навигации 1908 года подготовить очередное полюсное предприятие. Пири, судя по всему, не принимал в расчет возможность достижения полюса своим потенциальным конкурентом, хотя Кук и объявил Северный полюс своей целью в цитированном выше письме к Бриджмену. Остается строить догадки, как могли бы развиваться события, получи Арктический клуб Пири известие о достижении Куком полюса вовремя. Но поскольку такого известия он так и не получил, 6 июля 1908 года, вдохновленная напутствием самого президента Т. Рузвельта (“Пири, я верю в Вас и Ваш успех, если только Ваша задача вообще выполнима для человека”), экспедиция отвалила в море от одного из причалов Нью-Йорка.

С заходом на побережье Лабрадора, где на борт были взяты 246 ездовых псов (очевидно, Пири всерьез считал, что после Кука у эскимосов северной Гренландии совсем не осталось ездовых собак), а также мыса Йорк, где к экспедиции присоединилось 49 эскимосов, 5 сентября судно, достигнув мыса Шеридан на о-ве Элсмир, встало на зимовку.

Пири изменил бы своему рекордсменскому складу мышления, если бы не отметил следующее обстоятельство: “Последние

мили, пройденные “Рузвельтом”, оказались рекордными: до сих пор ни одно судно не доходило на собственном ходу до 82° 30' с.ш.” [48, с. 82]. Экспедиционные грузы были отправлены на берег вместе с собаками, а освободившиеся судовые помещения приспособили под каюты и кубрики для экипажа, членов экспедиции и помощников-эскимосов.

Начало зимовки ознаменовалось падежом собак – в ноябре в живых осталось менее двухсот. Тем не менее оставшихся хватило, чтобы провести заброску необходимых грузов (в первую очередь продовольствия) в склады, организованные на северном побережье о-ва Элсмир – на мысах Белл, Киан и Колумбия. Последний играл решающую роль в полюсном маршруте в качестве исходного рубежа: с него должен был стартовать на север целый караван упряжек, разбитых на отдельные отряды. Мыс Колумбия находился в 90 милях от зимующего “Рузвельта”. Добавим, что исходный пункт полюсного маршрута Кука мыс Свартенвог располагался в более чем двухстах милях западнее. Это достаточно большое расстояние избавило Кука в последующем от обвинений в использовании традиционного “американского пути”, освоенного Пири.

Хотя в своей книге-отчете Пири почти не упоминает о Куке, ясно, что соперник незримо присутствует едва ли не на каждой странице этого труда: “Наш поход к Северному полюсу менее всего походил на рискованный молодецкий “набег на полюс” [Там же, с. 128].

22 февраля 1909 г. Пири начал свою полюсную операцию. На огромном заснеженном пространстве вдоль побережья Земли Гранта (северная часть о-ва Элсмир), выдерживая движение “след в след”, растянулся огромный караван собачьих упряжек из 140 откормленных псов. Экспедиция состояла из нескольких вспомогательных отрядов и одного главного – полюсного. Задача вспомогательных отрядов состояла в прокладке пути и заброске необходимых запасов топлива и продовольствия для полюсного отряда. По мере выполнения своей задачи они возвращались к “Рузвельту”.

В походе участвовало семь американцев и девятнадцать эскимосов. Отряды двигались к цели на некотором расстоянии друг от друга, с каждым часом приближаясь к цели. Замыкал это шествие сам Пири в сопровождении двух молодых эскимосов-каюров.

Сосредоточение наличных сил произошло на мысе Колумбия на 83° 7' с.ш., откуда в последний день февраля к северу в качестве разведчиков выступил объединенный отряд Бартлетта и Джорджа Боруа. Сверх того, Пири решил организовать дорож-

ную бригаду, снабженную ледорубами, состоявшую из Росса Марвина, Дональда Мак-Миллана и доктора Гудсела, которой поручалось идти впереди главной партии, чтобы расчищать и сглаживать путь (чего не мог позволить себе Кук в принципе). Правда, в ближайшее время из-за обморожений численность этой бригады пришлось сократить.

Выступление к полюсу Пири описал так: “Упряжки выстроились гуськом, раздались крики каюров, хлопанье бичей, и отряды, один за другим, двинулись в поход, следуя по пути, которым накануне прошли упряжки Бартлетта. Отъезд процессии был бесшумным – восточный ветер уносил все звуки; уже через несколько мгновений людей и собак поглотили туман и падающий снег и скрыли их из наших глаз” [Там же, с. 136]. Двое заболевших эскимосов остались на мысе Колумбия, чтобы добраться до судна с возвращавшимся вспомогательным отрядом.

Спустя час вся экспедиция, состоявшая из 24 человек, 19 саней и 133 собак, находилась наконец на льду Северного Ледовитого океана, приблизительно на 83-й параллели в 413 морских милях от полюса и на 107 миль ближе к нему, чем отряд Кука год назад.

На исходе вторых суток полюсного маршрута “я увидел впереди, у северного горизонта, – писал Пири, – темную зловещую тучу – верный признак открытой воды... Мои предположения оказались правильными. Мы заметили на льду многочисленные темные точки, которые при приближении превратились в людей, собак и саней. Они были остановлены полосой чистой воды шириной приблизительно с четверть мили. Полынья образовалась ... после прохода отряда капитана” [Там же, с. 139]. В разводье измерили глубину океана – лот лег на дно на глубине 175 м. Хотя разводье удалось одолеть на следующее утро, переправа принесла неприятный сюрприз – первоначально не удалось обнаружить колеи в снегу, оставшейся за отрядом Бартлетта. Спустя несколько часов след упряжек был найден, но западнее, – отчетливый признак западного дрейфа.

4 марта в 45 милях от мыса Колумбия участники полюсного похода были вновь остановлены полыньей, причем надолго. “Арктическая природа словно насмеялась над нами. Стояла хорошая ясная погода, ветер утих, снаряжение было в порядке, собаки здоровы, люди полны энергии – словом, все, казалось, нам благоприятствовало, но двинуться в путь мы не могли” [Там же, с. 142]. Так продолжалось неделю. Очередной промер определил глубину в 198 м. 11 марта полынью наконец удалось форсировать, и дальнейшие события приобрели запланированный характер, оставалось только наращивать мили, компенсируя потери времени.

Первым из вспомогательных отрядов обеспечения на $84^{\circ} 29'$ с.ш., 14 марта, повернул назад отряд доктора Гудсела – почему-то Пири решил, что его присутствие на “Рузвельте” важнее, чем в походе, где любой несчастный случай мог оказаться фатальным.

Трудности пути приводили к многочисленным поломкам нарт – “сани Пири” на практике оказались слишком хрупкими. Поэтому к решительному моменту в строю оказалось всего 12 саней. Соответственно, возник излишек людей и собак – вещь неслыханная в дальних полярных маршрутах. Очередным кандидатом на возвращение в этой ситуации оказался Мак-Миллан, отмороживший пятку; он расстался с боссом 15 марта. В результате отряд сократился до 16 человек, 12 саней и ста псов.

Накануне в очередной полынне выполнили промер морских глубин – лот показал дно на глубине 1509 м. Судя по всему, отряды вышли за пределы шельфа, хотя полученные результаты не совпадают с тем, что показывает современная карта.

20 марта с $85^{\circ} 23'$ с.ш. повернул к суше вспомогательный отряд Боруа. К этому времени километраж дневных переходов увеличился: то ли улучшилась поверхность льда, то ли люди и собаки втянулись, наконец, в ритм походной жизни. С уходом Боруа движение к полюсу продолжали лишь 12 человек с 10 санями, запряженными 80 псами. Силы “ударной группировки” существенно ослабли, но, как показали дальнейшие события, она стала мобильней и более управляемой. Из других событий – сутки спустя лот достиг дна на глубине 567 м. Повторное измерение показало глубину в 1280 м. Эти результаты не отвечают современным данным.

Еще один вспомогательный отряд во главе с Россом Марвином прекратил поход к полюсу 26 марта на $86^{\circ} 38'$ с.ш. На прощание Пири предупредил своего секретаря: “Остерегайтесь полыней, мой друг!” [Там же, с. 156], не подозревая, что выступает в роли Кассандры.

Пристальный интерес историков [см.: 11, 37, 50, 4, 77] к финалу полюсного предприятия Пири вполне понятен, поскольку тот в предшествующих походах (особенно в 1906 году) показал себя весьма посредственным навигатором. Зная, что публика скептически относится к этим его способностям, он, во избежание появления у нее сомнений, изобразил свой полюсный маршрут на отчетной карте в виде прямой линии от мыса Колумбия на север. (Отметим, что на рубеж “исходного броска” его выводил опытный штурман Бартлетт, капитан “Рузвельта”.)

До этого момента события маршрута не вызывают у специалистов особых дискуссий, даже на основе информации самого Пири. Зато все, что происходило с момента расставания с Барт-

летом и до самого прибытия на полюс, оспаривалось и проверялось неоднократно, но единой точки зрения так и не было достигнуто. В любом случае ситуация накануне достижения полюса Пири требует тщательного анализа на основе его же книги-отчета, поскольку иными источниками мы не располагаем. Особенно интересны события недели с 1 по 6 апреля 1909 года.

В первый день апреля “в начале шестого, после четырех часов сна, – пишет Пири, – я поднял на ноги всех участников экспедиции... Когда все приготовления к походу были закончены, эскимосы построили укрытие от ветра и капитан произвел наблюдения для определения широты (снова только широта, но не долгота! – *В.К.*). Оказалось, что мы находимся на $87^{\circ}46'49''$ с.ш. Бартлетт был очень разочарован, что ему не удалось дойти до 88-й параллели. Результаты вычислений широты Бартлетт записал на двух листках: один он взял с собой, а другой передал мне. Мы с ним сердечно простились, и он вышел в обратный путь во главе четвертого вспомогательного отряда... Я долго глядел вслед могучей фигуре капитана. Она становилась все меньше и меньше и наконец исчезла за белоснежными сверкающими торосами. Мне было невыразимо грустно, что пришлось расстаться с лучшим товарищем и бесценным спутником, всегда жизнерадостным, спокойным, мудрым... Но делать было нечего, а для бесплодных душевных переживаний у меня не было времени” [49, с. 163–164]. Отметим, что оценка широты до секунд отражает лишь точность расчетов, а не самих наблюдений, – очевидно, Бартлетт старался дотянуть свой личный рекорд до 88° с.ш., чего у него не получилось.

Пока Хэнсон и четверо эскимосов готовили пять нарт к дальнейшему походу, Пири, прогуливаясь в одиночестве вблизи лагеря, отработывал про себя программу действий на оставшиеся дни. Результаты своих раздумий он сформулировал так: “Мы должны были совершить пять переходов, не менее чем по 25 миль каждый. Причем было желательно закончить пятый переход в полдень, чтобы тотчас же произвести измерение высоты солнца и определить широту” [Там же, с. 164].

О каком-либо продвижении к цели 1 апреля Пири не сообщает. 2 апреля отряд шел без остановки в течение 10 часов, покрыв расстояние в 25–30 миль. 3 апреля, как и накануне, люди шли в течение десяти часов, но вследствие задержки перед торосами прошли всего 20 миль. Таким образом, всего за двое суток после расставания с Бартлеттом отряд Пири приблизился к цели (за два перехода) на 50 миль.

“После короткого отдыха в ночь с 3 на 4 апреля мы снова вышли в путь... За десять часов мы прошли не менее 25 миль” [Там

же с. 170), приблизившись, таким образом, к полюсу от 88° с.ш. уже на 75 миль – до цели оставалось 58 миль – почти градус по дуге меридиана.

Успешный переход (по расчетам Пири, отряд почти достиг 89-й параллели) позволил Пири записать в свой дневник: “Еще три дня такой погоды – и полюс будет открыт!” [Там же, с. 171]. Очевидно, эта запись появилась в его дневнике во второй половине дня 4 апреля. Даже если он считал, что его отряд находится на подходе к 89° с.ш., одолеть оставшееся расстояние в три перехода по 20 миль каждый – нормальный расчет.

5 апреля люди дольше оставались в лагере, чем в предыдущие дни, ибо все устали и нуждались в отдыхе. Пири произвел астрономические наблюдения и определил широту – она оказалась 89° 25' с.ш., т.е. отряд находился в 35 милях от полюса. Таким образом, можно считать, что в предпоследнем переходе к цели Пири и его люди одолели только 23 мили, хотя о каких-либо препятствиях на этом переходе Пири не сообщает. “Во время переходов меня занимало лишь одно: как бы пройти побольше миль; я был всецело поглощен этой мыслью и поэтому оставался равнодушен к красоте замерзших пространств, через которые лежал наш путь. Но на наших стоянках, пока строилось иглу, на мою долю выпадало несколько свободных минут; я оглядывался вокруг, и величие ландшафта глубоко волновало меня” [Там же, с. 172]. Разумеется, о каких-либо научных наблюдениях в такой ситуации говорить не приходилось, но интересно, что сам Пири ни разу не продемонстрировал стремления к изучению тех пространств, в которых проходили его маршруты. Его не волновали научные проблемы Арктики, не говоря уже о дрейфе льдов и его причинах. Изредка он как-то безучастно и отстранено фиксирует подвижки льдов, но лишь с точки зрения проходимости. Все содержание его книги подводит читателя к выводу о том, что поход на полюс проводился не с целью познания природы высоких широт, а в первую очередь для собственного утверждения в глазах своих почитателей. Ни ученым, ни в строгом смысле слова полярным исследователем Пири так и не стал.

В отличие от него Кук при каждой возможности, даже не располагая необходимой специальной аппаратурой, стремился отражать природные особенности посещаемых им стран, формируя, пусть наивно и приближенно, пласт новой научной информации. В этом отношении вклад обоих американцев в изучение Арктики несопоставим.

Для характеристики своего полюсного маршрута Пири не нашел ярких, запоминающихся оборотов и образов (которые, как было отмечено выше, присутствовали у него в ранних кни-

гах). Точно так же и достижение полюса описано им в самых тусклых, лишенных эмоций словах: "...поздно вечером мы вышли в путь... Дорога была на редкость легкая, ровные старые льдины почти без снега. Температура поднялась до -25° . За двенадцать часов мы покрыли расстояние в 30 миль". [Там же, с. 172–173]. Далее Пири продолжает: "Наш последний северный маршрут закончился 6 апреля в 10 часов утра. От того места, где мы расстались с Бартлеттом, мы сделали пять переходов и, согласно данным счисления, находились в непосредственной близости от цели всех наших стремлений. После обычных приготовлений около полудня по меридиану мыса Колумбия (откуда это известно в условиях дрейфа? – В.К.) я произвел первое наблюдение над солнцем и определил широту. Наше местоположение было $89^{\circ} 57'$ с.ш." [Там же, с. 174]. И снова только констатация факта, без каких-либо признаков воодушевления – как-никак достигнута цель жизни: "Северный полюс завоеван. Моя мечта и цель двадцати лет жизни претворилась в действительность. Не верится. Все кажется простым и обычным" [Там же, с. 174]. Словно стараясь погасить последнее впечатление, Пири в своей книге-отчете пускается в пространные объяснения вместо того, чтобы дать простое и отчетливое объяснение, как это было в реальности: "Читатель, – продолжает он, – будет разочарован, но я должен чистосердечно признаться: когда я убедился, что мы действительно достигли цели экспедиции, я жаждал лишь одного – сна. Впрочем, после нескольких часов отдыха состояние протрации, в котором я находился, уступило место сильному нервному возбуждению.

В течение 20 лет Северный полюс являлся объектом моих стремлений... Решение завоевать полюс до такой степени овладело мной, что я давно перестал себя рассматривать иначе, как орудие для достижения этой цели. Обывателю это покажется странным, но человек, посвятивший всю свою жизнь служению какой-нибудь идеи, поймет меня" [Там же, с. 177]. У специалистов-психологов подобный склад мышления называется комплексом мессианства, в угоду которому страдающая им личность может принести очень многое, включая собственную честь и достоинство.

На полюсе в стеклянных бутылках были оставлены две записки следующего содержания:

90° с.ш. Северный полюс.
6 апреля 1909 г.

Прибыли сюда сегодня, после 27 переходов с мыса Колумбия. Моя партия состоит из пяти человек: Мэтью Хэнсон, Ута, Эгингва, Сиглу и Укеа; у нас пять нарт и 38 собак. Зимовочная стоянка нашего корабля "Рузвельта" – мыс Шеридан, 90 миль к востоку от мыса Колумбия.

Возглавляемую мной экспедицию снарядил и отправил на север, с целью дойти до Северного полюса, если это окажется возможным, Арктический клуб Пири (Нью-Йорк).

Завтра выходим в обратный путь к мысу Колумбия.

Роберт Э. Пири,
Военно-морской флот США”

90° с.ш. Северный полюс.
6 апреля 1909 г.

Сегодня я водрузил национальный флаг Соединенных Штатов Америки в точке, где, согласно проведенным мною астрономическим определениям, лежит северо-полярная ось Земли. Таким образом, я формально присоединил всю эту область к владениям Соединенных Штатов Америки.

Я оставляю здесь эту записку и флаг Соединенных Штатов.

Роберт Э. Пири,
Военно-морской флот США

Из текста Пири не ясно, составил ли он себе какой-то зрительный образ полюса. Все его впечатления, связанные с достижением цели, отражают лишь некоторую степень удивления полюсом как специфической точкой в системе координат поверхности планеты (“Достаточно нескольких шагов, чтобы попасть из Западного полушария в Восточное” или “Ветер всех направлений здесь задувает с юга!”) И это все! Кроме описания самого факта пребывания на полюсе, усилий по достижению этой цели, как и самовосхваления, книга-отчет Пири, по сути, не содержит каких-либо иных сведений. Что касается природной информации (в основном это относится к описанию форм льдов), то ее не много, во всяком случае, меньше, чем в книге Кука.

Последняя неделя перед приходом на полюс требует особого внимания, ибо события и обстоятельства этих дней по-своему показательны, прежде всего с точки зрения характеристики “системы Пири”, без которой, по уверению ее автора, достичь полюса физически невозможно. Для этого вернемся к событиям 1 апреля у 88° с.ш., когда с уходом Бартлетта “штурмовой” отряд Пири остался в одиночестве. Вызывает удивление огромное количество транспортных средств – пять нартов с 38 собаками для оставшегося расстояния – всего в 133 мили или 250 км. Груз при этом был невелик, если исходить из норм, которые определял сам Пири: по 1,2 кг питания и топлива на человека в день – немногим более 40 кг в один конец. Последующее возвращение, продолжительностью (по Пири) 16 суток, также потребовало еще 120 кг, т.е. всего менее 200 кг. Известно, что хороший ездовой пес тащит на нартах груз порядка 40–50 кг. Выходит, что Пири создал почти десятикратный задел в необходимом грузе!

Если же учесть его постоянные напоминания, что он возвращался по старым следам, очевидно, была возможность оставить склады для обратного возвращения на дрейфующем льду и тем облегчить нагрузку на собак и каюров. Все участники полюсного предприятия, разумеется, знали об этом, и поэтому слова сожаления Пири в адрес Бартлетта, приведенные выше, звучат достаточно фальшиво. Так или иначе, сосредоточение на 88° с.ш. такого количества транспортных средств, реальной нужды в котором не было, позволяет сделать два важных вывода.

Первый – описанные события представляют собой не более чем грандиозное шоу с целью продемонстрировать преимущества “системы Пири”, чтобы поразить воображение публики.

Второй – достижение полюса было реально с гораздо меньшими затратами сил и средств (как это произошло у Кука).

О своем возвращении с полюса Пири писал: “Я хотел попытаться совершить все обратное путешествие двойными маршрутами, т.е. покрывать расстояние одного перехода на север, завтракать. Снова делать переход, спать несколько часов и – опять в путь. Надо сказать, что эту программу мы выполнили почти в точности... Изю дня в день в три перехода на юг мы проходили расстояние пяти переходов на север. С каждым выигранным днем уменьшалась опасность, что ветры и подвижки льда уничтожат след упряжек... Большую часть похода мы легко обнаруживали путь, проложенный вспомогательными партиями, причем он на всем протяжении сохранился” [Там же, с. 180].

Последнее обстоятельство остается непонятным для подавляющего большинства исследователей истории достижения Северного полюса: каким образом Пири вернулся по старому следу в тот же самый пункт на суше, с которого вышел (т.е. на мыс Колумбия), в условиях дрейфа, о существовании которого в описаниях похода 1909 года он словно позабыл? И это после событий маршрута 1906 года, когда он продемонстрировал полную неспособность учесть влияние этого самого дрейфа, очутившись вместо о-ва Элсмир в Гренландии! Как все просто – ни астрономических обсерваций, ни учета влияния дрейфа; держись старого следа – он тебя выведет куда надо... Стремление Пири упростить методы навигации, которые ему не давались, понятно, но тогда ситуация становится настолько простой, что перестает быть реальной: льдов в Северном Ледовитом океане без дрейфа не бывает...

С учетом этой оговорки возвращение отряда Пири, судя по его книге-отчету, происходило так. “Первые пять миль обратного пути мы шли очень хорошо. На шестой миле, подойдя к узкой трещине, наполненной льдом, мы произвели измерение глубины моря – у полюса это оказалось невозможным из-за чрезмерной

толщины льда. Я опустил лот на глубину 2 742 м, но он дна не достиг“ [Там же]. После этого бесполезную лебедку выбросили.

На подходах к 88-й параллели отряд Пири ожидало неприятное место, которое на пути к полюсу еще 2–3 апреля доставило участникам маршрута немало хлопот. Тревожные воспоминания одолевали Пири, но все обошлось благополучно. События тех дней отражены в его книге следующим образом: “На 87-й параллели поле годовалого льда, приблизительно в 57 миль шириной, заставило меня сильно встревожиться. Достаточно было непрерывного ветра в течение двенадцати часов, чтобы эта область превратилась в безбрежное море. К счастью, стояла тихая погода, и я с облегчением вздохнул, когда мы оставили 87° с.ш. позади” [Там же]. Уже на следующей странице своей книги Пири посчитал необходимым разъяснить ситуацию: “По дороге на север область, по которой мы шли, была покрыта молодым льдом, и я предполагал, что найду здесь открытую воду” [Там же, с. 181]. Однако уже 11 апреля с этими опасениями было покончено: “Только мы позавтракали в иглу после первого дневного перехода, как лед позади нас стал трескаться, и вскоре появились широкие разводья. Мы как раз вовремя пересекли опасную полосу. Вблизи лагеря виднелись свежие следы песцов. Вечером подошли к 87-й параллели, а через два дня устроили привал уже на 85° 48' с.ш. Тут мы нашли три снежных домика, построенных рядами Бартлетта и Марвина” [Там же].

Похоже, что при движении на юг к суше отряд Пири оказался на стрежне активного течения – северной ветви системы кругового антициклонального дрейфа, признаки которого, по мнению Пири, заключались в том, что “дорога стала заметно ухудшаться. По пути все чаще попадались трещины и разводья, а иногда и широкие полыньи, покрытые совсем тонким льдом... Поверхность льда представляла также все бóльшие трудности для пешеходов. Лед сильно торосился, льдины взгромождались одна на другую... Однако несмотря на все эти помехи, мы стойко придерживались плана и совершали по два перехода в день” [Там же, с. 182].

Ничто не могло остановить эту запущенную на всю мощь “машину” из людей и собачьих упряжек, названную ее изобретателем “системой Пири”. Она продвигалась как на север, так и на юг такими темпами, что ее организатору было не до научных наблюдений и созерцания окрестных пейзажей.

Основное внимание на обратном пути Пири сосредоточил на поисках следов передовых отрядов Бартлетта, Марвина и других – им он доверял больше, чем своим способностям навигатора. Характерно, что при возвращении Пири не произвел ни одной

обсервации, хотя бы для контроля. Кроме главного трофея – полюса, его стремительный бросок к 90° с.ш. и обратно не принес никому какой-либо практической пользы, но зато оставил немало загадок, в первую очередь касающихся протяженности дневных переходов на собачьих упряжках, не перекрытых всеми последующими экспедициями и просто искателями приключений.

Сам Пири дает такое объяснение этому феномену: “До сих пор ледяные поля причиняли нам мало препятствий. Впоследствии я узнал, что Бартлетт, Марвин и Боруп подолгу задерживались перед полыньями; у нас же самая большая задержка не превышала нескольких часов” [Там же, с. 183]. Столь стремительное продвижение к югу надо было как-то объяснить будущим поколениям полярников, но Пири сделал это не слишком убедительно, поскольку в последующие десятилетия ни один из его последователей не продемонстрировал чего-либо подобного, что и привело к определенным сомнениям в достоверности описаний самого Пири. Действительно, проконтролировать информацию Пири крайне трудно, поскольку у него отсутствуют те самые природные взаимосвязи, которые вполне отчетливо прослеживаются в книге-отчете Кука.

Более того, в описаниях Пири имеется множество очевидных противоречий. Не занимаясь специально этой проблемой, все же обратим внимание на следующую нестыковку. Объяснить необычайно быстрые темпы возвращения Пири к мысу Колумбия с полюса можно совпадением направления его маршрута с попутным интенсивным дрейфом, что в принципе нельзя исключить. Однако скорость этого дрейфа по современным данным не настолько велика (в среднем около 2 км в сутки). Кроме того, сильный дрейф сопровождается подвижками льда, включая, например, разрушение иглу, как это описано выше для маршрута Кука. Что-либо похожее отсутствует у Пири, и это непонятно. Что хочешь, то и думай... Разумеется, многочисленные сторонники Пири великолепно понимали это и всеми правдами и неправдами пытались найти какой-то достойный выход из этих противоречий, но, скажем прямо, это не получалось у них достаточно убедительно. Позднее они обратились к известному норвежскому полярнику Гуннару Изаксену, участнику экспедиции 1898–1902 гг. под руководством Свердруп, обладавшему большим опытом в использовании собачьих упряжек. В своей заметке, опубликованной в солидном издании Американского географического общества “The Geographical Review” [78], Изаксен подтвердил возможность столь протяженных дневных переходов на собачьих упряжках, но упустил из виду одно важное обстоятельство: его собственные маршруты проходили по сравнительно

Р и с. 5. Сравнительные графики полюсных маршрутов
 --- Р.Э. Пири (1909); — Ф.А. Кук (1908)

ровному припаю в проливах Канадского Арктического архипелага, а у Пири — по активному дрейфующему паку с частыми зонами торошения, разводьями и другими многочисленными препятствиями.

Первые признаки суши по характерной облачности Пири отметил еще 18 апреля. 20 апреля он вышел к Большой полярной льдине, располагавшейся всего в 50 милях от северного побережья о-ва Элсмир, откуда были видны горы за мысом Колумбия. Каких-либо затруднений и здесь не возникло, и в ночь с 22 на 23 апреля отряд Пири подошел к кромке шельфового ледника. “Когда последняя упряжка перешла через почти вертикальную кромку... мои спутники стали от радости прыгать, плясать и петь, а Ута воскликнул: “Либо дьявол спит, либо ссорится с женой, а то нам не удалось бы так легко вернуться обратно”. Тут же был устроен привал: мы сытно и не торопясь поужинали, а затем двинулись в путь и шли не останавливаясь до мыса Колумбия. ...Наше возвращение с полюса было осуществлено в 16 переходов, а весь путь от мыса Колумбия до полюса и обратно занял 53 дня, или 43 перехода. Благодаря исключительно удачному стечению обстоятельств, наш обратный поход оказался чрезвычайно легким” [Там же, с. 184–185].

Теперь мы можем сопоставить маршруты обоих претендентов на “приз столетия”, используя методику графиков, впервые задействованную автором при характеристике событий в связи с достижением Южного полюса. Графически маршруты Кука и Пири представлены на *рис. 5*, где на горизонтальной оси указаны даты событий маршрутов, а на вертикальной — расстояния от мысов Свартенвог и Колумбия, с одной существенной оговоркой для Ку-

ка: завершением его маршрута считается не прибытие его на мыс Свартенвог (которого в реальности, как мы знаем, не произошло), а выход на траверз указанного мыса или его широту. Возникающие при этом погрешности для наших последующих выводов и оценок пренебрежимо малы. Представленные графики совершенно отчетливо отображают различия в полных маршрутах обоих претендентов по целому ряду особенностей.

Во-первых, они показывают существенную разницу в протяженности обоих маршрутов, которая составляет, с учетом “туда – обратно”, почти 400 км в пользу Пири.

Во-вторых, затраты времени у Кука оказались – по многим причинам – значительно большими (88 суток до широты мыса Свартенвог), чем у Пири (53 суток).

В-третьих, запоздалый выход Кука к полюсу (18 марта), по сравнению с соперником (1 марта), заранее обещал неблагоприятные условия при возвращении ввиду летнего таяния и распутицы, что и произошло, приведя к резкому падению темпа дневных переходов, помимо влияния общей усталости как ездовых собак, так и людей.

В-четвертых, отмеченные обстоятельства привели к асимметричности обоих графиков относительно точки полюса. При этом путь к полюсу как у Кука, так и у Пири занял практически одно и то же время – почти сорок дней, но при возвращении картина изменилась разительным образом. Пресловутая “система Пири” на пути к полюсу продемонстрировала свою неповоротливость и громоздкость и не смогла предотвратить длительной стоянки перед Большой полыней (горизонтальный участок графика с 4 по 10 марта), тогда как Кук со свежими упряжками был свободен от проблем управления и взаимодействия с многочисленными отрядами обеспечения.

Как было отмечено выше, большое количество упряжек при относительно небольшом грузе обеспечило Пири необычайно высокие скорости на подходах к полюсу и при возвращении к мысу Колумбия, причем с рекордными показателями, вызывающими у полярных историков сомнения в их реальности. Как раз с этих позиций возвращение Кука выглядит закономерным. Быстрый первоначальный темп, взятый отрядом сразу же после оставления полюса, привел к скорому истощению людей и собак, и затем с каждым днем происходило постепенное сокращение дневных переходов. Участки графиков, характеризующие возвращение, выглядят более правдоподобными именно у Кука, а не у Пири.

В-пятых, при сравнении маршрутов бросается в глаза несоответствие между разницей в их протяженности (около 400 км) и

затратами во времени на преодоление этой разницы – практически полтора месяца. Выходит, что дневные переходы Кука в это время составляли всего 8 км, что свидетельствует о крайнем истощении участников маршрута, оказавшихся в полном смысле на грани жизни и смерти.

Приведенные графики в целом демонстрируют много сходства с событиями при достижении Южного полюса в декабре 1911 г. и январе 1912 г., при одной существенной разнице, позволившей Куку и его спутникам, в отличие от отряда Скотта, выжить: англичане возвращались с полюса зимой, когда морозы крепчали с каждым днем, а Кук – летом. При всей сложности ситуации повышение летних температур привело лишь к временному кризису в отряде Кука (из-за распутицы и нехватки продовольствия). Энергозатраты людей в условиях потепления снизились, тем самым отряд получил необходимую передышку и смог подготовиться к зимовке на мысе Спарбо в 1908–1909 гг.

25 апреля отряд Пири подошел к засыпанному снегом “Рузвельту”, где первым их встретил капитан Бартлетт. От него Пири узнал о гибели своего секретаря профессора Марвина, который, по словам сопровождавших его эскимосов, утонул в полынье 10 апреля в 45 милях от мыса Колумбия. Видимо, рассказ об обстоятельствах гибели Марвина не слишком удовлетворил Пири: “Подробности трагической кончины Марвина навсегда останутся покрыты мраком неизвестности” [Там же, с. 185], в чем, однако, ошибался. Истинные причины гибели Марвина были известны эскимосам, от них, возможно, слухи дошли до известного исследователя Гренландии Кнуда Расмуссена. Сам наполовину эскимос, Расмуссен, вероятно, имел свои основания не давать ход делу, в решении которого никто не был заинтересован.

Французский этнограф Жан Маллори, работавший в 50-х годах XX века на севере Гренландии, на основании рассказов эскимосов рисует довольно мрачную картину обстоятельств гибели Марвина. Американец буквально загнал сопровождавших его эскимосов. И при попытке бросить одного из обессиленных аборигенов на морском льду, в ответ на свое грубое распоряжение по этому поводу, возможно сопровождавшееся рукоприкладством, был убит и брошен в разводье [40]. Пири, догадываясь из каких-то своих источников об истинных причинах трагедии, побоялся официального расследования. Однако известие о трагической судьбе Марвина было только первым из потрясений, ожидавших его впереди.

Интересно, что члены экспедиции, находившиеся на “Рузвельте”, не представляли, как развиваются события в отряде Пири. Поэтому 18 апреля Мак-Миллан и Боруи вышли на ше-

сти упряжках к побережью Гренландии для создания там складов на тот случай, если восточный (!) дрейф вынесет отряд Пири к тем берегам, где он уже побывал при завершении полюсного маршрута 1906 года. Из своего похода они благополучно вернулись через полтора месяца – склад Пири так и не понадобился.

На общем фоне всех, в целом мало результативных, полюсных предприятий Пири не следует все же отрицать некоторых его реальных достижений. Научные результаты экспедиций Пири 1898–1909 годов директор Всесоюзного Арктического института Рудольф Лазаревич Самойлович охарактеризовал следующим образом: “Научная работа его экспедиций состояла, главным образом, в наблюдениях над льдом, взятии глубин в непосредственной близости к полюсу, в метеорологических наблюдениях и, наконец, в наблюдениях над приливами у северных берегов Гренландии. Спутниками Пири эти наблюдения проводились круглые сутки на мысе Шеридан, Кейп Олдрич (вблизи мыса Колумбия), мысе Брайан, мысе Моррис Джесеп и в Форт Конгер. Собранные материалы были впоследствии обработаны Р.А. Гаррисом и дали ему повод высказать предположение о существовании каких-то препятствий для приливно-отливных течений (земли, островов, значительных возвышений дна), которые занимают почти миллион и три четверти км², причем один угол этого препятствия лежит на севере у о-вов Беннетта, второй на севере у мыса Барроу, третий – поблизости Земли Бэнкса и четвертый – у Земли Крокера. (В настоящее время уже с достаточной достоверностью известно, что в последнем месте земли не существуют.)” [52, с. 29–30].

18 июля “Рузвельт” со всей экспедицией на борту покинул мыс Шеридан. Спустя месяц судно пришло в эскимосское селение Этá, где Пири узнал о благополучном возвращении Кука из какого-то длительного похода к западу от о-ва Элсмир, о его зимовке на о-ве Девон и, возможно, о каком-то продолжительном маршруте к северу. Поскольку осенью 1907 года Кук уже заявил о своем намерении достичь полюса, очевидно, конкурирующей экспедиции потребовалось в этом как-то убедиться. С этой целью было предпринято беспрецедентное в истории Арктики мероприятие – допрос эскимосов, сопровождавших Кука в полюсном походе. Вел его Боруп, который, будучи новичком в Арктике, плохо владел эскимосским языком. Понимая это, он строил свои вопросы таким образом, чтобы получить ответы на уровне “да – нет”. Не вполне представляя, в какое положение он поставит своего босса в будущем, он опубликовал перечень вопросов и ответов. Их приводит в своей книге Райт [50, с. 195]:

– Пересекали ли вы большие участки воды за это время?

– Нет.

– Оставляли ли вы на своем пути склады с продовольствием?

– Нет.

– Во время перехода через льды к северу от мыса Томас Хаббард убили ли вы хотя бы одного белого медведя или тюленя?

– Нет.

– Сколько было у вас саней?

– Двое.

– Сколько было у вас собак?

– Точно не помним, но больше двадцати.

– Сколько у вас было саней, когда вы вернулись на берег?

– Двое.

– Оставалось ли у вас на санях продовольствие, когда вы вернулись на берег?

– Да”.

Практически в ответах эскимосов (как и в вопросах) нет ничего такого, что напрямую связано с полюсом – тем самым версией о разоблачении Кука его спутниками (что стало позднее основой утверждения Пири) просто отпадает. Скорее, отсутствие вопроса о Тиги шу показывает, что люди Пири скрывали главную цель допроса от сбитых с толку несчастных эскимосских парней, которые не могли понять, чего же домогаются от них эти американцы. Единственный реальный вывод, который могли сделать инициаторы допроса, – Кук и его спутники “системой Пири” не пользовались. По-видимому, это и стало главной уликой против Кука, поскольку, как считал Пири, без его “системы” достигнуть полюса и вернуться с него невозможно. Однако читатель XX века не мог знать, что это утверждение в конце того же века будет неоднократно опровергнуто многочисленными спортивными экспедициями. Но первым это сделал Кук.

Были и еще вопросы, например: каким образом эскимосы различали мысы Свартенвог и Томас Хаббард? Разумеется, Этукишук и Авела не владели топонимикой белых людей... Что думали они по поводу самоуправства участников экспедиции Пири, нам остается только догадываться. (Чего стоит один вопрос о складах на дрейфующем льду – типичный нонсенс с современных позиций, свидетельствующий о наивности допрашивающих!)

Еще раз подчеркнем: о каком-либо разоблачении Кука в результате свидетельства Авела и Этукишука говорить не приходится. Важнее другое: во-первых, люди Пири начали сбор компромата на потенциального конкурента; во-вторых, о реальных успехах Кука они ничего не узнали. И не могли узнать, потому

что несчастные эскимосы Авела и Этукишук (вдобавок связанные обязательством перед Куком не разглашать факт пребывания на Тиги шу) просто не понимали смысла происходящего. Если уж собственный их поход к полюсу казался им лишенным здравого смысла, то какая-то возня белых людей теперь и вовсе находилась за пределами их понимания.

“Ценность” информации, полученной Борупом и другими участниками допроса, практически не знающих языка аборигенов, спустя много лет хорошо подметил Херберт: “Эскимосы рассказывали нам (как их отцы рассказывали Пири и Мак-Миллану) то, что, по их мнению, мы бы хотели услышать” [77, с. 23].

После допроса оба эскимоса бросились к Уитни, которому перед отправлением на юг Кук оставил инструменты и большую часть полевой документации, но и тот ничего путного не смог объяснить сбитым с толку парням. Кроме того, Уитни собирался выбираться “на материк” и в этом целиком зависел от Пири.

Как и девять лет назад в случае со Свердрупом, Пири в самой категорической форме потребовал от Уитни не брать с собой каких-либо экспедиционных материалов Кука. Уитни попал в сложное положение: с одной стороны, у него были обязательства перед Куком, а с другой – оставаться в Гренландии еще на одну зимовку ему никак не хотелось. В результате он оставил все, доверенное ему Куком, в тайнике на берегу, причем в присутствии Бартлетта.

26 августа 1909 года “Рузвельт” оставил берега Гренландии, а 5 сентября бросил якорь в Индиан-Харборе на Лабрадоре. Как считает Райт [50], только здесь Пири получил достоверную информацию о достижении Куком полюса, видимо от Адамса, капитана китобойного судна “Морнинг”, с которым Кук имел встречу на пути в цивилизованный мир. Теперь Пири надо было принимать решение, как вести себя в создавшейся ситуации, развитие которой он не мог предвидеть. 8 сентября из Батл-Харбор в “Ассошиейтед-пресс” ушла телеграмма следующего содержания: “Вбил звезды и полосы в Северный полюс. Ошибки быть не может. Не принимайте версию Кука всерьез. Сопровождавшие его эскимосы говорили, что он не ушел далеко на север от материка. Их соплеменники подтверждают это. Пири”.

Телеграмма аналогичного содержания ушла также жене: “Задержался из-за шторма. Пусть вранье Кука тебя не тревожит. Он у меня в руках”.

Затем 10 сентября Пири обратился в “Нью-Йорк геральд”: «Не могу себе представить, что “Геральд” верит басням Кука. Примите к сведению, что Кук просто надул публику. Он не был на полюсе ни 21 апреля, ни в какое другое время. Данное заявле-

ние сделано мною намеренно, а в должный срок будет подкреплено соответствующими доказательствами. Пири». Иначе он поступить не мог, поскольку по возвращении в Штаты ему пришлось бы объясняться в Арктическом клубе Пири, интересы которого он представлял, по поводу своего легкомысленного пренебрежения к конкуренту. Обвинив Кука в жульничестве, Пири надеялся на поддержку клуба. Остальное уже не имело значения.

Глава 9

Возвращение в цивилизацию. Контрверсия

Ф. Кук находился в Анноатоке всего трое суток – с 18 по 21 апреля 1909 г. Видимо, этого срока было достаточно для восстановления сил, потому что когда он узнал, что местные эскимосы отправляются на юг, то решил присоединиться к ним. Предстоящий длительный поход после всего пережитого уже не казался Куку чем-то чрезвычайным. Скорее наоборот – такое путешествие на свежих собачьих упряжках в многочисленной компании аборигенов обещало смену впечатлений и перспективу скорого возвращения в цивилизацию.

В те времена Гренландия была связана с метрополией – Данией пароходными рейсами из Уманака, куда почта доставлялась эскимосскими лодками из резиденции губернатора Кроля в Упернавике. Анноаток находился как раз на полпути от полюса до Упернавика, располагаясь от того и другого в 700 милях. Поскольку на предстоящем пути в Упернавик риск все же оставался, Кук решил доверить самую ценную документацию и часть инструментов на хранение Уитни.

“В ящике, который я вручил Уитни, – писал он позднее, – были упакованы: один французский секстан, одна буссоль (алюминиевая, со съемным азимутальным кругом), один искусственный горизонт в тонкой металлической оправе, регулируемый спиртовыми уровнями и винтами, один барометр-анероид в алюминиевом корпусе, один алюминиевый ящик с максимальными и минимальными спиртовыми термометрами, прочие термометры, а также один жидкостный компас. (...) Там были документы и инструментальные поправки, показания приборов, сравнительные таблицы и другие заметки, небольшой дневник... в котором были записаны кое-какие полевые отсчеты инструментов и метеорологические данные... По особой просьбе Уитни я оставил ему флаг” [33, с. 310].

На своем пути из Анноатока на юг Кук и эскимосы пересекли пролив Марчисон, где Кук зимовал в 1891–1892 гг. в составе экспедиции Пири. В целом путь до Упернавика занял почти месяц и прошел без особых приключений. 20 мая Кук постучался в дверь губернаторского дома.

“На мне была потрепанная куртка из тюленьей кожи, потертые штаны из медвежьей шкуры, заячьи чулки и рваные ботинки из тюленьей кожи. Само собой разумеется, я был очень грязен. Мое загорелое, бронзовое лицо осунулось, а спутанные волосы были не подстрижены. Однако я несколько пришел в себя после ванны и смены белья... Позднее мое одеяние было заменено: новой одеждой меня снабдил губернатор Кроль, в ней я и прибыл в Копенгаген” [Там же, с. 315] – так описывает свои первые впечатления Кук от встречи с официальными лицами в Гренландии, скромно добавляя в конце, что один из первых вопросов губернатора был о наличии у него ... насекомых. Прежде всего Кук воспользовался большой библиотекой губернатора. “У меня была огромная удобная постель с пуховыми матрацами и чистыми простынями. Я спал почти беспробудно, посвящая примерно четыре–пять часов в день работе над своими записями”.

Вскоре Кук посвятил губернатора Кроля в тайну достижения им полюса. Тот в процессе ежедневного общения с Куком все больше и больше проникался уважением к гостю.

Первым судном, оказавшимся в гренландских водах с наступлением лета, был китобоец “Морнинг” из Данди (Шотландия). Капитан судна Адамс оказался в курсе “полюсных” событий. Он, в свою очередь, поделился с обитателями губернаторской резиденции новостями из большого мира: о неудачной попытке Эрнста Шеклтона достичь Южного полюса, об освоении новых районов китобойного промысла и рыболовства и даже о событиях театральной жизни, особо выделив успех оперетт “Веселая вдова” и “Принцесса долларов”. К новостям капитан Адамс “присовокупил” солидный мешок картофеля, который был принят губернатором и его гостем с чувством благодарности.

Ожидание судна на Копенгаген также затянулось на месяц, в течение которого в Западной Гренландии произошло полное солнечное затмение.

Наконец 20 июня рейсовое судно “Годхааб” бросило якорь на рейде Упернавика, и на нем Кук посетил еще Уманак, Эгедесминне и другие населенные пункты по побережью моря Баффина, где американец познакомился со многими официальными лицами и полярными исследователями, включая К. Расмуссена, который, выслушав рассказ Кука, высказал мысль о грядущем столкновении его с Пири. “Тогда, – писал Кук, – эти слова не произвели особого впечатления... но мне пришлось вспомнить их позднее” [Там же, с. 318].

Рассказ Кука о его путешествии к полюсу тем временем распространился среди обитателей Гренландии, и можно было ожидать, что эта сенсация скоро станет достоянием цивилизованного

мира, в связи с чем датчане предложили Куку ускорить его отъезд в Европу, чтобы самому заслуженно пожать плоды своего предприятия. Благодаря содействию датских друзей, Кук оказался на борту “Ханса Эгедэ”, отплывавшего в Копенгаген. На этом же судне возвращался в Европу швейцарский гляциолог Альфред де Кэрвен, который в процессе общения с Куком убедился, что тот достиг полюса.

По пути судно зашло в Леруик на Шетландских островах, чтобы оттуда по телеграфу Кук мог известить мир о своем достижении, причем ... в долг, поскольку наличности, кроме сорока или пятидесяти долларов, оставленных на самое необходимое, у него не было.

Информация о покорении полюса стоила дорого, и в адрес Гордона Беннетта, владельца “Нью-Йорк геральд” (ранее субсидировавшего экспедиции Стенли в Африку и Де-Лонга к Северному полюсу), была составлена телеграмма следующего содержания: “Сообщение оставлено у датского консула. 2 000 слов. Предполагаемая стоимость сообщения 3 000 долларов. Случае желанья можете обратиться за получением”. Тогда Кук еще не подозревал, какой эффект вызовет его сообщение в цивилизованном мире.

Об этом он задумался только на подходе к берегам Дании, когда еще в море судно было взято на абордаж представителями ведущих мировых агентств, в погоне за долгожданной новостью века. “Им было дозволено подняться на борт под тем предлогом, что у них было сообщение американского посланника мистера Эгана. Я пригласил их в свою каюту и спросил: публиковалась ли моя телеграмма в “Нью-Йорк геральд”. Корреспондент “Политикен” извлек экземпляр датской газеты, в которой я увидел статью обо мне. Я беседовал с корреспондентами минут пять, и главным моим впечатлением было то, что они не знали, чего хотели от меня” [33, с. 319–320]. Одним из “допрашивавших” Кука на борту “Ханса Эгедэ” был корреспондент газеты “Политикен” Петер Фрейхен, ставший его непримиримым противником в ближайшем будущем.

Абордаж корреспондентской братии достиг апогея на подходе к Хелсингеру, когда на палубу “Ханса Эгедэ” с катеров и буксиров высадилось солидное подкрепление журналистов и фотокорреспондентов, повергнувших предмет своего внимания в состояние если не шока, то очевидного дискомфорта. “Теперь судно атаковали репортеры, которые не страдали морской болезнью, и каждый из них настаивал на особом интервью. (...) Телеграммы и письма громоздились в моей каюте горой. С присущей мне привычкой методично прочитывать и отвечать на все сооб-

щения я принялся за дело, которое оказалось безнадежным. Я зашел в тупик, меня охватило ощущение того, что я не знаю, где нахожусь и что мне делать. ...Прежде чем я сумел хоть приблизительно оценить ситуацию, мы прибыли в Копенгаген” [Там же, с. 320]. Это произошло утром 4 сентября, когда Кук начал догадываться, что встреча с цивилизацией может обернуться для него жестоким испытанием.

На этом бурном фоне отметим получение Куком телеграммы от Р. Амундсена: “Самые теплые поздравления с выдающимся подвигом. Сожалею, что не могу быть в Копенгагене. Надеюсь на встречу в Штатах”. Старый товарищ по экспедиции на “Бельгике”, заслуживший мировую известность после покорения в 1903–1906 гг. Северо-Западного прохода, не забыл былой дружбы.

На рейде Копенгагена Кук при виде открывшейся картины с содроганием ощутил, что ожидает его уже в самые ближайшие часы: “Буксиры, моторные и гребные лодки, парусные суденышки вскоре окружили нас и пошли следом. Флаги всех национальностей развевались на специально убранном судне. Люди что-то кричали, казалось, на всех языках мира. Волны приветствий одна за другой катились над головой. Гудели рожки, слышалась музыка, стреляли ружья, бухали пушки. Балансируя на неустойчивых палубах, засунув свои головы в черные капюшоны, повсюду суетились вездесущие операторы кинематографа. ...Я стоял на палубе совершенно ошеломленный” [Там же, с. 321].

Кук еще не знал, что в Копенгагене его ожидала разрешавшая все его финансовые затруднения телеграмма от Беннетта, в которой маститый газетчик сообщал, что никогда еще не получал такого удовольствия всего за три тысячи долларов.

При виде шикарно одетой публики (среди которой были и представители королевской фамилии) полярный бродяга, заявившийся в приличное общество невесть откуда, испытал чувство неловкости за свою поношенную и засаленную одежду, вдобавок с чужого плеча. В эти самые первые и трудные часы возвращения и приспособления к совершенно новой, непривычной обстановке опеку над Куком принял на себя глава местного корреспондентского корпуса англичанин Уильям Стед, позднее отметивший, что его подопечный в то время был похож “на наивного неопытного ребенка, крайне нуждавшегося в том, чтобы кто-нибудь заботился о нем и давал советы, как лучше поступать в его же собственных интересах” [Там же, с. 212]. Однако, по мнению многих журналистов, совсем не так должен был выглядеть и вести себя отважный покоритель полюса. Именно это непонимание морального состояния Кука и

вызвало у целого ряда представителей прессы (в частности П. Фрейхена, Ф. Гибса и др.) подозрение в неискренности его поведения и последующих заявлений.

С заполненной народом набережной Стед переправил своего подопечного в здание Метеорологической службы, где Кука приветствовал участник знаменитой экспедиции на “Веге” под начальством Норденшельда капитан 2-го ранга А. Ховгард. Затем переполненный впечатлениями и смертельно уставший герой полюса был наконец доставлен в отель “Феникс”, где за него принялись сначала парикмахер, а затем маникюрша. Здесь Кука встретил старый друг и участник первой экспедиции на Мак-Кинли Ральф Л. Шейнвальд, который по-дружески помогал ему приспособливаться к цивилизованной жизни. Затем последовал завтрак в американском посольстве, сменившийся приемом в королевском дворце. Завершился первый день пребывания на гостеприимной датской земле часовой встречей с корреспондентами в отеле и банкетом в городской ратуше. “Я не знал покоя ни днем, ни ночью и даже во сне. Я спал не более пяти часов в сутки, если только эти часы можно назвать сном” [Там же, с. 324]. Для человека, прошедшего огонь, воду и “волчьи зубы” высоких широт, начались испытания медными трубами. И это было только началом!

Хотя первый публичный отчет о походе на полюс состоялся в Датском географическом обществе только 7 сентября, предшествующие дни также оказались насыщенными множеством встреч с официальными лицами, газетчиками и учеными. Представить, что в подобной ситуации можно выдержать единообразие при изложении якобы сфальсифицированных сведений, невозможно, прежде всего в связи с физическим и моральным состоянием Кука в то время. Более того, по мнению Стед, “все, что ловкий плут делает инстинктивно, если хочет смошенничать, Кук намеренно избегал”.

Хотя сама по себе идея мошенничества и фальсификации принадлежит (по вполне понятным причинам) Пири, к сожалению, она самостоятельно возникла среди газетчиков по другую сторону океана. Возможно, первый шаг в этом направлении принадлежал корреспонденту лондонской “Дейли кроникл” Гибсу, которому в ответ на вопрос: “Чем можно подтвердить открытие полюса?” – Кук якобы ответил: “Нансену и Свердрупу поверили на слово, почему же не поверят мне?” Участники разговора не подозревали, что на подтверждение правоты Нансена о системе течений в Северном Ледовитом океане (а это его главное открытие по результатам экспедиции на “Фраме”) потребуется почти полвека, вплоть до дрейфа “Седова” в 1937–1940 гг. Однако да-

ром предвидения Гибс не обладал – его внимание привлёк “странный, взволнованный протест и смущенный, почти виноватый вид” собеседника. “Я подумал – тут что-то неладно!”

Ученые могут привести множество примеров непреднамеренной фальсификации, а просто информационного брака при освещении прессой проблем науки, тем более что и сами исследователи отнюдь не ангелы и могут ошибаться – примеров тому немало. Но в описываемом случае имела место не профессиональная ошибка журналиста, а стремление выступать в качестве некоего арбитра между наукой и обществом в вопросах, в которых сам корреспондент не мог составить собственного обоснованного мнения априори. Но это был только первый шаг в развитии драмы Кука.

Пресса ожидала немедленной реакции ученых. Тем, в свою очередь, требовалось время, чтобы составить свое мнение. Специалисты оказались в весьма сложном положении, поскольку заявки Кука были такого уровня, что судить их по прежним критериям было невозможно, или крайне затруднительно, подобно тому как оценки классного специалиста по проблемам механики совсем не авторитетны для физика-ядерщика. Если бы с Куком были его инструменты и материалы первичных наблюдений, можно было бы оценить величину систематических и некоторых случайных погрешностей в определении координат, но как раз именно эти материалы и были оставлены Уитни в Анноатоке. Судить о природных процессах там, где никто из исследователей, кроме Кука, не бывал? Вопрос стоял именно так, поскольку наблюдения Нансена на “Фраме” относились к совсем другой акватории Северного Ледовитого океана, со своей специфической природной системой, где не могло быть аналогий с наблюдениями Кука. Правда, в это время А.В. Колчак уже сделал свой вывод о наличии второй циркуляционной системы дрейфа, причем там, где проходили маршруты Кука. Опубликованная в 1909 году на русском языке (который на Западе знали весьма ограниченно), его книга еще не завоевала должной известности в научном мире – до подтверждения содержащихся в ней данных также оставалось почти полвека.

Между тем и сам Кук вел себя по отношению к газетчикам (даже настроенным к нему доброжелательно) не лучшим образом, о чем свидетельствует его интервью Стеду, отрывок из которого приводится ниже:

– Доктор, вы действительно полагаете, насколько я могу судить, что побывали на полюсе?

– Я так полагаю.

– Вы ступили прямо на него ногой?

– О, я этого не говорил. Я побывал там, где широта перестала изменяться.

– Как выглядит полюс?

– Лед.

– Вы были в точке полюса?

– Это просто сказать – в точке. Мы не пытались притащить все тяжелые инструменты, которыми располагали другие. Поэтому нет ничего такого, что с научной точки зрения было бы полностью завершенным. В маршруте мы облегчали себя насколько возможно, покрывая до 15 миль в день...

– Это невозможно...

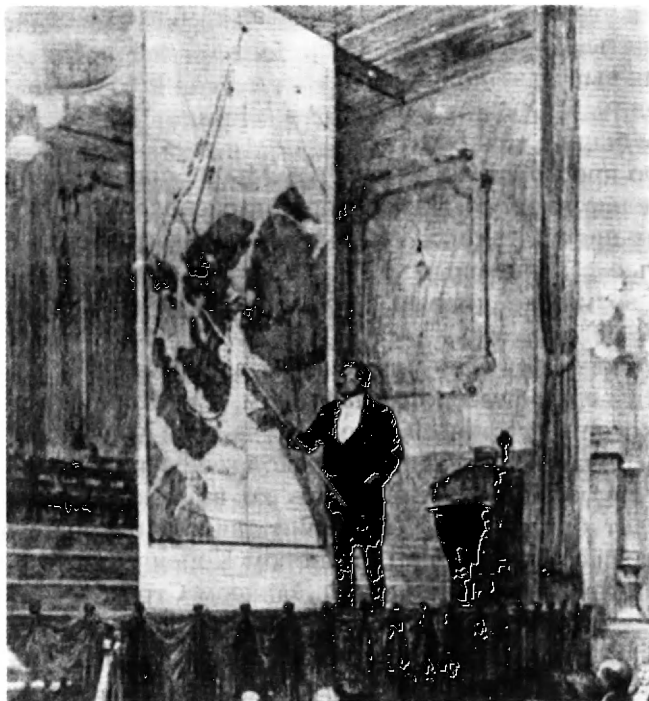
– Датских миль – да, английских – вполне...” [81].

Беседы с профессором Улафсенем, секретарем Королевского Датского географического общества, и А. Ховгардом, специалистом в области навигации и морской геофизики, прошли в спокойной атмосфере и завершились ко взаимному удовлетворению. 5 сентября, во второй половине дня, они были продолжены уже с профессором Торпом, ректором Копенгагенского университета, и известным астрономом Эллисом Стромгреном, в связи с проблемами определения координат и способов определения местоположения методами навигационной астрономии. Ученые мужи позднее заявили, что “ответы доктора Ф.А. Кука нас полностью удовлетворили... Ни у кого нет оснований сколько-либо сомневаться в том, что он достиг Северного полюса, и в том, каким образом он это сделал”.

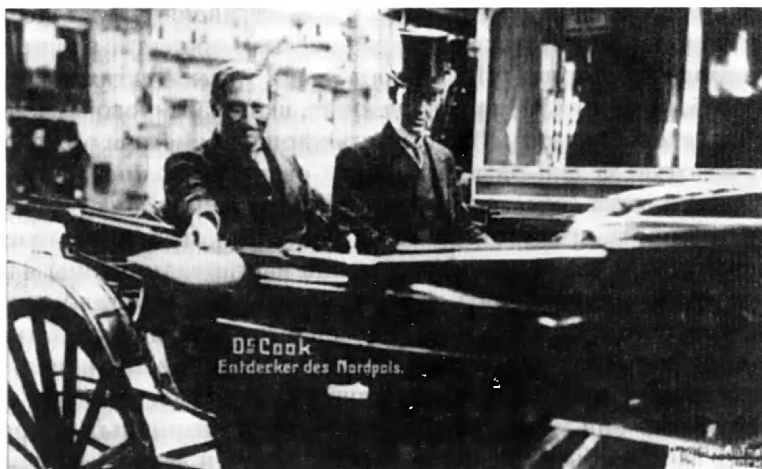
Эти встречи явились прелюдией к выступлению Кука 7 сентября в Королевском Датском географическом обществе в присутствии короля Фредерика VIII и королевы, а также других августейших особ, помимо 1500 приглашенных, включая многочисленных специалистов. От лица Общества кронпринц Христиан пожаловал Куку золотую медаль за достижение Северного полюса.

Однако этим события 7 сентября не ограничились. Вечером Куку пришлось присутствовать на банкете, устроенном газетой “Политикен” в его честь. «Устроители настаивали, чтобы я приехал хотя бы минут на пять, – вспоминал Кук. – Я устало слушал речи, которые произносились на разных языках, и не испытывал никакого волнения при звуках аплодисментов. (...) Я увидел, что со всех сторон в зале появились служители с телеграммами в руках, которые они клали рядом с тарелками различных репортеров. (...) Можно было слышать дыхание людей. Это было первое послание Пири, которое гласило: “Звездно-полосатый флаг пригвожден к полюсу!”

Я сразу же поверил тому, что было написано в телеграмме. “Наконец-то он добрался туда”, – подумал я. (...) Насколько я

На лекции в Датском географическом обществе

В Копенгагене с кронпринцем Христианом

способен анализировать свои чувства, могу сказать, что не испытывал ни ревности, ни сожаления... “Славы хватит на двоих”, – сказал я репортерам» [Там же, с. 325]. Кук также добавляет, что ему и в голову не приходила мысль, что Пири станет оспаривать его заявку.

Двое суток спустя Копенгагенский университет проводил в своем актовом зале чествование Кука, завершившееся присуждением ему почетной степени доктора философии. На заседании присутствовали О. Свердруп и Р. Амундсен, изменивший свои первоначальные планы.

На вопрос корреспондента ведущей газеты “Афтенпостен” по поводу достижений Кука, заданный еще 2 сентября, Амундсен ответил: “Кук сделал завершающий шаг в полярных исследованиях. Но он также выдающийся классный спортсмен, и его главное достижение – Северный полюс”. 8 сентября специально для репортеров “Нью-Йорк таймс” Амундсену пришлось уточнять свою позицию: “Бесполезно спорить по поводу достижений обоих исследователей. Важна не математическая точность достигнутой точки, а наблюдавшиеся там географические условия. Вероятно, что-то останется и для всех нас...”

Близкое по смыслу представителям той же газеты сказал и Кук: “Два рекорда лучше одного...”

Судя по неопубликованным воспоминаниям Кука, которые использовал в своей работе Хантфорд [73], Амундсена в то время интересовали условия дрейфа в околополюсном районе, известные ранее только по наблюдениям экспедиции на “Фраме” 1893–1896 гг. В свою очередь, в своих воспоминаниях Кук осторожно намекает, что он якобы подсказывал своему другу вариант с Южным полюсом. Сам Хантфорд, однако, считает, что Амундсен не стал бы делиться своими намерениями на изменение первоначальных планов, если в его голову уже и закралось что-либо подобное. В любом случае речь идет только о домыслах, тем более что при встрече в Копенгагене старым друзьям по совместным испытаниям в Антарктике было что вспомнить и чем поделиться.

Между тем вести из Штатов приходили самые невероятные, и, когда в Дании было получено новое заявление Пири от 10 сентября, Кук уже не мог оставаться в гостеприимном Копенгагене. Очередной трансатлантик под шведским флагом “Оскар II” уходил из Кристиансунна в Норвегии буквально на следующий день. Кук в сопровождении Амундсена ринулся, что называется, вдогон. Пока Кук устраивался в каюте, Амундсену приходилось отбивать очередной натиск репортеров:

– Верите ли вы Куку?

- Вне всяких сомнений.
- Чем объяснить действия Пири?
- Он вбил в свою голову, что является монополистом в Арктике.

Хантфорд [73] объясняет взгляды Амундсена тем, что тот был сторонником морского права (в частности свободы открытого моря), распространяя его и на акватории высоких широт. Несомненно одно: с момента расставания в Магеллановом проливе в отношении к бывшему товарищу и учителю у Амундсена ничего не изменилось. По крайней мере, все, что известно об их встрече осенью 1909 года, подтверждает такой вывод. Для Амундсена Кук остался другом, но не соперником, – это не подлежит сомнению, хотя он явно смешал первоначальные намерения и планы норвежца.

На борту “Оскара II” Кук наконец получил долгожданный отдых и, по его собственному выражению, отоспался как за предшествующие месяцы, так и на месяц вперед, несмотря на обширный поток корреспонденции из эфира: радио уже прочно заняло свое место на трансатлантических судах. Но только с приближением к американскому континенту он осознал наконец, что его обвиняют, причем со ссылкой на свидетельства Этукишука и Авела, ни больше ни меньше как в фальсификации своего полюсного похода!

Тем не менее 21 сентября 1909 года Нью-Йорк встречал Кука овациями и громом оркестров. Больше двух тысяч его друзей, включая представителей Арктического клуба, а также жена с дочерьми вышли в море на портовых судах и буксирах, чтобы встретить покорителя полюса. Разумеется, среди них было немало газетчиков, уже в полной мере оценивших ситуацию по телеграммам Пири и жаждущих получить “жареные факты”.

В русской печати тех лет прибытие Кука на родину описано так:

“Раньше, чем он сошел на берег, его друзья из Арктического клуба торжественно приветствовали его прибытие. Мэр Бруклина встретил его продолжительной приветственной речью, на которую Кук ответил следующее:

– Ваш прием и ваше восторженное приветствие трогают меня до глубины души и наполняют мое сердце радостью. Мне больше бы хотелось по возвращении из арктических областей прежде всего ступить ногой на американскую территорию, но необходимость и судьба направили меня в Данию...”

Затем последовала лавина объятий и поцелуев, а также атаки любителей автографов.

**Встреча с женой и детьми
при возвращении в Нью-Йорк**

– 10 долларов за каждую надпись! – вскричал доктор. – Эти деньги будут мне служить фондом для моих будущих экспедиций...

Доктор Кук был осажден целой армией журналистов и, предупреждая их вопросы, передал каждому из них по листочку бумаги одного и того же содержания:

«Я возвращаюсь с Северного полюса. Я привез с собою отчет о моем путешествии и мои записки о моих научных исследованиях. Читающий мир уже осведомлен о моей экспедиции, подробный отчет о которой будет опубликован в скором времени и представлен ко всеобщему суду.

Нетрудно понять, что я не могу сейчас же полностью опубликовать рукопись, содержащую все подробности моего двухлетнего труда и усилий. Я могу пока только сообщить об этом самые сжатые сведения» [34, с. 134–135].

Спустя три дня после сообщения прессы о прибытии Кука в Нью-Йорк он получил из Индиан-Харбора телеграмму за подписью Уитни о том, что все порученные ему инструменты, полевые записи и другие документы оставлены в Анноатке. Кук был по-

Прием в отеле "Уолдорф-Астория" при возвращении в Соединённые Штаты

ражен этим известием, словно ударом грома. Теперь он в полной мере мог осознать чудовищную реальность: ему нечем было оплатить авансы встреч и чествований и отвести обвинения Пири, потому что он привез в Америку лишь полевые записи за время с 18 марта по 13 июня 1908 года, помимо результатов пяти обсерваций с помощью секстана, включая наблюдения на полюсе. На этой основе он не мог составить полноценный научный отчет для Копенгагенского университета, как он намеревался сделать. Нетрудно было догадаться, что перед лицом соперника, показавшего, что в борьбе за первенство он готов на все, Кук оказался в крайне неблагоприятном положении, вынужденный оправдываться в том, в чем он не был виноват.

Началась яростная схватка за полюс, или контрверсия “Кук – Пири”.

В английском языке, согласно словарю Уэбстера, понятие “контрверсия” (controversy) толкуется как конфликт, столкновение различных точек зрения, без указания формы развития самого процесса. Несомненно, опыт контрверсии “Кук – Пири” поучителен и в наше время, поскольку он отчетливо вскрывает роль и значение спонсоров конфликтующих сторон, их положение в обществе, отношение с властями, администрацией и т.д. Актуальность проблемы в современных условиях очевидна также в связи с возрастающей ролью науки в жизни общества, тем более что оценка обществом результатов исследования – проблема вечная...

Началом спора можно считать телеграммы Пири из Индиан-Харбора 8 и 10 сентября 1909 года, приведенные выше. Но это только то, что лежит на поверхности, тогда как для исследователя наибольший интерес представляют глубинные мотивы поступков и действий сторон, включая методы доказательств собственного приоритета. В контрверсии “Кук – Пири” с самого начала последствия проигрыша для каждой из сторон слишком отличались. Выиграй Кук – усилия Пири за все предшествующие десятилетия в глазах общественного мнения теряют всякий смысл и обесцениваются, тем более что “неприкосновенный запас” исследователя – природная информация – у него была просто скудной. В случае выигрыша Пири Кук в глазах общества предстает обманщиком и лжецом, недостойным для общения с приличными людьми. В такой ситуации какое-либо сотрудничество сторон в решении общей проблемы исключалось, тогда как специалисты по Арктике совсем не спешили сказать свое веское слово.

Показательна реакция Нансена на первые известия о достижении полюса, даже с поправкой на тот моральный кризис, кото-

рый переживал великий норвежец после смерти жены. Самый известный ученый-полярник был срочно вызван после возвращения из плавания. Записи в его дневнике говорят сами за себя: “Я возликовал от облегчения – значит, с детьми ничего не случилось, а я-то думал, что вызывают наверняка из-за них. А потом я рассвирепел: какое мне, к черту, дело, что кто-то там вернулся с Северного полюса... Когда-то Северный полюс был для меня делом всей жизни. Я мог и должен был внести свой вклад в это дело. А потом кончилось это, и новые дела заполнили мою жизнь. И сейчас мне настолько это неинтересно, что даже не хочется сойти на берег и узнать подробности” [42, с. 243]. В такой позиции, даже с учетом всех личных обстоятельств выдающегося исследователя, отчетливо проявилось его неприятие самой формы подачи информации прессой.

Однако за газетной шумихой, полыхавшей вокруг претендентов, незримо присутствовала проблема: что для исследователя важнее – успех или истина? Характерно, что практически никто из крупных полярных исследователей того времени (включая Нансена) не взял на себя роль судьи в завязавшейся схватке. Для этого было несколько причин, из которых мы отметим здесь только самые главные. Во-первых, они отчетливо понимали, насколько мало в их распоряжении для выполнения такой роли необходимой природной информации. Во-вторых, со временем контрверсия все больше теряла форму научной дискуссии и приобретала черты общественного скандала, в котором потребители газетной информации не могли воспринимать позицию ученых просто в силу своего уровня понимания проблемы. В-третьих, в такой ситуации самый объективный судья-ученый, отдавая предпочтение одной из сторон, невольно рисковал собственной репутацией.

Наконец, самое главное – невозможность на тот момент проверки информации независимыми экспертами путем повторных наблюдений.

Пресса той поры зафиксировала резкую смену позиций и точек зрения многих людей, взявших на себя роль судей, а таких нашлось немало, хотя уровень их в целом ряде случаев вызывает самые серьезные сомнения.

Еще 6 сентября 1909 года (т.е. пять дней спустя после первого сообщения Кука о достижении им полюса) “Нью-Йорк сан” вдруг опубликовала высказывание Ф. Принса, участника обеих экспедиций Кука к вершине континента, о том, что “нога Кука не ступала на вершину Мак-Кинли”. Правда, свое заявление он мотивировал тем, что Кук не расплатился с ним за работу в экспедиции. Нельзя не удивляться столь мгновенной реакции обитате-

ля захоластья на сообщение об успехе своего бывшего босса, причем в странном совпадении – спустя сутки после прибытия Пири в Индиан-Харбор.

Видимо, не случайно Т. Райт считает [50], что трехнедельная задержка Пири в Индиан-Харборе на Лабрадоре при возвращении в Штаты была вызвана необходимостью оценки создавшейся ситуации и выработкой мер по дискредитации своего конкурента. Первая статья в “Нью-Йорк таймс” от 28 сентября 1909 года лишь развивала содержание телеграмм Пири трехнедельной давности, причем не слишком убедительно. Например, Пири отрицал пребывание Кука на северной оконечности о-ва Аксель-Хейберг на том основании, что Кук не видел его гурия, поставленного в 1906 году на мысе Томас Хаббард. Правда, указанный мыс находится в 15 км от мыса Свартенвог, детально описанного Куком, у которого не было ни возможности ни желания для ненужных экскурсий в окрестностях. Кроме того, Пири изложил свою версию допроса Этукишука и Авела, согласно которой эскимосы вместе с Куком провели некоторое время на припае перед Большой полынью в пределах видимости суши, а затем занялись охотой на островах Канадского Арктического архипелага с последующим возвращением в Анноаток. Однако из допроса Боруа никак не явствует о каком-либо присутствии Кука на мысе Томас Хаббард. А если это не так, то чего стоит вся остальная информация, полученная им от перепуганных эскимосских парней.

Хотя в атмосфере спора о первенстве в достижении полюса обозначились скандальные оттенки, октябрьский выпуск “Нейшенл джиографик мэгэзин” за 1909 год ограничился перепечаткой сообщений Кука из “Нью-Йорк геральд” за 1 сентября и Пири из “Нью-Йорк таймс” за 6 сентября с небольшими редакторскими примечаниями, в которых особо подчеркивалось мнение Национального географического общества о том, что оба полярника достигли полюса. Специально оговаривалось, что каких-либо сомнений в честности претендентов у редакции нет, а речь идет лишь о необходимости анализа представленных результатов наблюдений с точки зрения определения точности географических координат, что само по себе понятно. Такая постановка вопроса, естественно, устраивала Кука и, наоборот, абсолютно не удовлетворяла его соперника. Очевидно, Пири было нужно нарушить складывающийся баланс доверия в обществе в свою пользу.

Вскоре американские газеты опубликовали заявление Арктического клуба Пири от 13 октября, в котором выражалось возмущение поступком Кука, запретившего эскимосам делиться до

определенного срока информацией о достижении полюса. Между тем это была нормальная практика, когда обладатель информации первостепенного значения имел все права на ее использование по своему усмотрению. Суть полюсного похода Кука в вышеназванном заявлении излагалась следующим образом: “После ночевки в лагере, из которого два эскимоса вернулись обратно, доктор Кук вместе с оставшимися двумя спутниками на двух санях, запряженных двадцатью собаками, двинулся в северном или северо-западном направлении. Они сделали еще один переход и вышли на участок весьма неровного льда, заканчивавшегося большим разводьем. Они не стали пересекать этот участок, а повернули на запад, к острову Аксель-Хейберг и у поворота оставили тайник. На острове они провели 4 или 5 дней... После того как капитану Пири сообщили о рассказе эскимосов, он предложил задать им несколько вопросов относительно этого перехода с материка на север и обратно” [50, с. 204]. Отдельные факты, или непонятые, или заведомо искаженные, были вырваны из общего контекста событий и в таком виде преподнесены неопытному в полярных делах читателю, готовому принимать на веру порой самое невероятное. Позже исследователи обнаружили множество противоречий в состряпанных наспех обвинениях в адрес Кука. Тем не менее абсолютно прав Райт, считающий, что “психологический анализ тех или иных поступков Пири показывает, что его усилия были направлены на уничтожение Кука”, а не на поиски истины [Там же, с. 206].

Стремление (по крайней мере на начальном этапе контрверсии) Кука понять своего конкурента ставило его самого изначально в неблагоприятное положение в этом разнuzданном площадном споре. Долгое время он избегал прямых обвинений в адрес своего соперника.

В противоположность Куку в действиях Пири и его Арктического клуба сразу же проявилась готовность самым решительным образом использовать против конкурента все доступные средства. По сути, сам Пири и его Арктический клуб оказались в одной связке, причем Пири знал, что будет во всем поддержан клубом. Не будь Кука, клуб после опубликования полюсного отчета Пири прекратил бы свою деятельность за ненадобностью, тогда как возникающая контрверсия обеспечивала его дальнейшее функционирование, с заменой прежней организационно-экспедиционной деятельности на новую, общественно-пропагандистскую, направленную на дискредитацию соперника.

Одним из новых направлений работы Арктического клуба Пири стало шельмование всей предшествующей деятельности Кука. Заявлением Принса, обвинявшего Кука в фальсификации

восхождения на Мак-Кинли, дело не кончилось. Т. Хекаторн полагает, что «с началом контрверсии “Кук – Пири” Б. Браун и Х. Паркер (участники экспедиции 1906 года. – В.К.) тут же “прыгнули в фургон” Пири. Джэймс Эштон, поверенный Арктического клуба в Такоме, штат Вашингтон, имел тесные контакты с Брауном и Паркером в 1909 году. Как только Эштон получил 1 октября свидетельство Барилла под присягой (о том, что в 1906 году он вместе с Куком так и не достиг вершины Мак-Кинли. – В.К.), он тут же уведомил об этом президента Арктического клуба Пири Хаббарда» [74, с. 40]. Интересно другое – в бумагах Пири, открытых недавно для широкой публики, Хекаторн обнаружил оригинал банковского чека на 5 000 долларов из Арктического клуба на имя Эштона – плата за лжесвидетельство Барилла, текст которого “Нью-Йорк таймс” опубликовала 15 октября 1909 года.

В противовес собственным публикациям 1907 года (см.: гл. 3) Браун и Паркер вдруг настолько засомневались в достоверности пребывания Кука на Мак-Кинли, что решили сами штурмовать вершину континента, причем по маршруту Кука – по леднику Руфи. При этом Браун неожиданно вспомнил, что на вопрос Бариллу о восхождении 1906 года, тот ответил: “Идите и спросите Кука”, что было истолковано Брауном как признание того, чего не было... На самом же деле такой ответ был в высшей степени оправдан, поскольку вся информация о восхождении принадлежала журналу “Харперс мэгезин”, субсидировавшему экспедицию на Мак-Кинли.

По мнению Хекаторна [76], Пири затратил также 5 000 долларов на экспедицию Брауна и Паркера, которые попытались повторить маршрут Кука 1906 года и возвратились несолоно хлебавши, заявив о невозможности выйти к Мак-Кинли таким путем. Браун заявил также, что изображение на фотографии горы, выдаваемой Куком за Мак-Кинли и помещенной им в его книге “To the Top of the Continent”, относится к совсем другой вершине. Как было отмечено выше, издание книги происходило в отсутствие автора, который не внес последней редакторской правки. Трудно предположить, что Кук пошел на сознательную подмену, заранее зная, что будет разоблачен, так как уникальный природный памятник неизбежно привлечет множество любителей и профессионалов, которые моментально обнаружат подлог. Скорее, здесь имело место слишком поспешное выполнение заказа Пири, который любым путем стремился “пришить” ненавистному сопернику очередное обвинение.

Подобное отношение к Куку наиболее отчетливо проявилось в деле о “краже” авторства словаря племени яган – аборигенов

Огненной Земли еще во время экспедиции на “Бельгике”. Несмотря на то что уже освещалась официальная точка зрения издатель трудов экспедиции по указанному поводу, 21 мая 1910 года “Нью-Йорк таймс” опубликовала статью под заголовком “Кук попытался украсть труд всей жизни проповедника”. Поводом для статьи послужило письмо некоего Чарльза Таунсенда. Будучи некомпетентным и мало знакомым с результатами исследований на “Бельгике”, Таунсенд сослался в нем на профессора Колумбийского университета Фрэнка Боаса, которому Кук якобы “дал понять, что работа в основном выполнена им” [50, с. 216]. Однако в бумагах Кука сохранился написанный его рукой набросок вступления к словарю, в заголовке которого прямо указано: “...собранный за 37 лет миссионерской деятельности Томасом Бриджесом”. В данном случае трудно говорить о недоразумениях, поскольку все редакционные и иные неясности, применительно к делу Кука, трактовались его противниками однозначно. В создавшейся ситуации работа над словарем была Куком оставлена, как и над двумя другими выпусками трудов экспедиции, включая медицинский отчет и этнографические наблюдения.

К сожалению, не весь поток лживых обвинений можно опровергнуть документально. В конце 1909 года два джентльмена, некие Данкл и Луз, предложили Куку свои услуги в подготовке результатов наблюдений, которые он собирался направить в Копенгагенский университет. Получив в задаток 250 долларов, эти личности бросились в редакцию “Нью-Йорк таймс”, где заявили, что были наняты Куком для фабрикации фальшивого отчета о полюсном маршруте. Об этом газета известила своих читателей 9 декабря. “Как связался Кук с этими двумя типами, – негодует Райт, – остается неясным до сих пор” [50, с. 218]. Однако дело было сделано – еще раз в глазах доверчивой публики заслуженный полярник предстал отъявленным лжецом и мошенником. Этот эпизод Кук не может объяснить достойным образом и в своей книге, видимо, от избытка захлестнувших его отрицательных эмоций. Отметим все же, что, подрывая общественную репутацию Кука, его противники ничего не могли поделать с природной информацией последнего. Именно эта информация в будущем и обеспечила его посмертную реабилитацию. Но на рубеже 1909–1910 гг. сторонники Пири торжествовали: главные заявки Кука на покорение Мак-Кинли и полюса большинством читателей были отвергнуты. Остается только вспомнить великого современника Кука – Редьярда Киплинга: “Нет места здесь правдивым и беспристрастным судьям...”

В декабре 1909 года специальный комитет Копенгагенского университета вынес постановление по поводу документов, полу-

ченных от Кука: “Материалы, представленные в университет, не содержат ни наблюдений, ни какой-либо другой информации, которую можно было бы рассматривать как доказательство того, что доктор Кук во время своего последнего похода достиг Северного полюса” [50, с. 219]. Тем самым Пири, заставивший Уитни оставить записи полевых наблюдений Кука в Анноатоке, добился своего. Но он же создал опасный прецедент недоверия полярных исследователей к собственным результатам и заставил историков Арктики обратить особое внимание к основным событиям и итогам контрверсии. Завоевав при жизни официальное признание в высших общественных сферах, включая частично и государственную, для большинства же полярных исследователей, особенно зарубежных, Пири окончательно приобрел репутацию крайне амбициозного, готового на все ради утверждения своего первенства рекордсмена. Вокруг него сформировался со временем определенный вакуум, многие заслуженные полярники не желали иметь с ним дела, и это чувствовали многие его почитатели, болезненно реагируя на любые проявления недоверия к своему кумиру.

1910 год также оставался для Кука тяжелым. Его уязвленная репутация вновь подверглась жестоким испытаниям в связи с очередной публикацией в декабрьском номере журнала “Хэмптонс”. Речь идет о так называемых “признаниях доктора Кука”, представление о которых дают два отрывка:

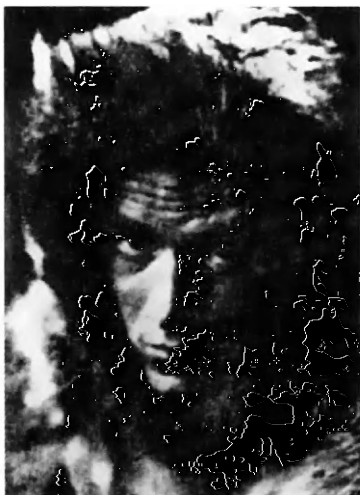
“Продумав все основательно, я сознаю: у меня нет абсолютной уверенности в том, что я дошел до полюса. Это заявление может показаться поразительным, но я готов удивить мир, если тем самым могу отстоять свое честное имя. Я имею в виду отнюдь не географическое открытие, а утверждение своей личности” [50, с. 220]. Это заявление имело в виду некую обычную математическую погрешность при измерениях и вычислениях (как правило, пренебрежимо малую) при определении координат полюса; но в контексте статьи она приобретала иное звучание, позволявшее превратить толкование. Эффект подобного “признания” был усилен обращением в адрес соперника: “Я хочу, чтобы меня правильно поняли – я никогда не собирался соперничать с капитаном Пири. Я признаю, что подвиг Пири, которому он посвятил всю свою жизнь, заслуживает признания. Я никогда не ставил под сомнение заявление Пири об открытии Северного полюса, не сомневаюсь в этом и сейчас. И я никогда намеренно не пытался украсть принадлежащей ему по праву славы” [Там же, с. 221].

В приведенных отрывках позиция Кука абсолютно понятна, поскольку он признает определенные погрешности в определе-

нии координат цели, с одной стороны, а с другой – ему нет смысла отрицать действительных заслуг Пири, прежде всего с точки зрения своего реального авторитета. Однако по логике его противников признание заслуг Пири почему-то означало отказ от своих собственных. Обстоятельства, в которых возникло такое “признание”, спустя пять лет раскрыла корректор журнала “Хэмптонс” Лиллиан Кил на заседании специальной комиссии Конгресса США: «Мы разрезали гранки и вставили текст, который весь мир посчитал признанием доктора Кука в своей неуравновешенности. Это “признание” было продиктовано мне заместителем редактора. Я тогда была в полной уверенности, что “признание” сделано с ведома доктора Кука. Я пришла в ужас, когда позднее узнала, что он ничего об этом не знал» [Там же, с. 219]. Последствия такой “правки” Кил описала так: “Если бы он не был человеком сильной воли, то это могло бы изменить его решение, но он был убит горем и отказался взглянуть на журнал” [Там же, с. 222].

Фиаско с журналом “Хэмптонс” означало завершение бурного периода контрверсии. “Отступление соперника, – пишет Райт, – позволило Пири утвердить свою победу” [Там же]. Правда, в 1915 году друзьями Кука была предпринята попытка добиться рассмотрения его дела специальной комиссией Конгресса США, но поскольку Кук находился тогда в зарубежной поездке по планете, охваченной пожаром первой мировой войны, и не смог вовремя вернуться в Штаты, Конгресс не стал заниматься его проблемами.

К описанной контрверсии самое прямое отношение имеет эпизод, нашедший отражение в исторической литературе, посвященной Арктике. В навигацию 1910 года в водах Гренландии появился ледокольный пароход “Беотик” (позднее он вошел в состав русского, а затем советского ледокольного флота под названием “Г. Седов”). На запрос с него ответили, что на борту судна находится Уитни и люди, которые направляются в Анноаток за материалами Кука. 4 августа “Беотик” бросил якорь на рейде этого селения, и на берег сошли Роберт Бартлетт и несколько туристов и охотников. Было сделано несколько фотоснимков тайника, в котором хранились материалы Кука, оставленные Уитни. Позднее Бартлетт вполне определенно заявлял: “Из принадлежащих ему (т.е. Куку. – В.К.)... оставалось немного одежды и тому подобного и, наверное, секстан. Что о заметках, то можно поручиться головой – их не было” [72, с. 216]. Этот визит позднее позволил сторонникам Кука заявить о преднамеренном похищении подлинных материалов наблюдений, выполненных Куком в полюсном походе. Это произошло в самый разгар контрверсии,

**Люди, определившие судьбу Ф.А. Кука:
Дж. Боруп, Г. Уитни**

когда эти материалы могли иметь решающее значение, но дело было сделано, и больше никто этих документов так и не увидел.

Изменение ситуации не в пользу Кука нашло отражение и на страницах русских изданий: “Шансы Кука, по-видимому, стоят ниже, чем шансы его противника” [56, с. 76]. Так оно и оказалось уже в ближайшем будущем.

Пири выиграл, поскольку в большей степени был сыном своего времени и своего общества, лучше разбирался в его связях и интересах, а вовсе не потому, что обладал какими-то особыми личными или исследовательскими качествами. Более того, как полевой наблюдатель он уступал Куку – достаточно сравнить содержание обеих книг о походе на полюс.

Арктический клуб Пири обеспечил своему протезе поддержку в прессе, включая такой мощный орган, как “Нью-Йорк таймс”, помимо Национального географического общества во главе с Генри Ганнетом. Деньги Арктического клуба и связи в прессе в конечном итоге обеспечили успех Пири. Правда, оставалась проблема научной информации, о которой в пылу схваток на страницах прессы попросту забыли. Она-то неожиданно и всплыла через сорок лет на страницах научной печати – но это тема специального исследования (см.: “Вместо заключения. Вердикт времени”). Пока только отметим, что проблема достижения полюса, интересующая, казалось бы, лишь узкий круг специалистов, неожиданно предстала еще и общественной, значение которой далеко выходило за пределы

Схватка за обладание полюсом. Карикатура

Америки, что несложно проследить по реакции многих полярных исследователей разных стран мира.

Оговоримся с самого начала: ученые ни в какой степени не могли контролировать выпущенного из бутылки газетного джинна, который с равной силой крушил и проблески истины, и общественную совесть, и просто остатки здравого смысла. В создавшейся обстановке ученые не могли ни повлиять на прессу, ни защитить достоинство и репутацию полярных исследователей. Их голоса тонули в реве разнузданной газетной бури.

Ничего не изменила позиция Нансена, заявившего, что следует подождать более веских доказательств. Амундсен, отправля-

ясь к берегам Антарктиды, просто констатировал, что Северный полюс достигнут. Никогда не считая Кука лжецом, норвежец, способный противостоять всем льдам мира, явно не желал конфликтовать с американской прессой. Французские географы объявили о своем нейтралитете в споре обоих претендентов, предупредив, чтобы они не рассчитывали на прием в Географическом обществе. Весьма своеобразно поступил в Англии Роберт Скотт, посчитавший, что “Пири следует поздравить с *утверждением* своего первенства в достижении Северного полюса (курсив мой. – В.К.)” [36, с. 129].

Решающим в этой ситуации могло оказаться мнение специалистов по отдельным проблемам навигации, океанских течений, дрейфа льдов и т.д., а также знатоков местных условий. Среди ученых и исследователей Пири имел мало сторонников (геолог и гляциолог У.Г. Хоббс, университетский преподаватель Д. Мак-Миллан, этнограф В. Стефанссон), тогда как в поддержку Кука высказывались такие видные полярники, как датчанин Э. Миккельсон, норвежец О. Свердруп, швед О. Норденшельд, канадец Бернье, американцы Э. Фиала, А. Грили, У. Шли и др.

Русские ученые, убедившись, что полемика о первенстве в достижении полюса все более утрачивает научный характер, не приняли в ней участия. Правда, на заседании Русского географического общества Ю.М. Шокальский отметил, что оба американца собрали во время своих маршрутов определенное количество физико-географических данных, однако относительно приветствия Кука и Пири, как достигших полюса, было решено повременить. Д.Н. Анучин полагал, что маршруты обоих американцев дали науке так мало, что сам спор о приоритете носит скорее спортивный, чем научный характер.

Внимание русских исследователей к событиям у полюса объясняется их традиционным интересом к Северному морскому пути и связанной с ним деятельностью ряда полярных экспедиций, включая Русскую полярную экспедицию в 1900–1902 гг. во главе с Э.В. Толлем, экспедицию В.А. Русанова в 1907–1911 гг. на Новой Земле, Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана в 1909–1915 гг. и др.

Позиция русских ученых в крупнейшем научном споре начала XX века предельно ясно была выражена в следующем высказывании: “Большинство ученых пришло к заключению, что Кук при всех своих наблюдениях допустил некоторые неточности и ошибки, поэтому его определение местоположения полюса было неверно. Без сомнения, доктор Кук находился вблизи этой математической точки. И в вину ему можно было бы поставить лишь то, что он не сделал более тщательных наблюдений. Но это, од-

нако, не может послужить [основанием] к обвинению исследователя во лжи или в фальсификации его путевого журнала.

Впрочем, вопрос о том, открыл ли доктор Кук Северный полюс или нет, сам по себе неважен. Культурный мир преклоняется перед исследователями, главным образом, не потому, что тот или иной сделал то или иное открытие, а за их энергию, самоотвержение, преданность идее и самопожертвование. Доктор Кук вполне обладал достаточным опытом для путешествия к Северному полюсу. Уже одно то, что в сопровождении всего лишь нескольких эскимосов он отважился пуститься в необъятные ледяные пустыни севера... дает право доктору Куку, чтобы его путешествие нашло себе место на страницах истории географических исследований” [38, с. 511–512].

По русским изданиям той поры можно проследить, что в России внимательно следили за перипетиями контрверсии “Кук – Пири”.

В 1910 г. в издательстве И.Д. Сытина В. Розовым-Цветковым была подготовлена подборка материалов Ф. Кука под заголовком “Открытие таинственного полюса”, с описанием зимовки в Гренландии, полюсного похода, а также торжественного прибытия в Копенгаген. Соблюдая объективность, Розов-Цветков включил также в свою подборку раздел “Первые известия о достижении командором Р.Э. Пири Северного полюса”, в котором отсутствуют какие-либо нападки на Кука. Он же подготовил эти материалы, но уже в несколько уменьшенном объеме, в качестве бесплатного приложения к журналу “Путеводный огонек” – “для ранних гг. подписчиков”. Таким образом, все основные события похода к полюсу в 1908 году русские читатели первоначально узнали от самого Кука.

В том же году издательство “Титан” опубликовало книгу “Тайна полюса. Пири и Кук. Кто открыл Северный полюс?”, представляющую собой подборку публикаций из французских изданий. Далеко не вся информация в книге оказалась качественной, но в целом она достаточно полно иллюстрирует возникшую ситуацию, прежде всего с точки зрения рядового читателя, интересующегося проблемами Арктики.

Если русские издания той поры сосредоточились на сути проблемы, то западная пресса (в первую очередь в США) в погоне за сенсацией вместо освещения особенностей возникшей научной и общественной проблемы стала изображать некоего третейского судью. Так, “Дейли кроникл” вдруг стала оспаривать зимние температуры в Арктике по Куку, на том основании, что у Пири они отличаются от этих на целых 9° (при этом бралась температура, измеренная в другом месте и в другое время). Сравнивая время,

затраченное на выполнение маршрутов, “Дейли мейл” забывает о различиях в их протяженности, о том, что они проходили в разных местностях, и т.д. Ряд изданий оперировал информацией, не имевшей непосредственного отношения к предмету спора. Например, “Нью-Йорк Америкэн” обвинял Кука в краже собак, якобы принадлежавших Пири. Р. Кэлли, участник экспедиции Э. Гейлприна 1891–1892 гг., заявил: “То, что я знаю об экспедициях Пири в полярных областях, заставляет меня думать, что Кук – жертва галлюцинации” [56, с. 78].

Характер публикаций в американской прессе заставил русских издателей той поры насторожиться: “События принимают характер уголовного романа, где истина теряется во всевозможных интригах. (...) Американские ученые находят, что тон, в котором ведется спор о полюсе, не соответствует научному достоинству. И грустно смотреть на этих двух людей, которые вернулись в цивилизованный мир, чтобы с таким озлоблением наброситься друг на друга. (...) Было бы лучше, если бы американцы подождали доказательств, представленных каждым противником, и мнения на этот счет ученых, которые сумеют лучше, чем кто-нибудь, разобраться, на чьей стороне правда” [56].

Жаждающая сенсаций пресса – возможно, в силу принятой тогда технологии подачи новостей – сыграла весьма незавидную роль во всей этой истории. Усиленно создавая Пири имидж победителя, с одной стороны, и намеренно искажая или игнорируя все сказанное Куком, с другой стороны, она представила последнего в глазах общества бесчестным фальсификатором, клеветником и просто безумцем, на многие годы подорвав общественную и научную репутацию выдающегося исследователя.

Глава 10

На всю оставшуюся жизнь

Контрверсия была проиграна, но надо было жить дальше...

В 1916 году Кук по совету друзей, связанных с нефтедобывающими компаниями, отправился в штат Вайоминг для проведения там геологических разведок на перспективных земельных участках. Информация Кука о слагающих породах посещенных им местностей (особенно островов Канадского Арктического архипелага) совпадает с современной геологической картой. Никто из известных геологов на островах Канадского Арктического архипелага в то время не работал, и, очевидно, все оценки геологического характера были сделаны самим Куком. Где и как Кук получил специальные знания, позволившие ему сделать такие оценки, – неизвестно. Но так или иначе, необходимые знания в области геологии у Кука были – еще одна деталь, характеризующая обширный круг интересов этого разностороннего человека.

На деятельность Кука обратили внимание в деловых кругах, и вскоре он возглавил группу небольших компаний, объединившихся в общую Нефтяную компанию Кука (“Кук ойл компани”).

В 1919 году Кук заинтересовался месторождениями штата Техас (об этом см.: 71), нефтяные богатства которого с каждым месяцем выглядели всё более привлекательными. Основанная вскоре Куком компания “Тексес игл ойл компани”, деятельность которой распространялась и на Мексику, испытала на себе влияние общей экономической депрессии, охватившей страну после первой мировой войны. Цены на стратегическое сырье, взлетевшие в войну, теперь стремительно катились вниз, не оставляя небольшим компаниям шансов на выживание.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в нефтедобывающей промышленности Техаса к 1922 году, Кук пришел к выводу, что дальнейшее развитие небольших компаний будет сдерживаться недостатком капиталовложений, поэтому 1 марта 1922 года он объявляет о создании Ассоциации по производству бензина (“Петролеум продьюсерс ассошиэйшен”), подотчетной властям штата, что как будто гарантировало привлечение капиталов вкладчиков. Ближайшие планы Кука заключались в создании мощного концерна под покровительством не только

властей штата, но и федеральных органов юстиции. Однако, как показало уже ближайшее будущее, правовые и финансовые “джунгли” оказались для бывшего полярника пострашнее испытаний высоких широт.

Необходимо было как можно скорее запустить финансовый механизм Ассоциации, чтобы полученную прибыль вложить в бурение на новых участках. С октября 1922 года было пробурено 12 крупных и 43 мелких скважин, что позволило выявить ряд перспективных месторождений. Особые надежды связывались с обогащенными нефтью песками, вскрытыми при глубоком бурении на месторождении Корсикана Филд, где выход нефти достигал нескольких тысяч баррелей в сутки.

Всю работу Кук разбил на три стадии. На первой стадии он использовал несколько тысяч собственных долларов, помимо первых поступлений от вкладчиков, поверивших ему. На второй стадии работ потребовалось дальнейшее финансирование предприятий Ассоциации. Нужны были очередные финансовые поступления от новых вкладчиков, под гарантии собственности Ассоциации, заключавшейся прежде всего в разведанных участках. Целый ряд потенциальных инвесторов откликнулся на предложения, отправленные от имени Ассоциации за подписью Кука, поскольку успехи возглавляемого им предприятия выглядели весьма обнадеживающими. Решающие события должны были произойти на третьей стадии его долговременного плана, когда Кук надеялся получить деньги от продажи ценных бумаг на Нью-Йоркской деловой бирже. Это означало бы воплощение его грандиозных планов в жизнь, но как раз до этого дело не дошло, потому что предприятиями Кука неожиданно заинтересовалось Федеральное почтовое ведомство. По его иску деятельность Ассоциации была приостановлена с последующим предъявлением (20 апреля 1922 года) обвинения от лица Федерального большого жюри. Суть обвинения – по 12 пунктам, включая мошенничество, – заключалась в том, что Кук использовал государственную почту для распространения вводящих в заблуждение сведений о состоянии дел в своей Ассоциации и тем самым обманывал потенциальных инвесторов.

Расследование, начатое в августе 1922 года, продолжалось семь месяцев, причем Кук представил следователям все необходимые документы, включая бухгалтерские книги, отчеты и деловую корреспонденцию, по первому требованию, не соглашаясь с обвинениями и отстаивая свою невиновность.

Судебное разбирательство “Соединенные Штаты против Фредерика А. Кука” началось слушанием в окружном федеральном суде Форт-Уэрта 15 октября и закончилось 20 ноября 1923

года. Вел дело судья Джон М. Киллит из федерального округа Огайо. Не имея представления о специфике экспедиционной деятельности, судья припомнил подсудимому и Северный полюс, и Мак-Кинли, хотя к предъявленным Куку обвинениям они не имели никакого отношения. Ш. Кук-Доро, сам юрист, считает, что календарь заседаний был составлен таким образом, что исключал участие более опытного судьи, лучше осведомленного в вопросах нефтяного бизнеса Техаса. Все это в итоге и предопределило направленность разбирательства.

В такой атмосфере ожидать снисхождения не приходилось, и все же окончательный приговор заставил содрогнуться даже за-всегдаев судебных баталлий: четырнадцать лет и девять месяцев заключения помимо солидного денежного штрафа!

Кук направил апелляцию в вышестоящую судебную инстанцию по поводу чрезмерно сурового приговора – и проиграл в очередной попытке отстоять справедливость. После отказа в пересмотре дела он был переведен из местной тюрьмы Форт-Уэрта в Ливенвортскую исправительную тюрьму штата Канзас, чтобы стать одним из заключенных под номером 23–118. Это произошло уже в 1925 году...

Вся биография Кука свидетельствует о том, что этот человек упорно не желал вписываться в окружающую действительность. Самим фактом своего существования он вызывал протест у тех, кто считал себя столпом общества и кто определял его нормы и правила. Дело Кука в Форт-Уэрте тем более показательно, что в ту пору, когда он отбывал назначенное ему наказание, нефтеносные участки, якобы оказавшиеся “сухими”, стали давать промышленные нефть и газ. В обществе Фредерика А. Кука подсчитали, что только за период с 1934 по 1990 гг. на землях, в свое время принадлежавших Ассоциации и проданных впоследствии за бесценок, было получено 180 млн баррелей нефти и столько же кубических футов газа [71, с. 17].

Во всех случаях, когда общество не имело возможности оценить достижения одного из самых выдающихся американцев новейшей истории, он, будучи беззащитным, неминуемо проигрывал, хотя спустя годы выяснялось, что правда была на его стороне. Так было на Мак-Кинли в 1906 году, на Северном полюсе в 1908 году и так же случилось в Техасе в 1923–1925 гг.

Остается признать, что американское общество начала XX века оставило одного из самых активных разведчиков собственного будущего без необходимой поддержки перед лицом завистников и клеветников. Единственное, что не было поставлено в вину Куку, – это спасение экспедиции на “Бельгике”, и то только потому, что его противники не рискнули тягаться с королевским

домом Бельгии, воздавшего американскому полярному исследователю по заслугам. Но, увы, это исключение...

Единственный, кто посетил Кука в самое трудное для него время – в начальный период пребывания в тюрьме, был его давний друг по антарктической зимовке Руал Амундсен. Знаменитый норвежец находился тогда в турне по Соединенным Штатам, где он выступал с лекциями о своих полетах к Северному полюсу. “Мой маршрут от берегов Тихого океана лежал через Канзас-Сити, недалеко от тюрьмы в форте Ливенворта. Я вспомнил о своем совместном пребывании с доктором Куком в течение двух исполненных опасностей лет в антарктической экспедиции на “Бельгике”. Вспомнил также, какой благодарностью ему обязан за доброту ко мне, тогда неопытному новичку, и, считая, что я также обязан ему жизнью, так как он в действительности спас нас от многочисленных опасностей этого плавания, я решил, что самым скромным проявлением моей благодарности будет предпринять короткую поездку в тюрьму и приветствовать там своего друга в его нынешнем несчастье. Я должен был сделать это хотя бы для того, чтобы не упрекать себя в самой низкой неблагодарности и презренной трусости. Обстоятельства, приведшие его в заключение, мне совершенно неизвестны, и я не желаю знакомиться с ними. (...) Даже если бы он был виновен в преступлениях более тяжких, нежели те, за которые его покарали, мой долг благодарности и мое желание навестить его остались бы неизменными” [2, с. 57–58].

Судя по воспоминаниям Ф. Кука с характерным названием “Ад – морозное местечко”, опубликованным относительно недавно (*Polar Priorities*. 1995. N 15), это была встреча “на равных”, очень дружественная, проникнутая взаимопониманием, причем Амундсен ни намеком не позволил себе унижительной жалости, наоборот, всячески подчеркивал свою признательность и уважение ученика к учителю.

В целом обстановка мало способствовала духовному общению друзей или проявлению особой близости – встреча проходила в столовой тюрьмы под бдительным оком охраны, на глазах у других заключенных и их посетителей, которые таращили глаза на знаменитостей, чьи имена совсем недавно не сходили со страниц газет, таких разных сейчас в своем общественном статусе: Амундсен – на вершине славы после очередного полюсного полета, а Кук – в пучине жизненных бед, к которым еще добавился и разрыв с женой. (Надо отметить, что во время судебного разбирательства она ненадолго вернулась, чтобы поддержать бывшего супруга.)

Куку в это время было крайне важно убедиться в том, что старые товарищи сохранили к нему былое отношение. Между

друзьями состоялся продолжительный разговор, суть которого в сокращенном виде приводится ниже.

– Я хочу, чтобы вы знали, – заверил Амундсен Кука, – я верю вам. Исключая Англию, думающие люди в Европе и Азии настроены в вашу пользу. Всюду, где я побывал, люди спрашивают о вас. Мало расспросов о Пири или Скотте... Ваша работа не хуже, чем у Пири. Что же вас тревожит? Ваши достижения вошли в историю... Ваша книга хороша... Ее будут читать с интересом, когда другие будут забыты. Ненавижу тех, кто загнал вас сюда... Сберегайте здоровье... Делайте заметки и пишите воспоминания. И вы и я уже побывали в аду... ад это морозное местечко, но солнце будет сиять еще ярче, когда вы выйдете отсюда.

Среди новостей, привезенных Амундсеном с воли, были, в частности, вскрывшиеся обстоятельства гибели Марвина, секретаря Пири (см.: гл. 8), очень близкие к тем, о которых Кук написал в своей книге. Тем самым подтвердилась старая истина: нет ничего тайного, что со временем не стало бы явным.

Амундсен не стал скрывать своего отношения к сопернику Кука:

– Пири проявил себя в полной мере, доктор. Он причинил себе зла больше, чем вам. Его система вмешательства в ваши дела теперь обернулась против него с очень скверными последствиями. Его открытия в Северной Гренландии, Земля Крокера, самое дальнее проникновение к северу – все выглядит бездоказательным. Не понимаю этого человека...

Кук поинтересовался мнением Амундсена о книге Холла, написанной с позиций противника Пири, еще при жизни последнего. (Пири умер в 1920 году практически от последствий заболеваний, обнаруженных у него Куком во время встречи в Арктике в 1901 году.)

– А почему ни Пири, ни его друзья не отвечали по сути обвинений? – отвечал Амундсен вопросом на вопрос. – Почему эти убийственные обвинения остаются без ответа перед всей публикой? Как он (Пири. – В.К.) мог получать при этом правительственную пенсию за те самые заслуги, которые перед всем миром Холл объявил мошенничеством? Почему он не отвечал? Почему не защищался? Что вы думаете о Пири? Был ли он на полюсе?

– Вопрос ставит меня в положение судьи, свидетеля и присяжного одновременно, каковыми выступал Пири в моем собственном деле, – сказал Кук. – Книга Холла доказывает то, что только сам Пири может подтвердить...

На этом тема Пири, умершего за шесть лет до описываемой встречи, больше не поднималась, и Амундсен повернул разговор

на исследования Арктики с воздуха, чем он сам активно в ту пору занимался и что для его собеседника было новым.

– Как только человек освоит крылья, – сказал Кук, – он перестанет быть просто двуногим. Это важно по существу.

Амундсен бросился развивать эту тему далее:

– Перед посадкой на лед в последнем полете мы увидели вблизи полюса многое из того, что поддается оценке. Это совпадает с вашей книгой: отсутствие суши, особый цвет неба и льда, отсутствие айсбергов, сам характер моря и направление дрейфа. Я хотел бы, чтобы вы были с нами в следующем полете. В следующий раз мы пройдем полюс.

Затем они обсудили продовольственное обеспечение и спасательное снаряжение грядущего проекта. Вспомнили Линкольна Элсуорта, не раз выручавшего Амундсена в трудных финансовых ситуациях, а также общих друзей, оказавшихся в Южной Африке, в Европе и на Востоке.

– А каковы ваши планы в части ледовых дел? – поинтересовался Кук у Амундсена.

– Вероятно, мы оба сможем заняться экономическими исследованиями на основе уже сделанного. Я знаю из европейских газет, что нефтяные месторождения Техаса, признанные негодными, уже приносят миллионные прибыли – что вы скажете на это?

Кук объяснил ему то, что сам знал по прессе. Избегая деликатной темы, поинтересовался здоровьем Амундсена.

По мнению Кука, сила Амундсена заключалась в замечательном сочетании хорошо развитого тела с великолепным интеллектом. Ему были свойственны некоторые органические слабости, но они нейтрализовались энергией целенаправленной жизни. Выглядевший на людях в основном холодным и замкнутым, Амундсен в реальности был утонченным и даже сентиментальным, но его сердечность проявлялась только с близкими друзьями.

В конце встречи Амундсен раскрылся с неожиданной стороны, позволив себе некоторые высказывания о месте исследователя в обществе. Эта часть беседы приводится ниже в дословном переводе, без изменений, – так, как описал ее Кук в своих воспоминаниях:

“Единение сердец не требует словесных излияний. В какой-то момент, глядя мне в глаза, Амундсен перешел на французский:

– Что за ситуация! У нас так много общего и так мало времени, чтобы это высказать! Вы в тюрьме, но от людей все равно не скроешься. Вы уже перенесли больше страданий, чем у вас их будет здесь. Таков наш тяжкий жребий: из пучины бед к высотам славы, от громкого успеха в бездну забвения. Удивительно, как вы выстояли посреди всего этого. Ведь и у меня все то же самое,

может быть не так остро, но все те же страдания от чужой зависти.

Небольшая пауза сопровождалась пожатием рук. Это было выразительное молчание. Это напоминало порыв исповеди...

Он продолжил разговор на смеси фламандского, немецкого и норвежского, как когда-то на палубе “Бельгики”:

– Какая разница между человеческим языком и лезвием гарпуна – оба наносят самые болезненные раны. Но раны от лезвия – заживут, а от языка – воспалятся.

Впервые я стал свидетелем проявления его чувств. Какими словами он выразил боль жизни!

Он продолжал:

– Вам причиняли боль втемную, мне – в открытую. Нам обоим бросали обидные слова, которые ранят глубоко. Болезненные раны затянутся шрамами. Иные из интриганов – в гробу, другие все равно помрут. Пусть уходят в мир иной на вечную стоянку... Не отвечайте мезтью. Надо жить, приспособливаясь к этому миру, достойным образом для вас и для меня. Я останавливал себя тысячи раз, когда хотелось ответить кулаками, – это было бы хуже разорения, хуже поражения, хуже тюрьмы. Запрет на гнев – вот достойный ответ злым языкам и носителям зла. Раз мы живем на виду у людей – более резкий ответ обойдется нашим собственным концом. Каждый исследователь становится невольником с началом своей деятельности. Он только жертва жизненных условностей. Вот почему вы и я нищие...

Вновь и вновь с обостренной горечью Амундсен говорил с огнем в глазах. По-моему, это было вызвано состоянием его дел. Позже выяснилось, что тучи уже сгустились, и шторм вскоре разразился, но это уже другая тема.

– Что за суровая штука наши обязанности! Мы должны являться на званые обеды, исполнять государственные установления, выглядеть достойными и занимательными, встречать толпу улыбкой – и тогда свет нас рад видеть. Если бы эти люди только знали, что мы получаем удовольствие не от общения с ними, а лишь от небольшого числа людей совсем другого рода. Нас используют для разных шоу и на роскошных приемах, словно клоунов в цирке. Это только небольшая часть цены, которую мы платим за общественную поддержку исследовательских предприятий, остальное – нашей кровью мы платим собой за общественную шумиху. А где шумиха, там и лицемерие. Наше же чванство оборачивается злом. Самые тщеславные назначают себя в провозвестники – из тех, кто получает золотые медали. А в конце концов – смертельный холод, ибо наш удел за выполнение наших же обязанностей – лед... Теперь о другой стороне дела – это на-

ша с вами проблема, как достойным и приличным образом развеять мрак непонимания. И вы и я испытали немало зла, не распространяясь об этом. После смерти все самое честное в нашей жизни станет понятным, но зачем ждать смерти, чтобы добро реализовалось? Сидите и пишите об этом, пока располагаете временем. Вы сможете. Вы владеете словом. Я лишь произвожу впечатление деятельности. Каждый умрет, и лишь тогда начнется реальная оценка написанного. В своих книгах я старался показать пути прогресса. Пока ваша жизнь спокойна, сядьте и загляните внутрь человека, в самого себя. В других, наподобие вас и покажите нам удивительный духовный мир исследователя, недосягаемый для непосвященных.

– Хотя я рад разговору с вами, но я могу обвинить вас в богатом воображении. Попродержите язык, только глупый распускает его...” [65].

Читатель должен иметь в виду, что свои воспоминания Кук писал после гибели Амундсена в 1928 г. Кук не случайно отметил, что его собеседник испытывал особую неприязнь к деловым людям определенного рода, которых он называл “волками коммерции, политиканами от экономики”. Чтобы убедиться в справедливости такого вывода, достаточно обратиться к последней книге Амундсена “Моя жизнь” [2, с. 83–92].

Хотя Куку “оставалось сидеть в Ливенвортской тюрьме еще четыре долгих года, визит Амундсена сделал их не столь мучительными и дал пищу уму”.

Отметим, что этот визит не остался для Амундсена без последствий: “Репортеры, с которыми я говорил после визита к доктору Куку, распространили слух, якобы я заявил, что доказательства Пири об открытии им Северного полюса недостаточны, тогда как у Кука они очевидны. В действительности же я ни с какими журналистами не говорил ни слова на эту тему, и приписываемое мне высказывание является чистейшей выдумкой. Однако Национальное географическое общество сочло их истиной, так как отклонило мой протест по телеграфу... и внезапно отменило мой доклад” [2, с. 59]. Действительно, ни о каком преимуществе Кука речь при встрече не шла, иначе Кук в своих воспоминаниях остановился бы на этой теме гораздо подробнее. Важно как раз другое: сам Амундсен, уже по собственному опыту, отчетливо понимал, что таковых доказательств не могло быть ни у Кука, ни у Пири в силу разницы в их маршрутах, как не было бы их и у самого Амундсена, если бы не чудом сохранившийся дневник Скотта.

Полярный исследователь того времени, совершив открытие, оказывался в своеобразном информационном вакууме в ожидании подтверждения собственного открытия. У Кука на это ушло

более сорока лет (см.: гл. 11). Поэтому репутация исследователя от момента открытия до подтверждения его компетентными коллегами-экспертами определялась лишь степенью доверия к нему общества, что отчетливо понимал Пири, пытаясь подорвать авторитет ненавистного соперника. При этом он терял и свой собственный, как было отмечено Амундсенем.

Выделим наиболее интересные моменты беседы:

1. При встрече знаменитые полярники обсудили ряд научных тем, среди них наиболее актуальную – перспективы аэрометодов. Прозорливость Амундсена делает ему честь, даже если по тому же поводу высказывались наши российские пионеры в использовании авиации в Арктике в лице Яна Ивановича Нагурского или Бориса Григорьевича Чухновского, о достижениях которых норвежец мог и не знать из-за общественных потрясений того времени или языкового барьера.
2. Кук явно оберегает своего собеседника от возможных атак американской прессы, заявляя о нейтралитете последнего в споре “Кук–Пири”. Хотя это ему не удалось, сама по себе такая позиция показательна.
3. В беседе неожиданно выяснилось сходство общественного положения двух исследователей, включая финансовое.
4. Беседа выявила практически одинаковое отношение ее участников к Пири.
5. Интересна самооценка Амундсена: “Я лишь произвожу впечатление деятельности”, суть которой, по-видимому, заключается в признании себя не ученым, но организатором, привлекающим высококлассных специалистов, таких, как океанограф Харальд Ульрик Свердруп, геофизик Финн Мальмгрен, синоптик и метеоролог Вильгельм Бьеркнес и др.

Опубликовав воспоминания Кука о встрече с Амундсенем в Ливенвортской тюрьме, Общество Фредерика А. Кука тем самым сделало этот документ достоянием специалистов и историков, что, несомненно, является большой его заслугой.

Уже на третьем году заключения здоровье Кука стало ухудшаться: бывший полярник страдал от грыжи и пониженного артериального давления, его сердце после маршрутных перегрузок в Арктике и на Аляске давало сбои. Как врач, он понимал истинные причины таких сбоев и грядущие опасности, связанные с ними. Это и заставило его обратиться 20 февраля 1928 года к президенту Кулиджу с прошением о помиловании. Пока он ожидал ответа, газеты сообщали о миллионных прибылях с нефтеносных участков, когда-то принадлежавших его холдингу. Газета

“Уорлд” от 19 октября 1928 года сообщала: “Заключения Кука о нефтеносности земель западнее графства Эрат, а также значительной части территории графства Уинклер оправдываются. Уинклер становится одним из центров нефтедобычи. У Кука здесь были застолблены 36 тысяч акров, проданных за незначительную сумму после его осуждения” [72, с. 252]. Спустя неделю та же газета отмечала, что “нефть щедро пропитала пески, поросшие кактусами и мескитовым кустарником, на западе Техаса, точно там, как это утверждал Кук. Это говорит в его пользу, не избавляя, однако, от тягот заключения. Пробуренные недавно скважины в графстве Эрат, первоначально оформленные за холдингом Кука, дают 100 000 000 кубических футов газа ежедневно и в перспективе обещают богатую нефть. Судебные исполнители по его делу продали эти земли ... по номинальной цене” [Там же, с. 253].

15 ноября “Юнайтед пресс диспатч” из Форт-Уэрта обратила внимание, что «пока дела “Петролеум продьюсерс ассошиэйшен” были на пике активности, Куку предоставляли в аренду земли по всему штату. Как только его деятельность прекратилась, эти участки все больше становятся арендой государственного бойкота» [Там же, с. 253]. Несмотря на благоприятные тенденции в прессе, апелляция Кука была отклонена 22 марта 1929 года, и он решил не предпринимать каких-либо действий по своему освобождению в ближайшее время.

Между тем его дела оставляли желать лучшего. В возрасте 65 лет весь его наличный капитал заключался в 50 долларах в тюремной кассе. Оставаясь членом Американской медицинской ассоциации, он не потерял права на медицинскую практику.

В это время произошло одно событие, по-своему достаточно характерное. В конце лета 1929 года некто Джеймс Р. Кроуэлл из журнала “Америкэн мэгэзин” предложил Куку 20 000 долларов за правдивый рассказ о походе к полюсу и последующих событиях. За три недели Кук выполнил заказ, но оказалось, что правду каждый понимал по-своему: Кроуэлла интересовало не достижение полюса, а способ фабрикация истории о достижении полюса. Позднее Кук описал свою реакцию на подобное предложение в канзасской газете “Стар” от 10 марта 1930 года: “Я сообщил мистеру Кроуэллу, что я ценю его предложение, поскольку очень нуждаюсь в деньгах. Однако, сказал я ему, мне не нужны деньги за заведомую ложь, которая обернулась бы против моих заявок на первооткрытие полюса, как это имело место в действительности. Для заключенного 20 000 долларов очень большая сумма, но и миллиона не хватило бы, чтобы поколебать меня в моих заявках на полюс” [72, с. 255].

Вместо почти пятнадцати лет тюремного заключения Кук отбыл только четыре года и одиннадцать месяцев и был освобожден 30 марта 1930 года – очевидно, ввиду открывшихся обстоятельств, поскольку его прежние нефтяные участки оказались весьма прибыльными. Это событие вызвало у сторонников Пири реакцию ярости. Особенно выделялся своей неумемной активностью известный американский геолог и гляциолог Уильям Херберт Хоббс, что видно из его писем.

Первое письмо было адресовано Стефанссону: “Я надеюсь, что Вы не откажетесь послать письмо с протестом против освобождения доктора Кука. Этот вопрос сейчас обсуждается... Я обратился с аналогичной просьбой к довольно большому числу лиц и считаю, что необходимо действовать быстро, лучше всего протест направить телеграммой” [50, с. 257]. Перечень этих лиц и организаций Хоббс раскрывает в другом письме, адресованном дочери Пири Мэри, в замужестве Стаффорд: “Нет оснований сомневаться в том, что документы по помилованию доктора Кука пошли из Федерального управления мест заключения. Реагируя на это, прошлой ночью я направил свой протест в Отдел помилований и просил о том же Гросвенора из Национального географического общества, наряду с Боуменом из Американского географического общества, а также Хэйса из Клуба исследователей... Необходимо действовать быстро и эффективно” [82, с. 24]. Однако эта крысиная возня не увенчалась успехом.

Первыми у ворот тюрьмы Ф. Кука встретили репортеры. Избежать этой встречи было невозможно, но ответы Кука были достаточно сдержанными и стереотипными. Затем в автомобиле Кук отправился в Канзас, откуда ночным поездом отбыл в Чикаго на встречу с доктором Томпсоном (“своим первым другом”, по оценке Фримэна), который оформлял бумаги на помилование и теперь, согласно американским законам, должен был на протяжении пяти лет ставить в известность начальство Ливенвортской тюрьмы, чем занимается его подопечный, как себя ведет и на что существует. После того как на склоне дней Кук снова стал свободным человеком, восстановление былой репутации и доброго имени стало для него делом жизни, благодаря чему его последователи и полярные историки со временем получили множество интереснейших исторических документов.

Из родственников Кука в живых оставалась только сестра Лилиан Кук-Мерфи, проживавшая в Томс Ривер (штат Нью-Джерси), и обе замужние дочери – Эллен Кук-Веттер и Руфь Кук-Гамильтон, осевшие в штате Нью-Йорк. Эллен взяла на себя всю заботу о корреспонденции и архиве отца, включая его мемуары. Именно ей историки Арктики обязаны сохранностью до-

Первое интервью при выходе из тюрьмы в Форт-Ливенворт

Снова с близкими – с семьей дочери

кументов, отражающих самые противоречивые и сложные зигзаги биографии исследователя, его взаимоотношения с обществом, ярким представителем которого был он сам.

На склоне дней Кук вел отнюдь не замкнутый образ жизни, благодаря чему сохранилась масса свидетельств современников, встречавшихся с ним в это время. Так, Эндрю Фримэн, в доме которого бывший полярный исследователь прожил более полутора месяцев, в будущем оказался одним из самых компетентных биографов Кука. Их встреча произошла в связи с подготовкой Фримэном статьи о народах, стоящих на низком уровне общественно-го развития. Материалы Кука показались Фримэну необычными и весьма перспективными. Он так описал свое первое впечатление от знакомства с Куком: “Он [Кук] производил приятное, но загадочное впечатление. С самого начала я не мог поверить, что этот человек был тем самым печально известным Куком. О Пири, своем конкуренте на полюсе, он отзывался без горечи или зависти, и эти черты у человека в потрепанной одежде заслуживали восхищения... Хотя в то время он зависел от поддержки нескольких друзей и родственников, о чем свидетельствовал и его внешний облик, он не жаловался на нужду или бедность, а также загубленную репутацию” [72, с. 9–10].

Время от времени Кук все же вступал в полемику и тяжбы по поводу событий на полюсе (с Мак-Милланом, Джанет Мирски и даже с “Британской энциклопедией”), но не это было главным для него в последние годы. Много сил он уделял систематизации накопленных материалов, результатом чего стала книга “Возвращение с полюса”, опубликованная посмертно в 1951 году, в которой он описал заново некоторые события и собственные оценки в связи с достижением полюса. Не отказываясь ни в какой мере от своих первоначальных заявок, он лишь окончательно укрепился в своих былых симпатиях и представлениях, несколько сменив акценты. В его личном восприятии на первое место выходила уже не та общественная буря, которую вызвала его контрверсия с Пири, а драма выживания на пути к людям; для Пири вообще не нашлось места на страницах этой книги. Книга вышла в свет буквально накануне начала активной реабилитации имени Кука, в связи с поступлением новой природной информации из Центральной Арктики по результатам советских и американских исследований послевоенного времени. Это обстоятельство отмечено нами не случайно, потому что обращение Кука в 1936 году в Американское географическое общество по поводу пересмотра его “дела” было отвергнуто прежде всего из-за отсутствия в то время необходимой объективной научной информации.

Одно из последних фото

Жизненный финал американского полярника приобрел особо драматический оттенок в связи с состоявшейся его гражданской юридической реабилитацией буквально на смертном ложе. Инсульт постиг Кука 3 мая 1940 года в Нью-Йорке в доме его товарища и спутника по экспедиции на Мак-Кинли Ральфа Шейнвальда фон Аленфельдта. Уже на следующий день хозяин дома направил в адрес президента Рузвельта телеграмму следующего содержания:

“Доктор Фредерик А. Кук, исследователь, в бессознательном состоянии положен в нью-йоркский госпиталь Порт Честер, после апоплексического удара, который произошел в моем доме на 60-й авеню вчера во второй половине дня. Искренне прошу Вашего участия в качестве гаранта реабилитации как акта милосердия, который способствовал бы его выздоровлению. Обвинение в использовании нефтяной собственности является преувеличенным. Отбыл свой срок. Позднее его скважины принесли прибыли на 100 миллионов долларов... Мерфи из Верховного суда может предоставить детальный оправдательный материал. Доктор Кук, несомненно, величайший из современных американских исследователей, хотя его заявки, подвергавшиеся необоснованной критике, в связи с пребыванием на Мак-Кинли, высочайшем пике Северной Америки, или на Северном полюсе... не получили возможности рассмотрения в Конгрессе или Верховном суде. Книги географов-аналитиков подтверждают эти заявки...”

Из ФБР был получен такой ответ: “Кук находится при смерти в госпитале Порт Честер, Нью-Йорк, и не может быть опрошен. Ральф Шейнвальд фон Аленфельдт начал процедуру представления на реабилитацию. Нью-йоркские источники высоко оценивают Кука и считают желательным его реабилитацию, пока он жив. Руководствуясь этим, немедленно запросим другие источники” (очевидно, к последним относились родственники Кука). В целом ФБР обнаружило, что по месту последнего жительства Кук пользуется уважением и известен как популярный лектор. 16 мая 1940 года Кук был реабилитирован по предъявленным ранее статьям обвинения полностью и безоговорочно. Секретарь Рузвельта Стивен Ерли отметил живой человеческий интерес шефа к этой истории.

Однако жить полноправным членом общества Куку оставалось недолго. Выписавшись из госпиталя 4 июня, спустя полтора месяца он снова испытал повторный кризис и умер в госпитале Нью-Рейчел 5 августа 1940 года в возрасте семидесяти пяти лет. Хотя многие газеты восточного побережья США опубликовали некрологи и известия об этом событии, со стороны научной общественности смерть Кука практически не вызвала никаких откликов.

Глава 11

Последователи и судьи

Спор о первенстве в достижении полюса в итоге привел к неопределенности в самом факте пребывания человека на вершине планеты. В России это послужило поводом для организации полюсной экспедиции Григория Яковлевича Седова (1912–1913 гг.), который особо отмечал, что “главным руководящим стимулом еще, безусловно, является народная гордость и честь страны... Горячие порывы у русских людей к открытию полюса проявились еще во времена Ломоносова и не угасли до сих пор. Мы пойдем в этом году и покажем всему миру, что и русские способны на этот подвиг” [37, с. 185].

Как известно, седовская экспедиция окончилась неудачей, но ее научное значение для нашей страны оказалось весьма важным: она обеспечила участие России в полюсной эпопее. Образ Седова и история его полюсного предприятия продолжают привлекать внимание историков и литераторов, хотя заслуги этого исследователя оцениваются неоднозначно [25, 46].

Важно также следующее обстоятельство: в оценке результативности экспедиций Седова и Кука прессе тех лет принадлежит особая роль, причем далеко не благовидная. Если судьба Кука явилась примером общественного скандала, то финал седовского предприятия стал примером жизненной драмы, детали и истоки которой остаются в значительной мере неизвестными.

В 1914 году русское правительство организовало поиски экспедиций Г.Я. Седова, В.А. Русанова и Г.Л. Брусилова, от которых длительное время не было известий, с помощью гидросамолета, который летал с западного побережья Новой Земли, удаляясь в открытое море до ста километров. В своем отчете участвующий в поисках летчик Я.И. Нагурский отметил: “Прошлые экспедиции, стремившиеся пройти Северный полюс, – все неудачные, ибо плохо учитывалась сила и энергия человека с тысячеверстным расстоянием, какое нужно преодолеть... Авиация, как весьма быстрый способ передвижения, есть единственный способ разрешения этой задачи” [20, с. 221].

Следует отметить, что первый в мире полярный авиатор Я.И. Нагурский (русский морской офицер, поляк по национальности) блестяще оценил возможности авиации в Арктике на соб-

ственном опыте. Успех авиаторов, даже с учетом отвлечения их на военные действия в период первой мировой войны, был налицо: в 1923 году швейцарец Миттельгольцер летал на Шпицберген; в 1924 году Борис Григорьевич Чухновский выполнил на самолете первые ледовые разведки в Карском море для судов, направлявшихся к устьям Оби и Енисея; в 1926 году Михаил Сергеевич Бабушкин также первым выполнил посадки на морские льды Белого моря.

В середине 20-х годов продолжительность и дальность полетов возросли настолько, что Амундсен (получивший в Норвегии диплом пилота №1) решил использовать новое техническое средство для достижения полюса. Вместе с американцем Линкольном Элсуортом, взявшим на себя значительную часть финансовых расходов, были приобретены две летающие лодки “Дорнье-Валь”, построенные в Италии по немецкой лицензии, что было связано с условиями Версальского договора. (Именно впечатлениями от этого полета делился Амундсен с Куком при встрече в тюрьме Ливенворт.) Местом старта был выбран норвежский горняцкий поселок Нью-Олесунн на Шпицбергене, куда самолеты были доставлены по морю. Предельная дальность полета этих машин (до 2600 км) была достаточной, чтобы долететь до полюса и вернуться обратно. Оба летных экипажа состояли из норвежцев. Разумеется, в полете принял участие и Элсуорт. Полет начался 21 мая 1925 года.

Утром 22 мая в моторах самолета № 25 (пилот Ялмар Рисер-Ларсен) начались перебои. На 87°43' с.ш. было решено садиться в первую подходящую полыню. При посадке вторая машина № 24 (пилот Лейф Дитриксон) получила сильные повреждения, хотя люди не пострадали. В сложившейся ситуации было решено возвращаться на оставшемся целом самолете, для чего требовалась ровная площадка на морском льду (от взлета по узкой полынье решили отказаться, как чересчур рискованного). Для облегчения машины на лед выбросили все, от чего только можно было отказаться, включая аварийный запас продовольствия. Поэтому вынужденная посадка на обратном пути, вдали от жилых мест, неминуемо обернулась бы гибелью людей от голода и холода. После многих неудачных попыток 15 июня самолет все же поднялся в воздух и спустя восемь часов благополучно приземлился в одном из фиордов Северо-Восточной Земли, откуда был доставлен вместе с людьми в Нью-Олесунн.

Первый опыт дальних полетов в Арктике, с одной стороны, показал возможности авиации в высоких широтах, а с другой – наглядно продемонстрировал ее ахиллесову пяту – зависимость от посадочных площадок. Как было отмечено выше, уже на сле-

дующий год М.С. Бабушкин во время зимней зверобойной кампании в Белом море выполнил на морском льду ряд преднамеренных, а не вынужденных посадок, причем вполне успешно. Видимо, на западе этот опыт оказался неизвестным.

Полеты 1926 года со Шпицбергена к полюсу также проходили без посадок на лед. 9 мая из Нью-Олесунна стартовала тяжелая трехмоторная машина под управлением Ричарда Бэрда (впоследствии крупнейшего исследователя Антарктиды) с механиком Флойдом Беннетом. Спустя 16 часов самолет благополучно возвратился в Нью-Олесунн, где его экипаж приветствовал Амундсен, готовивший здесь свой полет к полюсу на дирижабле “Норге” (“Норвегия”).

Экипаж “Норге” был смешанным. Хотя возглавлял эту воздушную экспедицию сам Амундсен, командиром воздушного судна оставался его строитель Умберто Нобиле, сохранивший также свою прежнюю итальянскую команду. Особое место в полете занимал Элсуорт, на средства которого был приобретен дирижабль. Амундсен всегда обращал особое внимание на преемственность в своих полярных предприятиях – не случайно в полете приняли участие его спутник по походу на Южный полюс Оскар Вистинг, известный уже читателю Рисер-Ларсен и Финн Мальмгрен – шведский геофизик, принимавший участие в дрейфе на шхуне “Мод” в 1922–1925 годах.

11 мая 1926 года Амундсен отправился в полет, чтобы пересечь Северный Ледовитый океан от континента до континента. “Мы не видели ни одного годного для спуска места, – писал он, – в течение всего нашего долгого пути от Свальбарда до Аляски. Ни одного единого... Несмотря на блестящий полет Бэрда, наш совет таков: не летайте в глубь этих ледяных полей, пока аэропланы не станут настолько совершенными, что можно будет не бояться вынужденного спуска. <...> Мы глядели вниз на загроможденное льдом пространство, испытывая бесконечное облегчение при мысли, что мы теперь над ним, а не на нем” [1, с. 268–270].

12 мая воздушный корабль прошел точку полюса – всего с разницей в 64 часа здесь побывали, демонстрируя свое соперничество в освоении Арктики, самолет и дирижабль. Спустя 70 часов после вылета со Шпицбергена “Норге” достигла маленького поселка Теллер на Аляске. Как писал Амундсен, “первый перелет от континента до континента завершился, и при этом ни один волос не упал ни с чьей головы”. Знающий цену риску норвежский полярник выделил здесь самое главное: безопасность воздушного транспорта, что, впрочем, уже в самом ближайшем будущем не подтвердилось в полной мере.

Элсуорт также отметил преимущества новых технических средств по сравнению с традиционной собачьей упряжкой: “Мы были уверены, что на борту корабля даже наиболее склонные к приключениям люди были счастливы, что они могут лететь... а не принуждены форсировать этот путь, сражаясь с ледяными баррикадами” [37, с. 215].

Пока Кук отбывал заключение, технические возможности новых транспортных средств в условиях Арктики были продемонстрированы достаточно убедительно, оставалось только задействовать их для научных исследований. Полеты позволяли проводить зондирование атмосферы по маршруту в дополнение к наблюдениям наземных полярных станций.

С другой стороны, запросы авиации в ближайшем будущем способствовали широкому развитию аэрологических наблюдений. Кроме того, первые же аэровизуальные наблюдения с бортов воздушных судов (тем более с применением инструментальных методов, в первую очередь аэрофотосъемки) оказались весьма перспективными для устранения последних “белых пятен” на карте Арктики.

Появление средств авиации и воздухоплавания еще не решало всех проблем, стоявших перед исследователем, ими еще предстояло научиться пользоваться.

На благополучном фоне исследований приполюсного района трагедия дирижабля “Италия” в 1928 году произвела эффект разорвавшейся бомбы. С самого начала организации этого полета сопутствовали обстоятельства, весьма далекие от интересов науки. Фашистское правительство Италии во главе с Муссолини, оказывая содействие указанной экспедиции во главе с Нобиле, надеялось прежде всего на поднятие престижа своей страны. Сам Нобиле, полагая, что при полете на “Норге” он оказался в тени славы Амундсена, также рассчитывал на популярность среди темпераментной итальянской публики.

В мае 1928 года “Италия” прибыла в Нью-Олесунн, где с 1926 года оставалась причальная мачта и ангар, в свое время построенные для “Норге”. Отсюда были предприняты два пробных полета, в том числе к Северной Земле. Размеры архипелага, открытого в 1913 году русской экспедицией Бориса Андреевича Вилькицкого, оставались неизвестными, и Нобиле надеялся определить положение его западного побережья, что ему не удалось: оказалось, что аэрометоды, как визуальные, так и инструментальные, при всей их производительности слишком зависят от условий видимости, что определяется прежде всего погодой.

23 мая дирижабль вылетел со Шпицбергена по направлению к северо-восточным пределам Гренландии, откуда взял курс на

Северный полюс. На полюсе предполагалось высадить научную группу, в которую вошли геофизики Франтишек Бегоунок и Финн Мальмгрен, для промера глубин океана и выполнения других наблюдений.

24 мая, вскоре после полуночи желаемая цель была достигнута, однако из-за сильного ветра высадка научного десанта на лед не состоялась. На обратном пути при подлете к Северо-Восточной Земле, оказавшейся достаточно гостеприимной в 1925 году для Амундсена, ввиду сильного обледенения оболочки (отчего реальная скорость по сравнению с расчетной упала втрое) дирижабль снизился настолько, что ударился о высокие торосы. В результате на льду оказалось десять человек (один из них при ударе погиб), а остальные были унесены ветром на оболочке потерявшего управление дирижабля. Их судьба так и осталась неизвестной. К счастью, на льду оказалась и слабенькая аварийная радиостанция – спустя почти две недели ее сигналы были приняты одним радиолюбителем в российской глубинке.

Для спасения итальянцев были организованы достаточно сложные спасательные работы при участии шести государств, в которых наибольший успех выпал на долю нашей страны, тем самым продемонстрировавшей достижения в освоении высоких широт. Разумеется, политический подтекст советского участия был очевиден, но вместе с тем наше участие явилось реализацией накопленного опыта, прежде всего летчиками и моряками, причем во взаимодействии.

Отметим, что триада “наука–самолет–ледокол”, в 30-х годах определившая становление Северного морского пути, впервые в полной мере продемонстрировала свои возможности в 1928 году при спасении итальянцев, особенно на фоне потерь спасателей из других стран. Кроме восьми членов экспедиции на “Италии” погибли, при проведении спасательных работ, экипажи двух самолетов, в том числе самолет “Латам-47”, на котором находился Р. Амундсен.

Описанные события обозначили проблему: за каким из видов воздушного транспорта – дирижаблем или самолетом – будущее в условиях Арктики? Эта проблема была тем более важна, что в ту пору намечались планы по созданию на полюсе научных станций.

Впервые мысль об этом в 1928 году высказал Ф. Нансен, занимавший пост президента Общества “Аэроарктик”, созданного для исследований Арктики с воздуха. Нансен предполагал использовать для этой цели дирижабль. Его планы и намерения поддерживали такие видные полярные исследователи, как Харальд Свердруп, Лауге Кох, Эрнст Зорге и ряд других. Однако по-

сле смерти Нансена в 1930 году этот проект заглох, чему немало способствовал разразившийся мировой экономический кризис (“великая депрессия”), больно ударивший по послевоенной Германии, обладавшей наибольшим флотом воздушных кораблей и подготовленными экипажами воздухоплателей.

В нашей стране ярым сторонником идеи Нансена был виднейший советский ученый-полярник член-корреспондент АН СССР Владимир Юльевич Визе, побывавший впервые в Арктике еще вместе с Седовым. В 1931 году он утверждал: “Проект устройства постоянного жилья на дрейфующих льдах Центральной Арктики, казавшийся нелепым в те времена, когда Пири совершал свои удивительные походы к полюсу, теперь, после завоевания человеком воздуха и изобретения радио, стал вполне осуществимым.

Станция, воздвигнутая на льдинах Полярного бассейна, вместе со льдом непрерывно меняла бы свое положение. При помощи радио наблюдатели станции могли бы все время оповещать о своем местоположении, и, таким образом, смена личного состава станции через год и пополнение запасов продовольствия и снаряжения также оказалось бы возможным” [37, с. 238].

Наряду с авиацией в Арктике развивались и дистанционные методы, направленные на изучение особых полярных условий, прежде всего – аэрофотосъемка. Однако при этом на отдельных участках был необходим и непосредственный контроль на местности, в том числе на дрейфующих льдах.

Разумеется, на начальных стадиях решения этой проблемы могла пригодиться информация первопроходцев, в том числе Кука и Пири, причем результаты их наблюдений становились, таким образом, опорными. (Правда, польза от них была разной, как показало будущее.)

В развитии аэрометодов в Арктике важную роль сыграла экспедиция “Аэроарктик” на дирижабле LZ-127 “Граф Цеппелин” (командир Гуго Эккнер, научный руководитель Рудольф Лазаревич Самойлович) в июле 1931 года, в организации которой наша страна принимала большое участие, предоставив для проведения работ не только район исследований (в первую очередь полярные архипелаги), но и своих специалистов (помимо Р.Л. Самойловича – радиста Э.Т. Кренкеля, инженера Ф.Ф. Ассберга и создателя радиозонда П.А. Молчанова). Дирижабль за 110 летных часов покрыл расстояние в 13 тыс. км, выполнив аэрофотосъемку различных ландшафтов и льдов, помимо многочисленных аэровизуальных наблюдений, а также выпустив несколько радиозондов, достигших высот до 20 км. Казалось, дири-

жабль окончательно “прописался” в Арктике, но будущее показало, что такой вывод был преждевременным.

Прежде чем перейти к описанию торжества авиации в высоких широтах, необходимо остановиться на еще одном экзотическом событии – попытке достижения Северного полюса в 1931 году на подводной лодке.

За условную плату в один доллар американское морское ведомство предоставило в распоряжение известного полярного летчика Уилкинса списанную подводную лодку, названную им в честь жюль-верновского предшественника “Наутилусом”. На этом судне Уилкинс намеревался пересечь Северный Ледовитый океан с посещением полюса, хотя, как показали дальнейшие события, такая идея явно опережала свое время, поскольку аккумуляторные батареи позволяли лодке пройти в погруженном состоянии всего 400 км. В августе 1931 года лодка достигла у берегов Шпицбергена кромки дрейфующих льдов, примерно в тех же местах, где в свое время побывали Гудзон и Чичагов. При попытке плавания под льдами был потерян руль глубины – возможно, он был утоплен кем-то из членов экипажа, испугавшимся рискованного эксперимента. Даже в таком состоянии неполноценный корабль все же побывал на $81^{\circ} 59'$ с.ш., показав, что время использовать подводные лодки для походов на полюс еще не наступило.

Таким образом, четверть века спустя после достижения Северного полюса Куком и Пири путь к нему превратился в некую “мерную милю” для испытания возможностей новых транспортных средств различного назначения.

Ведущая роль в полярных исследованиях 30-х годов XX века принадлежала советским ученым и полярникам в связи с освоением трассы Северного морского пути, который, как известно, для нашей страны имеет особое значение. Эти исследования проводились с учетом всей природной системы Северного Ледовитого океана, включая и полюс. К этому времени дискуссия “самолет или дирижабль?” приобрела отчетливый практический характер. Как и прежде, возможность посадок на неподготовленную поверхность дрейфующих льдов представлялась проблематичной. Опыт спасательных операций при вывозе со льдины экипажа и пассажиров парохода “Челюскин” в марте–апреле 1934 года, в которых авиация показала себя с самой лучшей стороны, для планирования высадки на полюс был недостаточным, поскольку самолеты там садились на площадки, периодически разрушаемые ледовыми подвижками и вновь восстанавливаемыми людьми.

В 1935 году О.Ю. Шмидт предложил известному полярному

летчику Герою Советского Союза М.В. Водопьянову (получившему это звание за спасение челюскинцев) взять на себя разработку технического плана полета на полюс с посадкой на нем. Первоначально предполагалась посадка на полюсе легкого самолета с целью подготовки ледового аэродрома, но этот вариант в процессе работы был отвергнут, как и намечавшаяся высадка парашютного десанта с той же целью. В конце концов было принято решение о посадке тяжелых самолетов с лыжным шасси при выборе места посадки с воздуха, как это делал на легком самолете еще в 1926 году М.С. Бабушкин, также привлеченный для участия в полюсной операции. Таким образом, хотя первые посадки самолетов в Центральном Арктическом бассейне были выполнены Амундсенем (на воду) и Уилкинсом (на лед), наши полярники действовали не на основе иностранного опыта, а вопреки ему. Поэтому наш приоритет в создании первой дрейфующей станции в мировой полярной литературе никем не оспаривается.

Необходимость в такой станции на полюсе резко возросла, когда другие советские авиаторы стали настойчиво выступать перед высшими партийными и государственными органами с предложениями о беспосадочных перелетах из Европы (точнее, из Москвы) в Америку через полюс. Поскольку подобные мероприятия в случае их благополучного завершения сулили большой пропагандистский эффект, в советских “верхах” они встретили благосклонное отношение, включая самого Сталина. Таким образом, первые советские межконтинентальные перелеты в Арктике и первая дрейфующая станция изначально были обречены осуществляться совместно, являясь по сути лишь разными частями одной обширной партийно-государственной программы.

Прежде чем лететь от континента до континента, в июне 1936 года был выполнен перелет на самолете АНТ-25 (командир экипажа Валерий Павлович Чкалов) по маршруту Москва–Земля Франца-Иосифа–Камчатка–устье Амура. Машина показала себя достаточно надежной, обеспечение полета наземными службами (включая прогноз погоды по маршруту и работу радиомаяков) прошло удовлетворительно, а сам экипаж получил необходимую практику, одолев за 56 часов 20 минут полетного времени расстояние в 9 374 км.

Еще раньше, в марте-апреле 1936 года по маршруту Москва–Новая Земля–Земля Франца-Иосифа стартовали две серийные легкие машины Р-5, переоборудованные для полетов в Арктике (в основном за счет утепления кабин). Отряд возглавлял М.В. Водопьянов, одним из командиров экипажа был Владимир

Михайлович Махоткин. Пробираясь вдоль восточного побережья Новой Земли, они достигли Земли Франца-Иосифа, откуда в конце апреля был выполнен рекогносцировочный полет до $83^{\circ}45'$ с.ш. Результаты этой разведки показали наличие прочных ледовых полей, подходящих для посадок тяжелых самолетов. Вся операция проходила в условиях такой секретности, что только на Земле Франца-Иосифа штурман отряда Валентин Иванович Аккуратов узнал о предстоящей высадке на полюс.

Летом того же 1936 года на о-ве Рудольфа (наиболее северном в архипелаге Земли Франца-Иосифа) под руководством Ивана Дмитриевича Папанина (он уже зимовал на архипелаге в 1932–1933 годах) осуществлялось строительство взлетно-посадочной полосы на леднике и создание современной авиабазы для обеспечения броска на полюс. Новые задачи требовали гораздо более сложной организации полярных исследований по сравнению с эпохой Кука и Пири, но и научная отдача при успешном выполнении намеченной программы в перспективе обещала несравненно больший эффект, особенно в части изучения природных процессов в океане и атмосфере.

Следует отметить, что руководство Главсевморпути во главе с О.Ю. Шмидтом обеспечивало самую тесную связь с исследователями-предшественниками, хотя и в своеобразной форме, обусловленной общей общественно-политической ситуацией в стране. Уже в 1936 году издательство Главсевморпути опубликовало на русском языке книги Р. Амундсена “Полет до 88° градуса” и “Первый полет над Северным Ледовитым океаном”, а также книгу Р. Пири “Северный полюс”. Последняя вышла в 1935 г. под редакцией В.Ю. Визе, который считал, полагаясь, очевидно, целиком на информацию Пири, “что Кук совершил неслыханную мистификацию” [11, с. 8]. Визе признавал, что книга “написана чрезвычайно талантливо и ...принадлежит к числу интереснейших произведений полярной литературы, несмотря на то, что почти все в ней представляет сплошной вымысел автора” [Там же, с. 9]. Остается только сожалеть, что ученый никак не аргументировал свою точку зрения. Возникает вопрос: насколько высказанная им позиция была свободна от указаний свыше, если учесть, что наши официальные власти в 30-е годы старались не раздражать лишним раз богатого и далекого “дядю Сэма”. В глазах советских официальных властей именно Пири с его адмиральским званием выглядел официальным открывателем полюса, тогда как Кук оставался лишь “подозрительным субъектом” и бывшим зеком.

Наши летчики, осуществлявшие посадку тяжелых машин на полюсе, проигнорировали как информацию Пири, так и Кука, –

авторитетом для них оставался Амундсен, в меньшей степени Уилкинс, а самое главное – со своим собственным богатым опытом, полученным в предшествующие годы, они сами чувствовали себя достаточно уверенно.

В советской полярной экспедиции 1937 года под руководством Шмидта участвовало 43 человека [37], включая экипажи четырех тяжелых самолетов (дальние бомбардировщики ТБ-3, переделанные для гражданских целей), двухмоторного разведчика и двух легких самолетов ближней разведки. Особое внимание было уделено персоналу дрейфующей станции, которую по первоначальному плану должен был возглавить В.Ю. Визе, однако его кандидатура все же была заменена бывшим чекистом Иваном Дмитриевичем Папаниным, который принял на себя все хозяйственные и организационные заботы.

Поскольку успех операции целиком определялся возможностью посадки на лед, Шмидт добился от высшего партийного руководства разрешения лично участвовать в высадке на полюс, чтобы целиком разделить успех или крушение своего замысла. Если в начале века поход на полюс определялся желанием и финансовыми возможностями очередного претендента, в нашей стране в 30-е годы полярная экспедиция стала партийно-государственным предприятием: участие в ней было престижным и открывало перспективы для карьеры, однако просчет или неудача грозили репрессиями.

22 марта 1937 года полярная авиация Главсевморпути начала полярную операцию, но только 18 апреля все самолеты экспедиции приземлились на о-ве Рудольфа. Вынужденные задержки (в основном из-за непогоды) привели к тому, что из 27 суток собственно полетное время составило только 19 часов, за которое самолеты одолели 4 000 км. Сосредоточившись на крохотном плацдарме, экспедиция приготовилась к последнему броску.

5 мая самолет-разведчик Павла Георгиевича Головина выполнил рекогносцировку района полюса, обнаружив большие пространства льда, пригодного для посадки, и проверив работу радиомаяка. Эту работу продолжил 11–15 мая экипаж Леонгарда Густавовича Крузе. Только 21 мая синоптик экспедиции Борис Львович Дзерdzeевский дал “добро” на вылет с о-ва Рудольфа.

Первым в 4 ч 52 мин стартовал самолет Водопьянова, на борту которого находился сам Шмидт с персоналом дрейфующей станции. В 11 ч 10 мин самолет прошел точку полюса. Поиски подходящей льдины заняли примерно полчаса, вследствие чего посадка произошла уже в Западном полушарии, при-

мерно в 30 км за полюсом. Толщина льдины, по оценке с воздуха, составляла около 3 м. Однако обитатели о-ва Рудольфа почти сутки жили в тревоге и неизвестности, поскольку при посадке на какое-то время вышла из строя рация. Тем не менее главное было сделано. «Входящие в состав нашей группы пять челюскинцев, – радировал на Большую землю Шмидт, – невольно вспоминают жизнь на дрейфующей льдине. Сейчас мы отомстили стихии за гибель “Челюскина”» [37, с. 245]. Эта первая дрейфующая станция получила название “Северный полюс-1” (СП-1).

В последующие дни, используя привод радиостанции Кренкеля, самолеты один за другим садились в дрейфующем лагере. Последним прилетел 5 июня самолет Ильи Павловича Мазурука, доставивший знаменитую палатку, снимки которой вскоре обошли весь свет. Папанинцам (так в советской прессе стали именовать персонал дрейфующей станции) предстояло прожить в ней до конца дрейфа на пространстве менее десяти квадратных метров. Покидая на следующий день полюс, Шмидт сказал: “Мы прощаемся с полюсом, прощаемся тепло, ибо полюс оказался для нас не страшным, а гостеприимным, родным ... словно он нашел настоящих хозяев” [37, с. 247]. На льдине остались начальник дрейфующей станции И.Д. Папанин, радист Э.Т. Кренкель, гидробиолог П.П. Ширшов и геофизик Е.К. Федоров. (Известно, что сразу же после катастрофы “Челюскина”, едва высадившись на лед, Ширшов предлагал желающим записываться на будущую полярную станцию “Северный полюс” – мрачный “полярный” юмор обернулся для ученого реальностью.) Оставшаяся четверка могла рассчитывать только на собственные силы.

Еще на ранней стадии планирования станции предполагалось, что в условиях антициклонального режима атмосферы дрейф будет невелик, и, соответственно, смена или эвакуация персонала станции будет происходить примерно так же, как и высадка. Поначалу регулярные астрономические определения координат дрейфующей станции не противоречили такому предположению, тем более что папанинцы целиком отдавали себя или научным наблюдениям, или обычным заботам жизнеобеспечения. Что касается научной программы, то она включала регулярные метеонаблюдения, промеры глубин с отбором проб воды с различных горизонтов для последующего анализа, а также измерения основных параметров магнитного поля. С развитием летнего таяния станция подверглась частичному подтоплению, но люди нашли выход из положения. В общем, события развивались по оптимальному варианту.

Между тем в Москве было принято окончательное решение о трансарктических перелетах, которые дрейфующая станция должна была обеспечивать регулярной метеоинформацией, причем ежечасно. 18–19 июня успешно прошел перелет Чкалова. 12–13 июля состоялся аналогичный перелет Громова, также завершившийся очередным рекордом. Наконец, 12 августа стартовал самолет Леваневского, с которым спустя четыре часа после прохождения полюса была потеряна связь. Судьба этого экипажа осталась тайной, несмотря на продолжительные поиски, затянувшиеся вплоть до наступления полярной ночи.

Благодаря радио папанинцы были в курсе всех происходящих событий, хотя суровые условия жизни не оставляли им свободно-го времени. Первые подвижки льда, осложнившие жизнь обитателей льдины, последовали спустя сутки после завершения перелета Громова, хотя непосредственной угрозы для станции не возникло. За первые сто дней дрейфа льдина достигла $87^{\circ}9'$ с.ш. со средней скоростью 5,5 км в сутки. Однако с сентября темп дрейфа стал возрастать. 5 октября солнце в последний раз поднялось над горизонтом – и наступила полярная ночь, осложнившая как проведение исследований, так и повседневную деятельность людей. Условия работы П.П. Ширшов охарактеризовал так: “Гидрологическая станция в наших условиях – это 30 часов работы с тремя короткими перерывами для отдыха тут же на льду. Когда целые сутки вертишь лебедку, выбирая сотни метров за сотней кажущийся бесконечным трос, меховая рубашка даже при 30-градусном морозе становится совершенно излишней” [Там же, с. 276].

С приближением к Гренландскому морю, куда лед буквально заталкивается морскими течениями со всей акватории Северного Ледовитого океана, темп дрейфа возрос настолько, что создавал трудности для проведения гидрологических работ, которые в здешних водах выполнялись впервые. Стало ясно, что отважная четверка оказалась в условиях повышенной активности природных процессов. Крайне интересная для науки ситуация, однако, таила угрозу как для дальнейшего существования самой льдины, так и для жизни людей. Уже в ноябре специальная комиссия Главсевморпути ломала голову: что предпринять? Могла возникнуть ситуация, когда самолет не сможет сесть на разрушенный подвижками лед, сохранявший, впрочем, достаточную прочность, чтобы не пропустить и ледокол.

В стране шел 1937 год, и провал научного эксперимента мог получить партийную оценку, грозившую непредсказуемы-

ми последствиями. Все это великолепно понимали члены комиссии, принявшие соломоново решение: поскольку к началу мая льдина ожидается на 78° с.ш., направить в это время в Баренцбург на Шпицбергене ледокол “Ермак” с самолетом на борту [30].

Но развитие событий опрокинуло расчеты специалистов. 1 февраля на $74^{\circ}16'$ с.ш. шторм так искромсал льдину, что от нее остался обломок размером 300×200 м, который с каждым днем все уменьшался в размерах. 8 февраля (в этот день участники дрейфа впервые увидели горы Гренландии) трещина разорвала палатку, подвижкой опрокинуло сани с аварийным запасом. Лагерь папанинцев доживал последние дни, но Большая земля делала все возможное для их спасения. Еще 10 января во льды Гренландского моря был направлен “Мурманец”, крохотный деревянный бот водоизмещением всего 150 тонн, в качестве ледового патруля. Один за другим с 3 по 10 февраля в море вышли “Таймыр”, “Мурман” и “Ермак” с целой эскадрилей на борту, включая автожир – прообраз будущего вертолета. Спасательные операции успешно завершились 19 февраля 1938 года.

Хотя эти события развивались вдали от тех мест, где проходили маршруты Кука и Пири, выяснились два обстоятельства, имеющие непосредственное отношение к их походам: первое – активность природных процессов в высоких широтах может наблюдаться визуально; второе – несмотря на всевозможные технические достижения, научный поиск в условиях Арктики остается достаточно рискованным, отчего полярные исследования еще надолго сохранят определенный элемент драматизма.

Выше уже отмечалось, что Кук по-своему оценил результаты советских исследований в Арктике, и даже пытался их использовать для собственной реабилитации в глазах научной общественности. Обостренная интуиция исследователя еще раз подсказала ему правильное направление последнего поиска, но его жизненный лимит был уже почти израсходован, и времени дожидаться справедливого суда от коллег-полярников у него не оставалось. Личная драма старого полярника на исходе жизни заключалась в том, что ему не суждено было увидеть торжество истины в то время, когда объективно весь процесс научных исследований Центрального Арктического бассейна развивался в его пользу.

Предпосылки реабилитации Кука в нашей стране возникли еще при его жизни. В первую очередь это относится к теоретическим разработкам А.В. Колчака [26], выполненным им на ос-

нове собственных наблюдений во время Русской полярной экспедиции под руководством Э. Толля. Ссылаться на Колчака в советское время рисковали не многие, но – и это не подлежит сомнению – научные идеи этого человека в среде ученых получили признание. Более того, они воплощались в жизнь. Профессор Московского гидрометеорологического института, позднее – директор Института океанографии АН СССР Николай Николаевич Зубов, который знал “верховного правителя” не понаслышке (его самого, как кадрового офицера, мобилизовали в армию Колчака [24]), говорил: “Со времен русской полярной экспедиции Толля... появилась еще одна гипотеза. Она утверждает, что кроме общего движения с востока на запад существует еще один круговорот льда, направленный по часовой стрелке, с центром около полюса относительной недоступности” [23, с. 599]. Специалисты старшего поколения, разумеется, знали, кто автор этой гипотезы...

Поэтому не случайно именно полюс недоступности между о-вом Врангеля и географическим полюсом стал объектом исследований экспедиции Якова Либина на самолете Н-169 (командир Иван Черевичный) в апреле 1941 года. Раньше в этой акватории Северного Ледовитого океана уже планировалась высадка второй дрейфующей станции, и даже был назначен ее начальник, также бывший чекист, А.И. Минеев, но она по каким-то причинам не состоялась.

Дрейфующая станция, вошедшая в полярную литературу как СП-2 (“Северный полюс-2”), возглавлялась в 1950–1951 годах опытным специалистом в области полярной гидрологии Михаилом Михайловичем Сомовым. Количество участников дрейфа в значительной мере было обусловлено расширением программы наблюдений. Так, в гидрологическую группу входили три специалиста, в метеорологическую и аэрологическую – по четыре человека и т.д. К тому времени посадки на дрейфующие льды перестали уже быть проблемой, это была рядовая работа пилотов полярной авиации Главсевморпути. Соответственно улучшилось и обеспечение бытовых условий – люди жили в отапливаемых газом надежных каркасных палатках и, хотя и спали в спальнях мешках, могли раздеваться до нижнего белья. Наконец, на станции появился ... автомобиль ГАЗ-64, лихо таскавший на прицепе нарты с грузами.

За год станция СП-2 сместилась к северу с 76°00′ до 81°45′ с.ш., то есть по прямой примерно на 600 км, тогда как суммарная протяженность ее дрейфа достигла почти 2,5 тыс. км. Наблюдения за дрейфом станции полярная авиация продолжала и после эвакуации персонала. Вскоре выяснилось,

что льдина с остатками СП-2 дрейфует к востоку, а позднее она повернула на юг к берегам Канадского Арктического архипелага, постепенно вписываясь в очертания материкового склона шельфа, практически в полном соответствии с прогнозом Колчака. С этого момента система дрейфа в американском секторе Арктики становилась настолько отчетливой, что ее можно было использовать для объяснения особенностей маршрутов первопроходцев.

Вскоре американские полярники продолжили работы своих советских коллег в высоких широтах Арктики, дополнив, однако, их целым рядом методических новинок. В частности, вместо льдины для создания своей первой дрейфующей станции они использовали дрейфующие ледяные острова, выделявшиеся своей необычной морфологией и крупными размерами среди льдов морского происхождения. Американцы составили нечто вроде каталога подобных образований, обозначая их литерой “Т” (от английского слова target – цель, мишень) с последующим порядковым номером по мере обнаружения. Уже с первого взгляда бросалась в глаза хорошо заметная с воздуха характерная волнистая поверхность этих образований, с особым рисунком теней при низком положении полярного солнца.

Надо сказать, что советские полярные летчики обратили внимание на эту разновидность дрейфующих льдов еще в довоенное время [9]. Позднее Т-1 видел наш пилот Котов в марте 1946 года, Т-2 – Мазурук в апреле 1948 года, Т-3 – Перов в апреле 1950 и т.д. В условиях разобщенности исследователей и неоправданной секретности подобные открытия, как и в других отраслях науки, могли повторяться неоднократно.

Оценив прочность подобных льдов, американцы весной 1952 года на Т-3 организовали свою первую дрейфующую станцию во главе с подполковником ВВС США Джозефом Флетчером. Дрейф этой станции продолжался более двух лет по траектории, которую ранее описала льдина с остатками СП-2. Американские и канадские ученые (Альберт П. Крэри, Джеффри Хаттерсли-Смит и др.), изучая необычный генезис этих льдов, пришли к выводу, что их верхняя толща когда-то была фирном, тогда как донная образовалась при замерзании морской воды. Множество других признаков указывали на былую связь этих ледяных островов с сушей: присутствие обломков пород, остатков тундровой растительности и т.д. Дешифрирование аэрофотоснимков не только подтвердило специфический волнистый характер поверхности таких ледяных остро-

вов, но и выявило полную идентичность с характером поверхности шельфовых ледников у северного побережья о-ва Элсмир, одновременно обнаружив сходные формы и на берегах других островов Канадского Арктического архипелага, включая север о-ва Аксель-Хейберг, откуда Кук начал в 1908 году поход к полюсу.

Дальше – больше... Американские исследователи начали проводить тщательный анализ отчетов своих предшественников в поисках описаний чего-либо подобного, и вскоре самые неожиданные находки не заставили себя ждать. Оказалось, что один из участников экспедиции Джона Нэрса (1875–1876 гг.) лейтенант Пэлхэм Олдрич в своем маршруте вдоль северного побережья о-ва Элсмир на пути от мыса Шеридан к мысу Алерт отметил своеобразные “ледяные волны” или “ледяные валы”. Нечто подобное наблюдал и Пири в маршрутах 1906 года примерно в тех же местах. Оказалось, что такие особенности льда характерны и для описаний Кука окрестностей мыса Свартенвог (о-в Аксель-Хейберг), где дешифрирование аэрофотосъемки доказало присутствие там шельфового ледника. Более того, из книги-отчета Кука стало ясно, что он встретил дрейфующий ледяной остров на 88° с. ш., там, где позднее проходили дрейфы льдины СП-2 и дрейфующего острова Т-3. Правда, для Российской Арктики шельфовые ледники не типичны – только на Северной Земле ледяное образование такого рода было описано по результатам маршрута 1931 года Николаем Николаевичем Урванцевым [58] и Георгием Алексеевичем Ушаковым [59] в заливе Матусевича, где четверть века спустя Виталий Давыдович Дибнер [18] обнаружил на аэрофотосъемке присутствие ледяного дрейфующего острова.

Ученым разных специальностей надо было как-то реагировать на эту новую информацию, которая не желала укладываться в сложившиеся стереотипы в связи с достижением Северного полюса. Видный канадский специалист по морским льдам Мойра Данбэр с явной неохотой вынуждена была на основе описания Куком типичного ледяного острова на 88° с.ш. признать, что он, “несомненно, совершил продолжительный переход в Северном Ледовитом океане”, хотя, как добавила она, и вдали от полюса! Сходную позицию занял и Дж.Д. Дайсон, отметивший, что Кук “никогда не достигал полюса”, однако дал описание “старого льда”, который пересек на санях и который очень походил на ледяной остров [16, с. 109]. Напомним, что с 88° с.ш. до полюса рукой подать – всего-то восемь дневных переходов, судя по дневнику Кука. Очевидно, трепет перед “священной коровой” в лице Пири лишает ученых мужей и дам логического мышления.

Но самый обескураживающий сюрприз для почитателей Пирри преподнес начальник первой американской дрейфующей станции на ледяном острове Т-3 Флетчер, который заявил: “Я считаю невозможным поверить, что доктор Кук лгал. Описание его путешествий является честным и точно обоснованным. Для него было бы невозможным сфабриковать свой рассказ на основе знаний ледовых условий и движения льда в Арктическом бассейне” [37, с. 182]. В создавшейся ситуации перелом в отношении к реальным достижениям Кука на основе новой природной информации не произойти уже не мог.

Вместо заключения. Вердикт времени

Следует признать, что среди ученых-полярников разных стран и в самом американском обществе единого мнения по поводу событий на Северном полюсе в 1908–1909 гг. никогда не существовало. За пределами Соединенных Штатов во второй половине XX века сомнений в недобросовестности Ф. Кука стало значительно меньше, прежде всего благодаря поступлению новой научной информации.

Любопытно проследить, как изменялось в научном мире отношение к исследователю. Первой реакцией советских ученых стала книга А.Ф. Лактионова “Северный полюс” (3-е изд., 1960), где было отмечено, что “трудно себе представить, как можно так подробно и правильно ... описать некоторые явления природы Центральной Арктики (поверхность ледяных полей, дрейф льда, “ледяные острова” и т.п.)” [37, с. 182]. Хотя высказанная точка зрения носила частный характер, такая оценка получила в советской научной литературе свое дальнейшее развитие, прежде всего в работе Д.М. Пинхенсона [47].

Раздел своей книги, посвященный событиям в Центральной Арктике в начале XX века, этот исследователь, придерживаясь официальной точки зрения, озаглавил: “Достижение Северного полюса Р. Пири в 1909 г.”. Кук в тексте появляется только в сноске, поскольку “возник острый спор, кому из них принадлежит честь этого достижения. Характерно, что к этому вопросу исследователи возвращаются и поныне” [Там же, 507]. Столь осторожная редакция проблемы объяснялась официальным характером издания под флагом Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (АНИИ) и отходом от устаревшей точки зрения В.Ю. Визе. Пересмотр обстоятельств достижения полюса в работе [37] отражал лишь авторскую точку зрения, тогда как аналогичные тенденции у Пинхенсона были выполнены в официальном издании и могли рассматриваться, таким образом, как отход от позиции, сформулированной в предисловии к первому изданию книги Р. Пири 1936 года.

Пинхенсон апеллирует к мнению директора Полярного института Италии Сильвио Дзаватти, который отметил “ряд объективных доказательств (фотографии, описания дрейфующих

льдов и др.), подтверждающих факт достижения Куком Северного полюса” [47, с. 507].

Не будучи специалистом по природным процессам в Арктике, Пинхенсон не стал обращаться к ним, однако выразил свое отношение к возникшей ситуации в заключительной части своего примечания: “Соображения С. Дзаватти заслуживают внимания советской научной общественности. В свете материалов и фактов, на которые ссылается С.Дзаватти, заслуги Фр. Кука как полярного исследователя предстают по-новому, а в связи с этим, видимо, должна быть уточнена история достижения Северного полюса, честь открытия которого до сих пор неизменно приписывалась одному Р. Пири” [Там же, с. 508].

По каким-то причинам А.Ф. Лактионов и Д.М. Пинхенсон, будучи представителями Арктического и Антарктического научно исследовательского института, в котором сосредоточена масса информации о природных процессах в районе Северного полюса, не пожелали или не смогли эту информацию использовать для оценки достоверности наблюдений Кука, а также его реабилитации в глазах советских читателей. Однако такое положение рано или поздно должно было измениться.

Указанные тенденции полностью сохранились в позднейших советских комментариях по поводу дискуссии “Пири–Кук”. Так, академик А.Ф. Трешников, директор ААНИИ, президент Географического общества СССР, также избегал давать собственные оценки, предпочитая ссылки на зарубежных исследователей. Это отчетливо прослеживается в его послесловии к книге Р. Пири: “Еще находясь среди эскимосов, Пири пытается дискредитировать Кука, а по возвращении в США он привлекает к этому всех влиятельных и богатых меценатов – членов Арктического клуба Пири. Возник яростный спор между сторонниками Пири и сторонниками Кука. В этот спор была вовлечена буржуазная пресса, придав спору скандальный характер. То разгораясь, то несколько затухая, этот спор продолжался и после смерти Пири в 1920 году и после смерти Кука в 1940 году. Продолжается он и до сих пор” [57, с. 247].

Ученый не дает ответа на два главных вопроса: почему этот спор продолжается столь длительное время и кто же все-таки прав?

Ответ на первый вопрос сформулирован нами ранее: “Конфликт затронул слишком многое, и в первую очередь репутацию полярных исследователей в глазах общества, их способность предпочесть истину успеху... По этим причинам конфликт, возникший, казалось бы, на почве отвлеченных научных споров, с каждой неделей все больше перерастал в грандиозный общест-

венный скандал” [28, с. 11]. “Скандал по поводу достижения полюса с самого начала имел определенную социально-общественную окраску... Игнорировать это невозможно” [Там же, с. 22]. С последним высказыванием согласен и Трешников, цитирующий Фарли Моуэта: “Кук подошел к покорению полюса как бы небрежно, затратив минимум средств, в то время как Пири продемонстрировал всему миру, что только самая решительная мобилизация всех американских ресурсов может сделать свое дело. Поэтому достижение Кука оскорбило не только Пири и его сторонников, но и все Соединенные Штаты Америки” [57]. Едва ли последнее справедливо, поскольку многие в США поддерживали Кука. Другое дело, когда Фарли Моуэт говорит о принадлежности Пири к американскому истеблишменту, не относя к нему Кука; так или иначе, социально-общественный фактор в контрверсии присутствует, что сохраняет к ней интерес и в наше время.

Думается, что осторожность многих полярных корифеев по отношению к Пири определяется официальным признанием последнего.

Характерно, что Трешников, не отвечая на второй вопрос, по сути, дословно повторяет вывод Флетчера: “Невозможно представить, чтобы человек, не побывавший в Центральной Арктике, мог выдумать и описать многие явления природы, характерные для нее. Позднейшие исследования подтвердили многие наблюдения и выводы Кука”. К ним Трешников относит следующие природные особенности:

1. Отсутствие суши в приполюсном районе.
2. Западное направление дрейфа (в отличие от утверждений Пири о восточном), которое едва не привело к гибели отряда Кука при возвращении с полюса.
3. Ледяные острова, один из которых Кук принял за землю (Земля Брэдли), а второй пересек на 88° с.ш.

Таким образом, спустя более чем десятилетие Трешников практически повторил набор природных признаков в описаниях Кука, на которые опирался и Лактионов. Характерно, что никто из наших специалистов-полярников не рискнул проконтролировать природную информацию Кука на количественной основе.

Что касается социально-общественной стороны проблемы, то, избегая каких-либо оценок сторон, Трешников лишь констатирует, что “Кук, Пири и многие другие полярные исследователи тех лет, проявив мужество, настойчивость и силу духа, раздвинули пределы знаний человечества об Арктике. А их недостатки и слабости свидетельствуют лишь о том, что они были людьми своего времени” [57, с. 254].

Таким образом, в 60–70 годы XX века в нашей стране обозначился отчетливый перелом во взглядах специалистов относительно пребывания Кука на Северном полюсе, – во всяком случае, с него было снято обвинение в злонамеренной фальсификации своего полюсного маршрута.

Знаковым событием для нашей страны стал перевод и издание в 1973 году книги Теона Райта “Большой гвоздь”. Книга содержит массу отсылок на источники и описывает атмосферу в американском обществе в связи со спором вокруг первенства в достижении полюса. В то же время попытки Райта апеллировать к природным явлениям, описанным Куком, и тем более объяснять их едва ли могут удовлетворить вдумчивого читателя, тем более специалиста.

Появление перечисленных публикаций, включая текст самого Кука, определило в значительной мере интерес автора к герою этой книги, выразившийся в попытке обобщения и анализа накопленного материала на основе природных взаимосвязей, характерных для той акватории Северного Ледовитого океана, где проходил Кук [27]. Для этого пришлось нанести маршрут Кука и известные характеристики природного процесса с привязкой различных событий на современную карту Северного Ледовитого океана. Это оказалось непростым делом, поскольку такие солидные издания, содержащие необходимую природную информацию, как “Атлас Северного Ледовитого океана” или “Атлас Арктики”, вышли в свет значительно позже – в 1981 и 1985 годах. Тем не менее, хотя и не в полной степени, это удалось: взаимосвязи событий маршрута и проявления природного процесса сразу же оказались очевидными настолько, что заявление Флетчера обрело конкретный смысл – оставалось только довести его до читателя, что я и сделал на страницах журнала “Природы” в 1975 году. Судя по отзывам на эту публикацию, а также по обсуждению в московском филиале Географического общества СССР, полученные результаты не только заинтересовали научную и полярную общественность, но и нашли вскоре конкретное воплощение: полюсный маршрут Кука впервые был показан на картах – в историческом разделе “Атласа Арктики”, хотя и со знаком вопроса, что, очевидно, относилось к точности его положения. Тем самым деятельность Кука в Арктике уже не отвергалась, а становилась предметом обсуждений и дискуссий. С этой информацией можно было не соглашаться, но попытки обвинения Кука в заведомой лжи на основе заявлений Пири в нашей стране уже не проводились. Необъективность Пири, как и очевидная его заинтересованность в компрометации соперника, со временем проявилась настолько явно, что обернулась против не-

го самого, на что обратил внимание еще Амундсен при встрече с Куком в Ливенвортской тюрме.

В нашей стране самым важным шагом в восстановлении доброго имени заслуженного полярного исследователя стал выход в свет книги Кука на русском языке. Читатель получил возможность судить о заслугах и личности Кука на основе его собственных материалов. В “Советском энциклопедическом словаре” (1987) интересующие нас события изложены следующим образом: “Первыми достигли района Северного полюса американцы Ф. Кук в 1908 и Р. Пири в 1909 годах”, а в “Географическом энциклопедическом словаре” (1988) эта фраза повторена дословно. Таким образом, в нашей стране доброе имя полярного исследователя Фредерика Альберта Кука после многих лет забвения и необоснованных подозрений восстановлено.

Надо отметить, что и за рубежом, в первую очередь в Соединенных Штатах, обвинение Кука в фальсификации своего полюсного маршрута утратило свою первоначальную остроту. На первое место выходит общественный смысл и суть самой контрверсии “Кук–Пири”, поскольку современное общество пытается понять, как все это могло произойти в стране свободы и демократии.

Огромную роль в общественной реабилитации Фредерика Альберта Кука и восстановлении его доброго имени сыграло Общество Фредерика А. Кука со штаб-квартирой в Харлевилле (штат Нью-Йорк), основанное в 1940 году и поставившее перед собой с самого начала ту самую цель, торжество которой может сейчас наблюдать. Возникшее первоначально как общественная организация, Общество Кука со временем сумело направить свою деятельность в научное русло, привлекая к своей работе не только добровольцев-любителей, деятельность которых со временем приобретала исследовательский характер (Шэлдон Кук-Доро, Тэд Хекаторн и др.), но и американских ученых-профессионалов (Расселл Гиббонс и др.), а также видных зарубежных исследователей, чьи книги неоднократно издавались в нашей стране (У. Херберт из Великобритании, Ж. Маллори из Франции).

Высокий профессиональный уровень работы Общества проявился при проведении в октябре 1993 года научного симпозиума под эгидой Центра полярных исследований им. Бэрда при Университете штата Огайо, подготовка которого осуществлялась под руководством Р. Гиббонса. Достаточно перечислить тематику секций:

1. Кук как врач, исследователь и путешественник.
2. Возможности восстановления полюсного маршрута Кука.
3. Ревизия контрверсии. Политика как разрушитель истории.
4. Роль эскимосов (инуитов) в проблеме Северного полюса.

Всего было сделано и опубликовано 11 докладов, причем некоторые излагались с ортодоксальных позиций (доклад астронома Раулинсона из Лойоловского колледжа в Мэриленде), что явилось некоторым диссонансом на общем фоне оценок и высказываний.

Общество Кука провело также ряд полевых исследований в районах, где проходила деятельность Кука, включая Мак-Кинли и острова Канадского Арктического архипелага, а также издало труды исследователя.

Предпосылки для реабилитации Кука в глазах специалистов-полярников существовали изначально, поскольку практически одновременно с известными событиями вышла работа участника Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг., лейтенанта Александра Васильевича Колчака “Лед Карского и Сибирского морей”. Автор пришел к выводу, что в местах, где проходили полюсные маршруты претендентов, “движение арктического пака ... имеет ясную тенденцию направляться к югу, к берегам американского арктического архипелага, сохраняя, быть может, общий западный характер дрейфа... около центра, расположенного в области под $83\text{--}85^\circ$ с.ш. и $170\text{--}180^\circ$ з.д.” [26, с. 161–162]. Значительно позже это явление Н.Н. Зубов справедливо интерпретировал как “большой круговорот воды, направленный по часовой стрелке, с центром около полюса относительной недоступности” [23, с. 599]. Теперь попробуем “привязать” события в отряде Кука и его наблюдения к теоретическим выводам Колчака и Зубова, не забывая, однако, и о современных данных по шельфовым ледникам и дрейфующим ледяным островам, причем в строгой временной последовательности.

21 марта 1908 года, оставляя мыс Свартенвог на самом севере о-ва Аксель-Хейберг, Кук отметил, что “лед расстилался голубыми волнами”, зафиксировав тем самым волнистый характер поверхности шельфовых ледников. Сходное явление двумя годами раньше было описано его будущим соперником – Пири для района мыса Томас Хаббард. Скорее всего, оба американца наблюдали различные участки одного и того же шельфового ледника, остатки которого были зафиксированы аэрофотосъемкой уже в 50-е годы XX века и показаны на современных картах в русском “Атласе снежно-ледовых ресурсов Мира” (1997).

22–23 марта Кук зафиксировал положение Большой полыньи – подвижной и динамичной границы между неподвижным припаем и дрейфующим паком – именно там, где в настоящее время оно находится, судя по снимкам из космоса. Это свидетельство Кука у современных специалистов не вызывает сомнений или дискуссий.

25–28 марта в отряде Кука произошло весьма показательное событие: разрушение иглу в процессе интенсивных подвижек дрейфующих льдов, что показательно прежде всего своей приуроченностью к стрелю южной ветви круговой системы дрейфа, первоначально заявленной Колчаком и Зубовым и позднее подтвержденной наблюдениями американских и советских полярников на Т-3 и СП-2.

30–31 марта произошло “открытие” Земли Брэдли, которое, хотя и стало одним из пунктов обвинения Кука в процессе контрверсии, на самом деле не заслуживает детального анализа по той причине, что в разное время и в разных частях Арктики при сходных обстоятельствах было сделано немало подобных “открытий”. Объяснение их – в оптическом обмане при отсутствии в поле зрения предметов с известными ранее размерами, на сопоставлении с которыми основано восприятие местности человеком в привычных условиях. Однако не исключено, что в действительности Кук все же видел дрейфующий ледяной остров (в частности, так считает Трешников), что, впрочем, не имеет принципиального значения.

1 и 2 апреля Кук отметил, что “ледовая обстановка улучшилась, гладкий лед” [33, с. 328]. Чего-либо другого в средней, застойной зоне циркуляции, характерной для американского сектора Арктики, ожидать трудно, поскольку эффект ледовых сжатий и подвижек здесь наименьший. Такой вывод подтверждается и наблюдениями Кука от 5 апреля (“льдины крупнее”) и 10 апреля (“лед стабильно улучшается”) [Там же, с. 329].

Записи 12 и 13 апреля в дневнике и более развернутые описания в книге характеризуют путь следующим образом: “...очень тяжелый лед. Сильно напоминает материковый... все тот же тяжелый, похожий на глетчерный, лед” [33, с. 329]. “Нельзя было не только различить границы отдельных полей, но и установить, на каком, морском или материковом, льду мы находились. Барометр не указывал на какое-либо значительное повышение местности, однако лед имел прочную волнистую поверхность глетчера с редкими поверхностными трещинами” [33, с. 190]. Такой характер поверхности повторяется позднее в описаниях лиц, проводивших наблюдения на самих дрейфующих ледяных островах [32, 51], и поэтому сомнений в том, что Кук побывал на одном из них, не остается даже у его противников [16, 79]. Размеры описанного Куком ледяного острова несколько превышают современные. Это нетрудно установить по следующим деталям описания. В указанные дни было пройдено, судя по дневнику Кука, 37 миль. В первый день – 21 миля, и никаких указаний на морской лед; во второй – 17 миль, но в конце перехода уже фигурируют торосы.

Таким образом, поперечник острова близок к 30 милям или 55 км, что неудивительно, поскольку известно, что разрушение шельфовых ледников произошло практически на рубеже XIX и XX столетий, и поэтому такой дрейфующий ледяной остров еще мог сохранять первоначальные размеры. Размеры “острова” были столь значительны, что при возвращении Кук снова вышел на него, что подтверждается записью в дневнике 1 мая: “Очень тяжелый, гладкий волнистый лед, но не заторошенный, как на юге” [33, с. 331]. Судя по тому, что первые торосы в дневнике Кука упомянуты только 4 мая, можно предположить и размеры острова по протяженности переходов в эти дни: не менее 60 км, что подтверждается и темпами дрейфа, при которых Кук имел возможность вернуться на него при возвращении с полюса.

Каким-то образом сторонники Кука, так же как и его противники, упустили из виду результаты первой шурфовки снежной толщи, выполненной на полюсе, которые в контексте других данных также однозначно свидетельствуют в пользу Кука неожиданно близкими значениями измеренного им количества зимних осадков к современным оценкам. Кук пишет, что на полюсе на морском льду в снежной толще им был открыт шурф глубиной 15 дюймов (37 см), в котором наблюдалось чередование ледяных прослоек (последствий вторжения теплых циклонов) и горизонтов разрыхления с характерным кристаллическим снегом. Средняя плотность для такого разреза обычно колеблется в пределах $0,3 \div 0,4$ г/см³. Таким образом, можно считать, что Кук наблюдал довольно незначительное снегонакопление на полюсе, близкое к 140 мм, тогда как по современным данным годовое количество осадков достигает здесь 150 мм. При этом подчеркнем два обстоятельства. Первое: после наблюдений Кука до максимума снегонакопления оставалось еще полтора месяца; второе: последняя величина получена в период потепления Арктики, когда количество осадков в высоких широтах несколько возросло. Еще одно очевидное совпадение в сведениях Кука с современными реалиями природного процесса.

Даже очевидные просчеты Кука при внимательном рассмотрении оборачиваются в его пользу. В первую очередь это относится к его навигационной ошибке при возвращении с полюса, из-за которой он не возвратился на мыс Свартенвог, как намеревался, и в результате остался без продовольствия. Причины подобной ошибки в свете современных данных нам абсолютно понятны, поскольку Кук полагался на сведения Пири, полученные в 1906 году, когда тот со своим “умением” ориентироваться в ледовой обстановке оказался на 250 км восточнее, что объяснил восточным дрейфом. О том, что Кук вводил поправки именно на

восточный дрейф, следует из его полевых записей за 23 марта, 30 апреля и др. [33, с. 327, 331].

Между 24 мая и 13 июня из-за облачности обсерваций не было, а учитывать дрейф было необходимо, что Кук мог делать только опираясь на сведения Пири, что в конечном итоге и привело к результату: "...нас унесло далеко на SW". Судя по приведенным в записях координатам, а также темпам движения, отряд оказался 4 июня в 72 км западнее мыса Свартенвог. В первом приближении половина этой величины относится к неверной поправке, а другая – к величине самого дрейфа. Тогда суточная величина дрейфа составит: $36 : 11 = 3,6$ км/сут.

Величина дрейфа в этой части Северного Ледовитого океана может быть оценена и другим расчетом. Характерно, что за шесть переходов с 19 по 24 марта включительно (первый переход, 18 марта, проходил по неподвижному шельфовому леднику и припаю) отряд Кука оказался на 50 км западнее исходного меридиана. Считая, что неверной поправкой Кук увеличил эту ошибку вдвое, суточной величиной дрейфа в марте практически в той же акватории следует считать 4 км. Как видим, в обоих случаях получены близкие значения.

Остановимся теперь на попытке Стефанссона "уличить" Кука в фальсификации своего маршрута, поскольку тот должен был буквально "упереться" в о-в Миен, чего не произошло.

Действительно, открыв о-в Миен 15 июня 1916 года, Стефанссон определил его координаты: $79^{\circ}53'$ с.ш., $101^{\circ}15'$ з.д. Однако сравнение с современной картой показывает, что он поместил свое открытие примерно в 30 км от реального.

Прокладка маршрута Кука между пунктами обсерваций 24 мая и 13 июня показывает, что 11 июня он находился всего в 15 км западнее острова. Им было отмечено "обширное пространство гладкого льда" [33, с. 333], т.е. припай, наличие которого само по себе является признаком близости суши, которую он не увидел только из-за тумана.

Судя по фразе: "Справа и слева от нас виднелись низкие... покрытые льдом острова", Кук, возможно, все-таки видел 13 июня о-в Миен с его ледниковым куполом высотой в 250 м с расстояния около 50 км из пролива Пири. Таким образом, попытки Стефанссона навязать свою точку зрения на события в проливе Пири в первой половине июня 1908 года не представляются убедительными.

Уже после первых публикаций у меня возник вопрос: в какой степени фотографии подтверждают или, наоборот, опровергают заявки Кука – ведь в обстановке, создавшейся после контрверсии, нельзя было пренебрегать самыми незначительными кроха-

ми информации, а среди фотографий из его книги были несколько, характеризующие различные виды льдов. Рассчитывать на их особую информативность не приходилось, и тем не менее на одном из совещаний я обратился к достойным экспертам – многоопытным гидрологам-ледовикам из Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, докторам наук Виктору Федоровичу Захарову и Юрию Александровичу Горбунову с вопросом: что изображено на фотографиях, помещенных между страницами 172 и 173, 300 и 301? С обоими экспертами я встречался поодиночке и, показывая им фото, не называл источник. Их ответы удивили меня, поскольку я не рассчитывал на такую информативность этих документов. Суть заключения экспертов сводилась к следующему: во-первых, несомненно, это лед в центральной части Северного Ледовитого океана, сильно заторощенный, подвергавшийся многочисленным сжатиям, во-вторых – многолетний, судя по обтаявшим торосам, в-третьих (что особенно поразило меня) – скорее всего в акватории между полюсом и Канадским Арктическим архипелагом. Именно это было для меня главным – подлинность фотографий, подтверждавших пребывание Кука в Центральном Арктическом бассейне и опровергавших утверждения Пири о том, что тот не покидал припая у берегов Канадского Арктического архипелага.

Описанные Куком шельфовые ледники и Большая полынья располагаются именно там, где это указывают современные данные. Все дальнейшие события и особенности природы четко “привязываются” к системе кругового дрейфа, о котором впервые заявили А.В. Колчак и Н.Н. Зубов и который исследовали дрейфующие станции СП-2 и Т-3. Наиболее важными признаками этого явления являются следующие:

- сильные подвижки льда с разрушением иглу на южной ветви этой системы дрейфа 25–28 марта 1908 года;
- улучшение проходимости дрейфующих льдов одновременно с ослаблением сжатий и торосообразования в центральной, застойной зоне кругового дрейфа;
- выход на дрейфующий ледяной остров на северной ветви указанной системы дрейфа, размеры которого несколько превышают известные ныне, что связано, очевидно, с “молодостью” этого ледового образования;
- хотя величина снегонакопления у полюса не связана с описываемой системой дрейфа, она соответствует современным данным и, таким образом, подтверждает заявки Кука на пребывание его на полюсе или вблизи него;
- просчет Кука, в результате которого он не смог вернуться к своему складу провианта и снаряжения на мысе Свартен-

вог, объективно подтверждает достоверность его информации и вместе с тем позволяет оценить величину дрейфа на южной ветви круговой системы течений.

История с достижением Северного полюса получила глубокий общественный резонанс, поскольку отразила важнейшие взаимосвязи общества и науки в современном мире.

В “деле Кука” отчетливо проявился международный характер современной науки, несмотря на все различия государственных и общественных систем, в рамках которых она развивается. Действительно, как это показано выше, мировая общественность на протяжении столетий принимала самое активное участие в решении проблемы полюса, которая на первоначальном этапе носила характер стирания “белых пятен” на карте планеты, а на заключительном этапе состояла в познании взаимодействия компонентов планетарной природной системы, в которой льды Арктики занимают особое место. С этих позиций место Кука в истории науки определяется его вкладом на переходном этапе от ликвидации “белых пятен” к изучению природного процесса.

Основной вывод в связи с оценкой достоверности описаний Кука своего похода к полюсу заключается в наличии строгого соответствия событий его маршрута природным процессам в Центральном Арктическом бассейне в акватории Северного Ледовитого океана, между полюсом и Канадским Арктическим архипелагом, начиная с первых шагов по припаю от мыса Свартенвог (Столллуэрти) к полюсу и кончая возвращением на острова Канадского Арктического архипелага. Что безусловно подтверждает правоту крупнейшего полярного исследователя XX столетия, каким был Ф.А. Кук. Это и есть вердикт времени, возможно запоздалый, но справедливый.

Даты жизни и деятельности Ф.А. Кука

- 1865, 10 июня – родился в Хортонвилле (штат Нью-Йорк, США) в семье немецких эмигрантов.
- 1870 – смерть отца.
- 1878 – переезд в Порт-Джервис, затем в Нью-Йорк.
- 1885–1886 – учеба во врачебно-хирургическом колледже.
- 1890 (1891?) – окончил Медицинский колледж Колумбийского университета (Нью-Йорк); получил диплом врача.
- 1891–1892 – участие в зимовочной Северогренландской экспедиции под начальством Р. Пири.
- 1893 – трехмесячное плавание на судне “Зета” в море Баффина у западного побережья Гренландии.
- 1894 – плавание на судне “Миранда” в тех же водах. Проплыл 100 миль в открытой шлюпке за помощью после столкновения судна с айсбергом.
- 1897–1899 – участие в антарктической экспедиции на судне “Бельгика” вместе с Р. Амундсеном под общим руководством А. де Жерлаша. Первая в истории зимовка в Антарктике в условиях ледового дрейфа в Южном океане.
- 1901 – плавание на судне “Эрика” в гренландские воды для оказания медицинской помощи Р. Пири.
- 1903 – первая неудачная попытка покорения высочайшей вершины Северной Америки горы Мак-Кинли с одновременной ликвидацией обширного “белого пятна” на карте Аляскинского хребта.
- 1906 – восхождение на Мак-Кинли.
- 1907–1909 – полярная экспедиция. 21 апреля 1908 г. Ф. Кук достиг Северного полюса в сопровождении двух эскимосов.
- 1909, 6 апреля – Северный полюс достигнут также отрядом Р. Пири (на основе так называемой “системы Пири”).
- 1909–1916 – контрверсия, спор с Р. Пири о приоритете в достижении Северного полюса; обвинение Ф. Кука в фальсификации полярного маршрута.
- 1922 – судебные власти штата Техас предъявили Ф. Куку обвинение в спекуляции “сухими” нефтяными участками (позднее на них были добыты миллионы тонн нефти).

- 1923 – приговорен к длительному тюремному заключению. Весной 1926 г. в тюрьме Ф. Кука посетил Р. Амундсен, с которым тот обсуждал проблемы полярных путешествий. 30 марта 1930 г. был досрочно освобожден.
- 1940, 16 мая – реабилитирован решением президента Ф. Рузвельта по приговору 1923 г.
- 1940, 4 августа – умер в госпитале Нью-Рейчел.

Основные произведения Ф.А. Кука

Through the first Antarctic night. N. Y., 1900, 1909

Through the first Antarctic night. Pittsburgh, Pa: Polar publ. co., 1998. 464 p.

To the top of the continent. N. Y., 1908

To the top of the continent. Pittsburgh, Pa: Polar publ. co., 1996

My attainment of the Pole. N.Y., 1910, 1911, 1913

My attainment of the Pole. Pittsburgh, Pa: Polar publ. co., 2001. 599 p.

Мое обретение полюса: Пер. с англ. / Предисл. и коммент. В.С. Корякина. М.: Мысль, 1987. 348 с.

Return from the Pole. N.Y.: Pellegrini and Cudaty, 1951

Неопубликованные материалы:

Autobiographical sketches. The Steffansson collection, Dartmouth College library, Hanover, N.H.

Autobiography. Library of Congress. Manuscript division. Washington, D.C., USA

Collection at the Byrd polar research center, Ohio State university

Archives of the Explorers club (EC). N. Y.

Archives of the Frederic A. Cook Society, Sullivan County Historical museum. Hurleyville, N.Y.

Литература

1. *Амундсен Р.* Собр. соч. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. Т. 4.
2. *Амундсен Р.* Собр. соч. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1937. Т. 5.
3. *Анучин Д.* Достижение Северного полюса // *Землеведение.* 1909. Кн. 3. С. 60.
4. *Арикайнен А.И.* Центр притяжения – Северный полюс. М.: Наука, 1988. 221 с.
5. Атлас Арктики. М., 1985.
6. Атлас Северного Ледовитого океана. Б.м., 1980.
7. *Белов М.И.* История исследований. Атлас Антарктики. Л., 1969. Т. 2.
8. *Белов М.И.* История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1956. Т. 1; 1959. Т. 3; 1969. Т. 4.
9. *Бурханов В.Ф.* Происхождение ледяных островов в Арктике // *Вопросы географии.* М., 1954. С. 36.
10. *Визе В.Ю.* Моря Советской Арктики. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1936. 493 с.
11. *Визе В.Ю.* Предисловие // *Пири Р.* Северный полюс. Л., 1935.
12. *Вилле Г.Г.* В плену белого магнита: Пер. с нем. Л.: Гидрометеиздат, 1965. 343 с.
13. *Врангель Ф.П.* О средствах достижения полюса // *Записки ИРГО.* СПб., 1849. Кн. 1, 2.
14. Географический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1988. 432 с.
15. *Григорьев Г.* Дороги ведут в Арктику. М., 1969.
16. *Дайсон Дж.* В мире льда. Л., 1966.
17. *Декерт Э.* Северная Америка. СПб.: Просвещение, Б.г. XIV, 574 с.
18. *Дибнер В.Д.* О происхождении плавучих ледниковых островов // *Природа.* 1955. № 3.
19. *Дьяконов М.* Амундсен. М.: Журн.-газ. об-ние, 1937. 304 с. (ЖЗЛ).
20. *Егоров К.* К истории полетов И.И. Нагурского // *Летопись Севера.* 1949. № 1. С. 226.
21. *Захаров В.Ф.* Льды Арктики и современные природные процессы. Л., 1981.

22. *Захаров В.Ф.* Морские льды в климатической системе. СПб., 1996.
23. *Зубов Н.Н., Бадигин К.С.* Некоторые предварительные итоги научных работ, проведенных на ледокольном пароходе “Георгий Седов” // На корабле “Георгий Седов” через Ледовитый океан. М.; Л., 1941. С. 599.
24. *Кан С.И.* Николай Николаевич Зубов, 1885–1960. М.: Наука, 1981. 135 с.
25. *Каневский З.М., Корякин В.С.* Георгий Яковлевич Седов 80 лет спустя // Земля и Вселенная. 1997. № 1.
26. *Колчак А.В.* Лед Карского и Сибирского морей. СПб., 1909. Гл. 11 пер. на англ. яз.: *Kolchak A.* The Arctic pack and the polynya. N.Y., 1928. P. 125–141 (Amer. Geogr. Soc. Spec. Publ.; N 7).
27. *Корякин В.С.* Был ли Кук на Северном полюсе? // Природа. 1975. № 7.
28. *Корякин В.С.* Предисловие // *Кук Ф.А.* Мое обретение полюса. М., 1987. С. 6–22.
29. *Корякин В.С.* Предисловие // *Черри-Гаррард Э.* Самое ужасное путешествие. Л., 1991. С. 5–21.
30. *Корякин В.С.* “Стахановский” дрейф // Природа. 1998. № 2. С. 75–84.
31. *Корякин В.С.* Шельфовый ледник Элсмита // Материалы гляциологических исследований. 1963. № 8. С. 300–315.
32. *Крэри А.П.* Научное исследование арктического ледяного острова Т-3 (сейсмические работы, наблюдения за круговым вращением острова) // *Родаль К.* Север. М., 1958.
33. *Кук Ф.* Мое обретение полюса. М.: Мысль, 1987. 348 с.
34. *Кук Ф., Пири Р.* Открытие таинственного полюса / Сост. В. Розов-Цветков. М., 1910. На обл.: Кук Ф.-А., Пири Р.-Э.
35. *Кэн Е.* Путешествия и открытия второй Гринельской экспедиции в северные полярные страны для отыскания сэра Джона Франклина, совершенные в 1853, 1854 и 1855 годах под начальством д-ра Е.К. Кэна. М.; СПб., 1866.
36. *Ладлем Г.* Капитан Скотт: Пер. с англ. Л.: Гидрометеиздат, 1972. 230 с.
37. *Лактионов А.Ф.* Северный полюс. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Мор. трансп., 1960. 525 с.
38. *Лебедев Н.К.* Дополнения // *Жюль Верн.* Завоевание Земли. М., 1916. С. 507.
39. Лоция Антарктики. Л., 1961. Вып. 1. С. 209–210.
40. *Маллори Ж.* Загадочный Туле. М, 1973.
41. *Моуэт Ф.* Испытание льдом. М.: Прогресс, 1966. 319 с.
42. *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце: [О жизни Ф. Нансена]. Л.: Гидрометеиздат, 1973. 452 с.

43. *Пасецкий В.М.* В погоне за тайной века. Л.: Гидрометеиздат, 1967. 310 с.
44. *Пасецкий В.М., Блинов С.А.* Руал Амундсен, 1872–1928. М.: Наука, 1997. 203 с.
45. *Первалов В.А.* Ломоносов и Арктика. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 504 с.
46. *Пинегин Н.В.* В ледяных просторах. Л., 1924. 272 с. (Б-ка путешествий).
47. *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л., 1962. (История открытия и освоения Северного морского пути; Т. 2).
48. *Пири Р.* По большому льду к северу. СПб., 1906.
49. *Пири Р.* Северный полюс. М., 1948. 195 с.
50. *Райт Т.* Большой гвоздь. Л.: Гидрометеиздат, 1973. 287 с.
51. *Родаль К.* Север. Природа и жизнь полярного мира. М.: Географиздат, 1958. 246 с.
52. *Самойлович Р.Л.* Путь к полюсу. Л.: Изд-во Всесоюз. аркт. ин-та, 1933. 75 с.
53. Советский энциклопедический словарь. 4-е изд. М., 1987.
54. *Стефанссон В.* Гостеприимная Арктика. М., 1948.
55. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1994.
56. Тайна полюса. Пири и Кук. Кто открыл Северный полюс? М.: Титан, 1910.
57. *Трешников А.Ф.* Роберт Пири и покорение Северного полюса // *Пири Р.* Северный полюс. М., 1981.
58. *Урванцев Н.Н.* Два года на Северной Земле. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935. 362 с.
59. *Ушаков Г.А.* По нехоженой земле. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1951. 400 с.
60. *Фрейхен П.* Зверобой залива Мелвилла. М.: Географгиз, 1961. 232 с.
61. *Херберт У.* Пешком через Ледовитый океан: Пер. с англ. М.: Мысль, 1972. 188 с.
62. *Шевелев М.И.* Арктика – судьба моя. Воронеж, 1999.
63. *Шмидт О.Ю.* Экспедиция на полюс // Тр. дрейфующей станции “Северный полюс”. 1940. Т. 1. С. 12.
64. *Брысе R.* Response to FACS’s “Critical review” // DIO. 1999. Vol. 9, N 2–3.
65. *Cook F.A.* Amundsen’s icy inferno on Earth. The story of the Leavenworth meeting 1926 // *Polar Priorities.* 1995. Vol. 15. P. 18–23.
66. *Cook F. A.* Through the first Antarctic night. N.Y. 1900.
67. *Cook F. A.* Through the first Antarctic night. Pittsburgh, Pa, 1998. 464 p.

68. *Cook F. A.* To the top of the continent. N.Y. 1908.
69. *Cook-Dorough Sh.* Cook and the Mt. McKinley climb. A reexamination of the evidence // Newsletter an occasional publication of the Dr. F.A. Cook society. 1976, 1977 issues. Vol. 1, N 2–3.
70. *Cook-Dorough Sh.* F.A. Cook: The discoveries as defendant in the court of historical inquiry. BPRC. Rep. N 18. Symposium at the Byrd polar research center. The Ohio State university. Oct. 22–23, 1993. Columbus, 1998.
71. *Cook-Dorough Sh.* Frederick Albert Cook. The oil years, 1916–1923 // *Polar Priorities*. 1995. Vol. 15.
72. *Freeman A.* The case for Dr. Cook. N. Y., 1961.
73. *Hantford R.* Amundsen and Scott. L., etc. 1979.
74. *Heckatorn T.* Belmore Brounes slippery slope // *Polar Priorities*. 1995. Vol. 14.
75. *Heckatorn T.* Following Dr. Cook's footsteps // *Polar Priorities*. 1994. Vol. 14.
76. *Heckatorn T.* Mount McKinley. Who reached the top first? // *Polar Priorities*. 1994. Vol. 14.
77. *Herbert W.* The noose of laurels. L., 1988.
78. *Isachsen G.* Peary's marches on his North Pole expedition. 1909 // *The Geographical review*. 1929. January.
79. *Koenig L.S., Greenway K.R., Moira Dunbar, Hattersley-Smith G.* Arctic ice islands // *Arctic*. 1952. Vol. 5, N 2. P. 89.
80. *Myerson R.* Forgotten prelude. The 1903 circumnavigation // *Polar Priorities*. 1998. Vol. 18. Suppl.
81. *Pohl F.* Introduction to Cook's return from the Pole. N.Y., 1951.
82. *R. W. G.* The Cook pardon saga. A tale of two presidents // *Polar Priorities*. 1995. Vol. 15.
83. *Russel W. Gibbons.* Frederic Albert Cook, 1865–1940 // *Inter-Nord*. 1968. N 10.
84. *Waal H.* Dr. Cook's mysterious Mt. McKinley route // *Anchorage Times*. 1979. March 11.
85. *Werlau B.* Inside an explorer // *Polar Priorities*. 1998. Vol. 18.

Содержание

Предисловие. Начало биографии	5
Г л а в а 1	
Крещение Арктикой. Встреча героев	17
Г л а в а 2	
Впервые через антарктическую ночь	37
Г л а в а 3	
Между Антарктикой и Северным полюсом. Мак-Кинли	63
Г л а в а 4	
Предшественники	80
Г л а в а 5	
На исходный рубеж	99
Г л а в а 6	
Цель достигнута	114
Г л а в а 7	
Наперегонки со смертью	133
Г л а в а 8	
Пири на тропе войны	155
Г л а в а 9	
Возвращение в цивилизацию. Контрверсия	173
Г л а в а 10	
На всю оставшуюся жизнь	198
Г л а в а 11	
Последователи и судьбы	213
Вместо заключения. Вердикт времени	230
Даты жизни и деятельности Ф.А. Кука	241
Основные произведения Ф.А. Кука	243
Литература	244

Научное издание

Корякин Владислав Сергеевич

Фредерик Альберт Кук
1865–1940

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
“Научно-биографическая литература”
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Л.А. Калашикова*
Художник *Е.А. Быкова*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Н.П. Круглова,*
Т.И. Шеповалова

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 28.05.2002. Формат 60 × 90 1/16
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 16,0. Усл.кр.-отт. 16,3. Уч.-изд.л. 16,3
Тип. зак. 3359,

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА” ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:

АРКТИКА И АНТАРКТИКА. Вып. 1(35) / Отв. ред. В.М. Котляков. – М.: Наука, 2002.

В сборник включены статьи, содержащие новые данные о глубинном строении земной коры и верхней мантии Антарктиды. На основе систематизации и анализа имеющихся материалов характеризуется современное состояние озер оазиса Бангера. Многолетнее изучение ледовых кернов из скважины на станции Восток позволило получить геофизическую шкалу возраста льда до глубины 3350 м. Обобщены результаты микробиологических исследований ледяного щита Центральной Антарктиды, проводившихся свыше 30 лет. В двух статьях обобщен обширный материал по пространственной структуре поверхностной температуры воды и приземного атмосферного давления в Антарктике. Приведены интересные данные по изучению органического вещества, фитопланктона и хлорофилла в водах арктических и антарктических морей. Вопросы экологии рассматриваются в статье, посвященной изучению микробиоты антарктических станций.

Для ученых, занимающихся полярными районами Земли.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ “НАУКА”
ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ:**

Резанов И.А.

Эволюция представлений о земной коре. – М.: Наука, 2002.

В монографии прослеживается история развития взглядов на земную кору и ее происхождение от античности до современности. Рассмотрены геологическая, гравиметрическая, сейсмическая, магнитная, электрическая, химическая модели коры, предложенные в XIX–XX вв. Анализируются современные концепции строения и состава континентальной и океанической коры.

Для геологов, геофизиков и геохимиков, интересующихся проблемой эволюции земной коры.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА”

Магазины “Книга–почтой”

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 75; (код 812) 235-05-67

Магазины “Академкнига” с указанием отделов “Книга–почтой”

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 (“Книга–почтой”); (код 4232) 5-27-91

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга–почтой”); (код 3432) 55-10-03

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 (“Книга–почтой”); (код 3952) 46-56-20

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90

220012 Минск, проспект Ф.Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79

103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96

103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73

630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60

630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 (“Книга–почтой”); (код 3832) 35-09-22

142292 Пушкино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга–почтой”); (13) 3-38-60

443022 Самара, проспект Ленина, 2 (“Книга–почтой”); (код 8462) 37-10-60

191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65

199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;

(код 812) 323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга–почтой”); (код 3472) 24-47-74

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон 241-03-09
E-mail: akadem.kniga@g.23.relcom.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-94-64

*По вопросам приобретения книг
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (095) 334-98-59
E-mail: [initsiat @ naukaran.ru](mailto:initsiat@naukaran.ru)
Internet: www.naukaran.ru*

ISBN 5-02-022730-7

9 785020 227309

Фредерик Альберт КУК

В. С. Корякин

**НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

В. С. Корякин

**Фредерик
Альберт
КУК**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Книга рассказывает не столько о путешествиях по Гренландии, о первой зимовке во льдах антарктических морей, походе на полюс, сколько о месте исследователя в современном обществе. Как, по каким критериям оценивает общество заслуги разведчиков своего будущего, как оно обращается с ним – вот те вопросы, на которые пытается ответить эта книга. Наконец, это еще и повесть о драме исследователя и его жизненной трагедии.

Книга предназначена в первую очередь для полярных исследователей и всех, кто интересуется историей полярных исследований, а также судьбами науки. Она не оставит Вас равнодушными.

ISBN 5-02-022730-7

9 785020 227309